ИСКУССТВО КИНО

2 0 1 1

20:00

ПОНЕДЕЛЬНИК – ЧЕТВЕРГ

ИНТЕРНЫ

«ИНТЕРНЫ» - комедийный сериал на телеканале ТНТ.
Все персонажи сериала вымышлены.

Лицензия ЗАО "Интерфакс-ТВ" на осуществление телевизионного вещания
Серия № 16416 от 03.06.2010, выдана Роскомкультурой

Кинодраматургия — едва ли не самая острая проблема отечественного кинематографа — была и остается постоянной заботой нашего журнала. Новые сценарии и проза, которая могла бы иметь экранную жизнь; статьи, дискуссии, беседы с ведущими сценаристами и дебютантами; размышления мастеров и их студентов о постижении профессии всегда были важной, а часто и единственной темой номера.

Весной 2010 года «ИК» объявил конкурс на лучший сценарий полнометражного игрового фильма о современной российской действительности. Конкурс, получивший название «Личное дело», был организован нами совместно с кинокомпаниями Genfilm и «Мотор Фильм Студия» и стал первым проектом в ряду акций, посвященных грядущему восьмидесятилетию «Искусства кино». За пять месяцев мы получили 545 сценариев, из которых Отборочная комиссия (Зара Абдуллаева, Кристина Матвиенко, Алексей Медведев) оставили 17 (в их числе 2 пьесы, легко адаптируемые для кино). Жюри, в состав которого вошли Бакур Бакурадзе, Алексей Балабанов, Татьяна Друбич, Николай Хомерики и Даниил Дондурей (председатель), определило 5 лауреатов. Их имена впервые — авторы присылали свои работы под девизами — прозвучали на церемонии награждения победителей.

Церемония состоялась в «Артклумбе» 24 января 2011 года. Ее начало было назначено на 18 часов, но мы медлили — ждали одного их тех, кому предстояло вручить приз, познакомить с продюсерами, режиссерами. Анна Яблонская прилетела в «Домодедово» из Одессы, позвонила организаторам: я в Москве. Было 16 с минутами, а в 16.32 прогремел взрыв. Ночью мы узнали, что Анна погибла. Сейчас, как и тогда, нам трудно найти слова, чтобы выразить нашу скорбь.

•

В течение года мы напечатаем все сценарии, составившие шорт-лист конкурса. Открывают серию публикаций 5 лауреатов, в этом номере — «Язычники» Анны Яблонской, «Mal'aria» Наталии Репиной и «Я умею вязать» Татьяны Богатыревой, в следующем — «Джуги» Пулата Ахматова и «Гуппии» Андрея Щербинина. Об Анне Яблонской мы попросили написать драматурга Елену Гремину, директора Театра.doc, с которым Анну многое связывало.

Нам показалось естественным в номере, подводящем итоги сценарного конкурса, представить одного из самых интересных авторов современного российского кино, прозаика и сценариста Дениса Осокина, чье участие в создании фильма «Овсянки» во многом обеспечило его самобытность и его успех.

СОДЕРЖАНИЕ «ИК» №1/2011

ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ

5
ЗАРА АБДУЛЛАЕВА — КРИСТИНА МАТВИЕНКО — АЛЕКСЕЙ МЕДВЕДЕВ
Катарсиса не будет
Конкурс сценариев «Личное дело-2010». Итоги
Беседу ведет Даниил Дондурей

ЧТЕНИЕ

17
АННА ЯБЛОНСКАЯ
Стихи

19
АННА ЯБЛОНСКАЯ
Язычники
Пьеса

КОММЕНТАРИИ

49
СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ
Все вокруг колхозное, все вокруг мое

51
ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ
Старые смыслы вьют новые гнезда

ОПЫТ

55
Анкета «ИК»
Сценаристы отвечают на вопросы редакции

ЧТЕНИЕ

63
ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
Я умею вязать
Сценарий

И М Е Н А

89
СЕРГЕЙ АНАШКИН
Бывальщины/небывальщины

99
ДЕНИС ОСОКИН:
«Стало быть, убираем любую суету»
Беседу ведет Сергей Анашкин

104
ДЕНИС ОСОКИН
Утка на барабане

Ч Т Е Н И Е

113
НАТАЛИЯ РЕПИНА
Mal'aria
Сценарий

О П Ы Т

137
Анкета «ИК»
Режиссеры отвечают на впросы редакции

Ч Т Е Н И Е

147
ЛЕОНИД КОРИН
Контрабас
Сценарий

S U M M A R Y

175

ЖУРНАЛ «ИСКУССТВО КИНО»
при участии компании «Генфильм» и «Мотор Фильм Студии»

КОНКУРС СЦЕНАРИЕВ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

2010

МОТОР!

ИСКУССТВО КИНО

GENFILM

ЗАРА АБДУЛЛАЕВА — КРИСТИНА МАТВИЕНКО — АЛЕКСЕЙ МЕДВЕДЕВ

Катарсиса не будет

ОТБОРОЧНАЯ КОМИССИЯ ПОДВОДИТ ИТОГИ КОНКУРСА

БЕСЕДУ ВЕДЕТ ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ

Этот разговор состоялся 19 января 2011 года. За пять дней до гибели Анны Яблонской.

Даниил Дондурей. Расскажите о самых разных своих впечатлениях. Ваша работа была, на мой взгляд, основной. Как бы вы оценили поток сценариев, если исключить графоманию. Какие жанры, литературные пристрастия, особенности поэтики, темы, истории, типы восприятия жизни продемонстрировал этот поток?

Зара Абдуллаева. Наверное, читателям интересно, какой процент на 545 сценариев составила графомания?

Кристина Матвиенко. Ее было не так много.

З.Абдуллаева. Да. И в ней лидировала мелодрама. Видимо, людям внушили, что это самый ходкий товар. Главное мое впечатление от основного потока — отсутствие оригинальных идей. Не появилось нашего постчеченского, условно говоря, «Таксиста». Но и — мы любим с Лешей Медведевым вспоминать этот пример — такой же дорогой идеи, как в малобюджетном американском фильме про двух драйверов, жену с мужем, которых съели акулы, собравшем миллионы в прокате. В тех же сценариях, которые мы выбрали для обсуждения, были удачны либо начало, либо вдруг какой-то талантливый поворот, либо незаемная общая интонация, что и заставило приглядеться к этим текстам.

Второе впечатление: не было ярких попыток осмыслить, освоить сегодняшние проблемы российской повседневности. Может быть, только «Апатрид» Алексея Юсева — про национальные отношения. Но этот сценарий мы не взяли в шорт-лист, так как текст был не очень сильным. Зато выбрали «Джуги» Пулата Ахматова — историю вроде бы о том же, но менее плакатную, с массой подробностей, хотя и не слишком смелую, жесткую. При этом важно отметить: речь идет не столько о конкретных сценариях, сколько об отсутствии киноиндустрии. Если б она была, то сценариев, думаю, шестьдесят можно было бы довести до экрана. Доработав, конечно, эти тексты с режиссерами. Мне кажется, это главное достижение конкурса. Но все хотят быстрых результатов. Есть талантливые люди, хотя еще не оперившиеся, не уверенные в себе, не очень решительные. С ними надо работать, их вдохновлять. Они должны иметь среду и заинтересованное окружение.

Кроме того, пора разобраться с нашими мифами о том, что есть коммерческий проект, а есть арт. Продюсеры в этом ничего не понимают. Или не хотят делать усилий. Или не имеют производственных и личных возможностей

видеть чуть вперед. Я, например, показывала «Крыло бабочки» Анастасии Истоминой. На мой взгляд, это крепкий мейнстрим, который мог бы стать интересным при соответствующей работе. Но мне сказали, что наша публика еще к таким триллерам не готова. А я не уверена в этом. Что такое в нашем пространстве «коммерческое кино»? Это ведь смешной вопрос. А еще всем хочется неведомых шедевров, но каждый понимает это свойство текста в силу своей испорченности. Я думаю, что важнее иметь сценарии, с которыми можно и хочется работать. И у нас такой приличный драматургический материал есть. Согласна?

К.Матвиенко. Согласна. Я оптимистично смотрю на результаты нашего конкурса. Но я не продюсер и не понимаю, когда режиссеры и продюсеры говорят, что сценарии не совершенны. Когда выходят хорошие, по их мнению, фильмы, мне они таковыми не кажутся. Я не понимаю, почему тексты, которые они отвергли, хуже тех, с которыми они решили работать. Но если говорить об общем потоке — о ста, скажем, или двухстах сценариях, — то самым тяжким впечатлением было размытое представление о жизни, о том, что такое современный герой, живущий в Москве, имеющий какую-то работу, семью. О том, как он одевается, как и что говорит, например, за столом: «Скушай это или вот это». То, как сценарист видит современную жизнь.

З.Абдуллаева. Там же были и сериальщики.

К.Матвиенко. Наверное. Но в их глазах искривленное стекло, сквозь которое они смотрят на жизнь. Все мимо. Чушь и безобразие. Я понимаю, что такие сценарии берут на телевидении и отчасти для кинотеатрального проката. Но я тем не менее уверена, что количество хороших вещей было достаточным. В них есть попытки отразить современные конфликты. Реально удельный вес сценариев, в которых чужой, провинциал приезжает в Москву и пытается адаптироваться, был заметный. Вы можете сказать, что подобное мы уже читали, смотрели. Все равно приличные сценарии на такую тему были. В них пойман нерв современной жизни, который для меня важнее мастерства.

З.Абдуллаева. Для меня, безусловно, тоже. Но, к сожалению, в таких историях именно нерв не был задет.

К.Матвиенко. А чем плох сценарий «Москвич» Владимира Козлова — про мужика, который приехал в Москву и устроился на овощебазу? Я не знаю, насколько такие истории вторичны, но для меня это современность.

Алексей Медведев. Вернусь к началу. Мы все не продюсеры, и не стоит сравнивать наше мнение с продюсерским. У нас в стране успешных продюсеров, наверное, два-три человека. Это люди, которые осознанно делают выбор и добиваются, чего хотят. Роман Борисевич хочет возглавить российскую «новую волну» и в какой-то степени у него это получается. Константин Эрнст хочет доказать, что российский фильм может заработать больше, чем голливудский, если его безостановочно рекламировать по Первому каналу, и у него иногда это выходит. Хотя такая реклама, как мы знаем из материалов «Искусства кино», во Франции, например, запрещена, потому что тогда блокбастер получит слишком большое преимущество по отношению к артпроектам. Так вот: у нас два или три продюсера, но даже в их биографиях были провалы и неправильный выбор. Поэтому нам надо смело ориентироваться на собственное мнение. И стесняться мы его не будем.

Теперь по поводу графомании. У меня есть критерий. Когда я замечал, что человек пишет в диалогах «вы» с большой буквы, это было четким признаком автора-графомана. Потому что в нормах русского языка нет такого употребления в диалогах, прозе. Это норма только для официальной переписки. Если автор так пишет, значит, он уважает слово, личность, культуру. А когда человек приступает к творению культуры с уважения культуры, а не с радикального жеста или хоть какого-то переосмысления стереотипов, то это графоман. Теперь по поводу процентов. Так как я отбираю кино, то у меня за-

кон двух процентов. Из тех фильмов, которые я смотрю на фестивалях, десять процентов мне интересны и два процента нравятся по-настоящему. Из ста фильмов десять я соглашаюсь рассматривать и готов отбирать, а два запомню надолго или навсегда. В нашем конкурсе, как ни странно, соотношение примерно такое же. Просто на фестивалях уже сделан предварительный отбор. У нас же, естественно, из пятисот сорока пяти сценариев четыреста был мусор. Не всегда графомания, но все равно неликвид. Очевидно, что эти тексты были написаны раньше и с расчетом на конкретного заказчика. Очень много было новогодних историй, которые явно писались по заказу каналов, а потом...

З.Абдуллаева. Новый год прошел.

А.Медведев. Да. Очень много сырых, недолепленных сериалов. Хотя конкурс был анонимный, это сразу видно. Про сто сценариев можно говорить. Про десять — говорить уже серьезно. Два из них или два с хвостиком мне по-настоящему понравились. Хочу согласиться с Зарой по поводу полуфабрикатного характера многих сценариев. И я тоже смотрю на это оптимистично. Мне кажется этот драматургический материал интересным. Но даже в тех работах, которые можно серьезно обсуждать, есть очевидные просчеты. Кристина вспомнила сценарий «Москвич». Но там нет финала.

К.Матвиенко. Героя избивают, он лежит на снегу.

А.Медведев. И что? А чем фильм закончился? Мне показалось, что чисто написанный сценарий — это «Я умею вязать» Татьяны Богатыревой. В нем я не вижу, что можно переписать.

З.Абдуллаева. Конечно. Его свойство — абсолютный не формат. Я бы вот как сказала: так сценарии не пишут. Ура! Берем!

Церемония вручения призов конкурса

А.Медведев. Это очень важная тема. И мы с ней столкнулись. Люди, приславшие сценарии, которые мы беремся серьезно обсуждать, продают, в общем, не сюжеты, а миры.

З.Абдуллаева. Авторский голос.

А.Медведев. Да, да. Поэтому мы согласились с тем, что сценарий «Я умею вязать», который ближе, вероятно, к прозе, может быть экранизирован. Точно такая же история была и с пьесами. Два отобранных текста вроде формально, и не только формально, записаны именно как пьесы. Неизвестно, как на экране будет себя вести театральная условность. Тем не менее мир, который там возникает, вполне под силу современному кинематографу, и его интересно было бы воссоздать.

Кристина Матвиенко, Зара Абдуллаева

З.Абдуллаева. Здесь два обстоятельства. Безусловно, эти тексты можно экранизировать, но возникает засада с режиссурой, и с ней, я уверена, у нас больше проблем, чем с литературными текстами. У меня и возникло впечатление, что авторы этих пьес работают более ответственно, чем сценаристы. Правда, мы читали лучших драматургов и — поток сценариев. Дело не в мастеровитости, а в том, что эти — так называемые пьесы, как и «Я умею вязать», — не вызывают вопросов. Они могут нравиться/не нравиться, но уровень авторского голосоведения в них не срывается, не спотыкается.

К.Матвиенко. Этих авторов в театральном сообществе ругают за не формат. И говорят: «Как же это можно ставить в театре? Это кинематограф».

З.Абдуллаева. У нас маловато режиссеров. А все утешаются тем, что «нет историй». Вот мантра мантр.

К.Матвиенко. Конечно.

Д.Дондурей. Не кажется ли вам, что недоделанность сценариев -- свидетельство слабости российской киноиндустрии? Может быть, наше невнятное кинопроизводство заставляет сценаристов присылать заготовки, которые будут трансформированы, точнее, приспособлены под интерес режиссеров, продюсеров.

К.Матвиенко. Сценарий «Я умею вязать» даже в этом случае иным не станет.

З.Абдуллаева. Не кажется. Наши семнадцать текстов в шорт-листе — все с голосом и миром. Остальные, требующие доработки, написаны, как вышло, и все.

К.Матвиенко. Согласна.

А.Медведев. Сценарий «Я умею вязать» не станет другим и должен остаться собой. Я, честно говоря, не вижу здесь никого, кроме автора, в качестве режиссера. Хотя, может быть, найдется конгениальный. А вот если б я был продюсером Mal'aria Наталии Репиной, то сказал бы: «Да, это довольно серьезный продукт. В него много вложено и многое прочувствовано. Но герой — старомодный, пришедший из кинематографа 70-х». Я бы из этой истории оставил только существование двух разных людей на фоне катастрофы. Именно разных, а не то, что герой, который намного старше героини, как-то рефлексирует по этому поводу, и так далее.

К.Матвиенко. Но это будет твоя история, а не автора.

А.Медведев. Но я же не выступаю в данном случае как редактор. Я просто разыгрываю гипотетическую ситуацию. Говорю, что тут мне интересно, хотя герой выпадает, на мой взгляд, из ткани современной актуальной жизни. Из духа времени, как я его ощущаю. Но кому-то герой может показаться странным, неоднозначным, интересным.

Алексей Медведев

Д.Дондурей. Не кажется ли вам, что авторы понимали, что посылают текст в журнал, а не в производственную компанию, что реальный результат — опубликованная работа?

З.Абдуллаева. Нет. Сценарист, драматург откликаются на любой зов, где хоть что-то пообещали.

К.Матвиенко. Конечно.

А.Медведев. 99 процентов авторов, чьи работы мы готовы обсуждать, я уверен, являются читателями «Искусства кино». Они наверняка представляют себе контекст.

З.Абдуллаева. Публикация, конечно, важна. Но все-таки цель — довести до экрана хотя бы один-два сценария.

Д.Дондурей. У вас не было политических или остросоциальных текстов? Вы чувствовали, что у авторов есть в этом смысле какие-то ограничения?

З.Абдуллаева. Нет. Что казалось им сегодня важным или востребованным, то они и делали.

А.Медведев. Было что-то про диссидентов, КГБ, про ветерана Великой Отечественной войны, которого обманули...

Д.Дондурей. Сюжеты на политические темы им кажутся ненужными или пошлыми?

З.Абдуллаева. Да просто на эти темы были слабые сценарии. К сожалению.

Д.Дондурей. Ничего не болит у авторов по поводу социальных проблем?

К.Матвиенко. Эти темы их не очень интересуют.

Д.Дондурей. То, что обсуждается на Манежной площади — «Россия для русских» и в Интернете, — их совсем не волнует? А как обустроиться в Москве, они переживают?

А.Медведев. Все социальные темы были, но, к сожалению, в не очень сильном исполнении. Мы должны учитывать, что 99 процентов наших авторов — еще не состоявшиеся сценаристы. Они не обладают пока темпераментом и опытом, чтобы написать хороший жесткий политический сценарий.

З.Абдуллаева. Из них никто не стал еще Балабановым и не нашел своего Сельянова.

А.Медведев. Да, да.

К.Матвиенко. А «Револьвер» Андрея Щербинина, а «Джуги» Пулата Ахматова?

А.Медведев. Нельзя этого требовать от дебютантов. Они не сумеют справиться с такими задачами. Если б могли, уже давно прославились.

Д.Дондурей. А почему не попытались замахнуться?

А.Медведев. Наверное, думали, что это непроходимо.

З.Абдуллаева. А по-моему, политическое их не интересует, им еще с личным пространством надо разобраться. Хотя «Контрабас» Леонида Корина задевает и мир, существование мальчика, служившего в Чечне, и социальное время. Там только любовную линию надо убрать. Но, наверное, это уступка для потенциальных продюсеров.

Лауреат конкурса Татьяна Богатырева

А.Медведев. Были сценарии про Чечню и беспредел, но как общую черту я бы назвал темперамент наших авторов для подобных сюжетов достаточно приглушенным, мягковатым. То ли это связано с осторожностью дебютантов, то ли с их стремлением вырастить более или менее органичный цветочек на своей делянке.

З.Абдуллаева. Скорее, это свойство времени, как его ощущают наши авторы.

А.Медведев. Вот сценарий про бездомных детей.

З.Абдуллаева. «Переправа» Даниила Дресвянникова.

А.Медведев. Это не Шекспир, но там ничего ни прибавить, ни убавить. То, что человек хотел сделать, то и сказал. Правда, в неких рамках.

Д.Дондурей. Есть исследование 2010 года про молодых людей от восемнадцати до тридцати пяти лет. Результат зафиксировал их тотальное желание встроиться в систему жизни. Все успешные люди — конформисты. При этом в Интернете они живут *одной* жизнью — и честно пишут, как относятся, например, к аресту Немцова, а на службе ведут себя законопослушно. Грубо говоря, все хотят попасть на работу в «Газпром». Не было ли у вас ощущения, что авторы хотят «правильно» писать, чтобы понравиться «правильным» продюсерам?

А.Медведев. Сложно делать обобщения.

З.Абдуллаева. Мы ничего не знали про авторов, про их возраст, положение.

А.Медведев. Иногда в свойствах файла оставались фамилии авторов, и я смотрел что-то про них. Был сценарий «Мадонна Лида» Валерия Саркисяна про тетку, которая ходит по Питеру беременная, а выясняется, что она — смертница. Думал, что первокурсник написал, на самом деле — питерский преподаватель, и ему за полтинник. Действительно, элемент конформизма есть, но я не уверен, что он поколенческий. Честно скажу, ведь и у нас — во всяком случае, про себя могу сказать — он есть. Был сценарий «Улица» Андрея Загидуллина, который, я отчетливо вижу, можно здорово снять. Про чувака, которого все чмотрят, а в финале он, испытав насилие над собой, эти унижения транслирует на своих близких, в своей семье. С одной стороны, я понимаю, что это очевидный плюс. С другой, в своей оценке начинаю проявлять конформизм, думая, что в зале будут сидеть три человека. В кинотеатре «5 звезд» в маленьком зале.

К.Матвиенко. А я про это не думала.
З.Абдуллаева. Мы не взяли этот хороший сценарий, потому что в нем что-то инстинктивно смущало. Призвук любования радикализмом.
Д.Дондурей. Чем вы руководствовались?
К.Матвиенко. Интуицией.
З.Абдуллаева. Предлагаю «Улицу» опубликовать и разослать режиссерам, продюсерам.
Д.Дондурей. Есть элементарный вопрос, который интересует продюсеров, занимающихся не только арткино. Все-таки вы сделали два списка. Чем отли-

Члены жюри
Татьяна Друбич,
Даниил Дондурей

чаются сценарии для так называемого «фестивального» кино и те, в которых вы считывали коммерческие перспективы? Назовите критерии. Возможны ли они? Или все это условности? Я имею в виду четкие характеристики и свойства разных групп сценариев.
З.Абдуллаева. Сценария «Наша Раша: яйца судьбы» у нас не было.
А.Медведев. Нам его не предлагали.
Д.Дондурей. И все-таки, что такое для вас коммерческий ресурс?
З.Абдуллаева. Это мифология. Если совсем просто отвечать, то где фабула не расходится с сюжетом. Но и это не всегда срабатывает.
Д.Дондурей. Но у вас два списка. Продюсеры об этом спрашивают.
К.Матвиенко. Коммерческое — это то, что ладно скроено и где меньше маргинальных героев.
А.Медведев. В авторском списке у нас действительно мало героев, которые были бы представителями какого-то определенного класса, какой-то социальной среды. Как правило, в авторском сценарии мы имеем дело с неким отверженным, выброшенным из социума в силу обстоятельств или экзистенциального выбора человеком, который движется по различным социальным стратам, попадает в разные ситуации, встречается с разными людьми. Так возникает стереоскопическая картина. У нас социально укорененного героя, которого можно встретить в кинематографе, скажем, Кена Лоуча, в авторском списке не было. А в список мейнстрима мы включили сценарий «Дни и сумерки» Татьяны Столбовой про хоккеиста, где есть простой, понятный герой из сегодняшней жизни. Спортсмен, который заканчивает спортивную

карьеру и ищет себя. Это сценарий, который человеку, не имеющему склонности к маргинальным мирам художественного воображения, теоретически было бы интересно посмотреть, идентифицироваться с героем.

С другой стороны, все эти разделения жутко условны. Потому что в нашем кинематографе коммерческие критерии не выработались. Это критерии не жанра или стиля, а обстоятельств времени, места, имен. Если бы

Геннадий Костров (Кинокомпания Genfilm), Дмитрий Фикс («Мотор Фильм Студия»)

фильм «Ирония судьбы. Продолжение» был снят, условно говоря, Эйрамджаном или Говорухиным, вроде бы народными режиссерами, то на прокат он не смог бы рассчитывать. Кассовый успех возникает при конкретной поддержке продюсеров, когда фильм подается как событие. А те вещи, которые мы условно называем «коммерческими» из-за того, что там более доступные для широкого зрителя ситуации и герои, в наших условиях могут оказаться чистым артом, то есть фестивальным кино.

З.Абдуллаева. Во второй список мы включили более мейнстримные сценарии, которые в нашем климате тоже требуют спецопераций и долгого проката. Простейшим критерием был не столько герой, которого режиссер может повернуть в любую сторону, но линейное повествование. Напоминаю при этом, что сценарий «Личное пространство» Владимира Серышева мы включили в артсписок, хотя это жанр. Однако так сделанный жанр является в наших условиях артом. А сценарий «Стыд» Кати Мавроматис (про жен подводников) с ясными драматическими характерами, который, казалось, мог попасть в артсписок, мы перенесли в мейнстрим.

А.Медведев. Добавлю. Когда я думал о коммерческих сценариях, то прежде всего о проекте, который попал в наш основной список. «Личное пространство» — триллер, мне он очень понравился. Я могу представить, как этот проект сделать, условно говоря, сенсацией, коммерчески успешной. И снять дешево.

З.Абдуллаева. Я показывала его режиссерам и продюсерам. Мне сказали, что это либо вторично, либо у нас время еще не пришло для таких сценариев, либо надо переписать.

А.Медведев. Они не понимают.

К.Матвиенко. Если прочитать только сюжет, то это вторично, третично. Там дело не в сюжете, а как написаны отдельные сцены. Как строится диалог.

Д.Дондурей. Я тоже обескуражен. Мне очень понравился этот сценарий, дело там не в сюжете. Но потенциальные инвесторы его не оценили.
А.Медведев. Это они как раз критики, а не мы. Они-то вспоминают о своих амбициях и о фильмах из своего культурного бэкграунда. Это они хотят чего-то «пооригинальнее».
З.Абдуллаева. Или совсем попкорна.

Председатель Киносоюза Борис Хлебников

Д.Дондурей. Не кажется ли вам, что срабатывает стереотип: такие фильмы трудны для потенциального покупателя билетов? То есть посложнее для восприятия — это арт, попроще — мейнстрим?
З.Абдуллаева. Зачем нам это обсуждать?
К.Матвиенко. Это общечеловеческая мантра. Они, с одной стороны, про аудиторию думают слишком плохо. С другой стороны, аудитория с утра до вечера смотрит телевизор, где все доходчивое показывают. Но мне кажется это унизительным. Кто эта аудитория? Я не понимаю. О ком идет речь? Это абстрактная социология, которая ровным счетом ничего не говорит об этих людях. «А вы им показывали?» — хочу их спросить.
Д.Дондурей. Они уверены, что заранее знают.
К.Матвиенко. Вторая мантра — про свет в конце туннеля.
Д.Дондурей. Один из потенциальных инвесторов об этом как раз говорил. У него есть представления о своей культурной миссии. Он спросил: «Почему все они такие депрессивные? Неужели ничего позитивного не было? Или вы такие специальные цензоры?»
З.Абдуллаева. Кристина права. Я тоже все время слышу одно и то же. Но в «Язычниках», например, каждый герой проживает огромную жизнь и в финале становится совсем другим. Более человекообразным. Это не «свет в конце...», но нечто более важное для укрепления чувств и нервов зрителей.
Д.Дондурей. А как с картиной мира?
З.Абдуллаева. Она преображается для каждого в «Язычниках» в самую правильную, я настаиваю, сторону.
К.Матвиенко. И в финале все хорошо: девочка после самоубийства жива, и папа вернулся.

Я хотела бы понять, когда говорят про нужды аудитории. Что имеется в виду? Ведь если думать о том, что говорил Аристотель, то они как раз вуль-

Лауреат конкурса
Пулат Ахматов

К.Матвиенко. Да.

З.Абдуллаева. В какой-то давней своей статье я привела слова Николая Пунина о том, что не надо бояться отчаяния. Редактор заподозрил ошибку, переписав: не надо предаваться отчаянию. Всегда полезно читать верстку и держать ухо востро.

Д.Дондурей. Эта мысль про отчаяние еще не всем доступна. Хотя я тоже так думаю.

А.Медведев. Эта мысль не еще, а уже недоступна. Потому что и советское кино, и Голливуд так называемого «золотого века» не боялись пессимистических финалов. Для человека, который любит кино, такой вопрос в принципе проблемой не является. Я люблю фильм «Смерть господина Лазареску», но, исходя из сюжета, ничего более депрессивного представить нельзя. С другой стороны, и ничего более эйфорического.

З.Абдуллаева. И более возвышенного.

А.Медведев. Да, отчего душа трепещет и наполняется мрачным, но ликованием. Я не могу привести в кинематографе за последние пять-десять лет другой фильм.

З.Абдуллаева. Чуть раньше еще «Розетта». Сердце разрывалось одновременно от горя и счастья. И, конечно, «Собачья жара» Зайдля.

А.Медведев. Да. Но это территория искусства кино. Так и журнал называется. А насколько зритель готов мириться, грубо говоря, с не комфортным финалом? Какой-то, очевидно, готов.

К.Матвиенко. Я с моими коллегами занимаюсь документальным театром. Показываем спектакли бесплатно, без билетов, в провинции. Выступая на обсуждении, 80, если не больше, процентов зрителей говорят: «Зачем нам смотреть то, что я вижу на остановке автобуса?» Ни «Улица», ни «Москва» Елены Корольковой им не нужны. Это реально так. Видимо, есть вещи, которые мы не можем до конца понять. Когда я жила в общежитии, то смотрела только такое кино. А эти люди не хотят.

гарно понимают катарсис. Публике нужна надежда, что их жизнь не тра-ля-ля...

Д.Дондурей. В финале «Ночей Кабирии» она плачет и улыбается.

З.Абдуллаева. И что хорошего?

К.Матвиенко. Ничего. Через сюжет ты можешь точно так же преобразиться. То есть они хотят увидеть нечто, отличающееся от жизни людей, которые вам чинят после пожара подъезд. Я хочу понять природу этого страха.

Д.Дондурей. Им кажется, что предназначение искусства и даже кинематографа...

К.Матвиенко. Но это пропаганда.

Д.Дондурей. Не совсем.

З.Абдуллаева. А я думаю, что отсутствие катарсиса есть очень важное и точное ощущение, понимание времени. Честное и серьезное.

Д.Дондурей. Вы довольны конкурсом?

З.Абдуллаева. Надо продолжать.

К.Матвиенко. Работа была интересная, вдохновляющая. Пусть пишут дальше.

З.Абдуллаева. Надо убедить режиссеров, что сценарии есть.

К.Матвиенко. Но они постоянно говорят, что нет. А это не так.

Д.Дондурей. Есть опасность, что режиссеры и продюсеры не увидят тот результат, который мы получили.

З.Абдуллаева. Режиссеры ведут себя так же, как те зрители, о которых говорила Кристина: «Мне не надо». По другим, возможно, причинам, но и они закрыты.

Лауреат конкурса Наталия Репина

А.Медведев. У меня очень позитивное ощущение от конкурса. Самое главное, чтобы что-то происходило. В результате этого конкурса мы заметили двух-трех человек, которые на подходе и, может быть, мы их чуть-чуть подтолкнем. Внушим крошечную дозу уверенности в себе для того, чтобы написать следующую работу. Это ко всем авторам относится. Но проблема, как я ее смутно ощущаю, лежит в области темперамента сценаристов, которые все-таки недостаточно рискуют.

Д.Дондурей. Нет ли в этой закрытости какой-то неадекватности вызовам жизни?

А.Медведев. Есть. Потому что у нас феномен успеха складывается на каком-то местечковом уровне.

З.Абдуллаева. Я показывала «Язычников» режиссерам. Говорила, что это «бомба». Сначала они восхищались, потом — начинали сомневаться.

А.Медведев. Вот. Потому что наш режиссер думает не о том, что его фильм может стать «бомбой», что у людей могут глаза из орбит вылезти, а на своем уровне: здесь денег дадут, там телеканал купит. И опять скулят про нехватку сценариев. Был бы у нас Оливер Стоун, он бы нашел десять политических сценариев. Да про Ельцина снял бы фильм и сразу на «Оскара» стал продвигать, если ставить такую цель, что, впрочем, необязательно.

З.Абдуллаева. Короче, все более главной становится проблема мотивации.

А.Медведев. Да, темперамента и мотивации. Именно с этой проблемой приходится иметь дело и, собственно говоря, для этого конкурс и нужен. Никаких проблем он не решит, но, может быть, добавит мотивации и задора, как ни пошло это звучит, тем людям, которые решили связать свою судьбу с кинематографом.

Д.Дондурей. Как инициатор проекта я хочу выразить вам огромную благодарность. Это было и богоугодное, и киноугодное, и гуманитарное дело. Думаю, мы его продолжим.

Для иллюстрирования материала использованы фотографии А.Евстратова

Ч Т Е Н И Е

Анна Яблонская

Меня попросили написать предисловие к публикации «Язычников». В других обстоятельствах с какой радостью бы я это сделала — мне нравится эта пьеса, она стала событием фестиваля «Любимовка», в ней подняты важные темы, сюжет крепок, диалоги хороши. Но сейчас писать о Яблонской очень трудно. Не получается. Потому что тот, кто ее любил — а мы, ее коллеги, очень ее любили, — неизбежно спотыкается о слова «Анна была». Пытаюсь писать так, чтоб не писать прошедшего времени и сказать главное. Да, надежда драматургии, да, талант, да, редкое соединение классической традиции драматургии с драйвом, болью и свободой русской «новой драмы». Да, женственность, душевность письма и мощная, жесткая работа с сюжетом. Что еще сказать главное об Ане? Счастливая в семейной жизни, красавица, очаровательный человек — она была настоящим писателем, жила творчеством, относилась к своей работе необыкновенно серьезно, выкладывалась полностью. Пройдет немного времени — выйдут спектакли по пьесам Ани, выйдет книжка пьес и стихов, будут написаны статьи о творчестве Ани. Еще до теракта в «Домодедово» пьесы Анны Яблонской приняли к постановке несколько театров, от Лондонского «Роял Корт», до нашего московского «дока». Но, конечно, то, как оборвалась жизнь Анны, сделало ее медийным лицом, и это больно для ее друзей. Я уверена — сложись все иначе, и если бы Анна продолжила писать, слава неизбежно пришла бы к ней как к писателю, как к драматургу — по итогу жизни и работы, а не смерти. Хорошо, что «Искусство кино» публикует этот текст. Уверена, что «Язычники», несмотря на остроту темы, будут иметь свою судьбу — и в театре, и в кино.

А пока хочется чуть помолчать и перечитать стихи Анны.

Елена Гремина

АННА ЯБЛОНСКАЯ

НА СМЕРТЬ КОЛЕНОК

положи мне руку на колено,
там, где нервов самые истоки,
мы не одиноки во Вселенной,
просто мы вселенски одиноки...
у любви такая масса нетто —
не поднимешь, сколько ни старайся,
видно, на Земле мне жизни нету,
видно, есть мне только жизнь на Марсе...
мне вкололи космос прямо в вену,
экипажи ждут в небесных лодках,
положи мне руку на колено,
там, где стрелка...стрелка на колготках...
мне не жаль ни страха, ни упрека,
мне не жаль ни потолка, ни стенки...
мне не жаль ни Юга, ни Востока,
мне немного жаль свои коленки...

ЗАТМЕНИЕ

Я завидую людям, которые спят в поездах
И уверенно пьют кипяток
из дрожащих стаканов,
Для которых все рельсы
на свете — одна борозда
И кому параллели дороже меридианов.
Я завидую людям, которые любят людей, —
Нелюдимые люди гуляют вдали от вокзалов,
Одержимые рядом нелепых, но вечных идей
Превращенья камней... превращенья камней — в драгметаллы.
Я завидую людям, точнее — всего одному
Человеку, который, действительно, царь и зверей, и растений,
Говорят, Он внутри.
Я его в темноте обниму,
ожидая, возможно, сиянья, возможно — затменья.

* * *

я пью еле теплую воду с осколком лимона
мне нравится город
соскабливать шрамы с предплечья
портовые краны
и люди живущие в моно
однажды уронят балконы свои в бесконечность
я ем пироги, начиненные звуками линий
мне нравятся бланки,
ничем не заполненный почерк
меня расфасуют в кувшины из солнца и глины
а может быть просто в железные звонкие банки
я стану читать «анатомию сна и момента»,
закутавшись в нежность,
идти за космическим плугом
и стану — возможно — не музыкой, но инструментом
в руках Человека с таким же серебряным кругом

* * *

Спектакль кончился овацией,
И вся Земля была нам залом,
И небо было декорацией,
И декорация упала!
И начал дождь в восторге литься,
Крича нам «браво» в унисон,
Смывая грим и с гримом — лица,
Плескался в душах примадонн...
Мы отслужили сцене мессу,
«Аминь» и «бис» нам грянул хор!
Ведь Бог был автор этой пьесы,
А Люцифер был режиссер...
Они друг другу руки жали,
В финале выйдя на поклон,
И крылья ангелов дрожали,
И бесы выли за стеклом...
Вздымались бархатом кулисы,
Звучал над сценой Брамс и Глюк,
А за кулисами актрисе
Суфлер сказал: «Я вас люблю».
Актриса думала, что это
Слова из роли говорят,
И, наполняя фразу светом,
Ее метнула в первый ряд...
А где-то там за горизонтом,
В гримерке, где не слышен шум,
Актер, игравший в эпизоде,
Слезами чистил свой костюм...

АННА ЯБЛОНСКАЯ

Язычники

Действующие лица:
М а р и н а — 40 лет, жена Олега.
О л е г — 40 лет, муж Марины.
К р и с т и н а — 18 лет, дочь Марины и Олега.
Н а т а л ь я — Наталья Степановна, 60 лет, мать Олега, свекровь Марины.
Б о ц м а н — Николай, 60 лет, сосед Марины и Олега.
С в я щ е н н и к — отец Владимир, 40 лет.
У ч и т е л ь — университетский преподаватель Кристины, 30 лет.
Д о к т о р — врач в больнице «Скорой помощи», 40 лет.

Первое действие

1

Квартира Марины и Олега. Кухня. Мебели нет. Только газовая плита и торчащий из разбитой стены кран. Пол застелен клеенкой. Здесь идет ремонт. В углу — ведра, инструменты, коробки. Боцман стоит у рабочей стенки, которую он должен облицевать плиткой, и курит. Входит Марина.

М а р и н а. Ты что... с утра — вот это все и... все?!

Б о ц м а н. Быстрее никак. Стена у тебя кривая. И клей дешевый — берется плохо.

М а р и н а. Как кривая?! До тебя же бригада была — все ровненько выровняли!

Б о ц м а н. Козлодои, а не бригада. Кривая стена! Марин, дай две гривны, я в ларек за сигаретами.

М а р и н а. Ты что, Боцман, опупел совсем?! Позавчера пять, вчера десять, сегодня две?! Одну плиточку за целый день приклеит и деньги клянчит, как будто полработы кончил! Я твои сигареты знаю! Ты что думаешь, у меня глаз, что ли, нет? Или я не чувствую, как после сигарет твоих от тебя водкой воняет?! А я уже полтора месяца в этом говне живу, ни мужу еду приготовить, ни посуду помыть! У меня дочь студентка, после института даже накормить ребенка нормально не могу! А ты уже какую неделю с этой стенкой дрочишься и ни хрена сделать не можешь!

Б о ц м а н. Кто дрочится? Я дрочусь?! Две гривны залупила, про дочь мне чешет! Знаем мы ее институт! Видели, как она каждый вечер из иномарок бухая вываливается! Студентка разгильдяйского факультета! Учиться и еще раз учиться, блядь!

М а р и н а. Что ты сказал, алкаш недоделанный?!

Б о ц м а н. А что слышала!! Мужу она не может приготовить! Да тебя хоть на самую невъебенную кухню посади с самой лучшей плитой, с посудой на хрен этой... блин непригораемой, со всей этой фигней электрической, так ты же... ёпрст даже яйцо сварить не можешь! Вон Олежка сколько раз ко мне голодный приползал — дома, говорит, шаром покати, жрать нечего, жена ни х... не готовит, с утра до вечера только этот доктор на х... Хаус и прочая поебень!

М а р и н а. Что-что?!

Б о ц м а н. А что слышала!

М а р и н а. Ах, ты ж старый ты урод! Я его, алкаша, пожалела, на работу взяла, а он, гадина, грязью меня поливает! Я его, урода, спасала, когда у него «белка» была, «скорую» ему вызывала, откачивала! Да кому ты на хрен нужен — так и сдох бы один в своей конуре, если б не я!

Б о ц м а н. Лучше, блин, сдохнуть, чем потом с тобой дело иметь! Пожалела она меня! Не надо меня жалеть! Спасла меня, к едреной матери, на работу меня взяла. А сказать, почему ты

В пьесе используются цитаты из книги «Житие преподобного Серафима Саровского», автор — протоиерей Дмитрий Троицкий (1886—1939), а также православные молитвы.

меня взяла, а не другого кого? Потому что жадная ты — звиздец! По городу квадратный метр — пятнадцать долларов минимум, и то — поискать еще! А где ты еще такого козла, как я, найдешь, который за восемь будет класть — и тютелька в тютельку, ровненько, епт, чистенько, епт, как в Париже на хер!

Слышится звук открываемой двери, шаги в коридоре.

М а р и н а. Кто это в Париже таких мудаков, как ты, видел?!

Б о ц м а н. Кому надо — тот и видел! Я там хоть, в отличие от тебя, был! А тебя — хер кто туда пустит!

Входят Олег и Наталья с тяжелыми сумками. Наталья — пожилая сухая женщина в длинном черном одеянии и в платке, надвинутом на самый лоб.

М а р и н а. Олег, ты что этому дебилу жаловался, что я плохо готовлю?!

Б о ц м а н. Не плохо, а, вообще, ни хрена!

М а р и н а (*смотрит на Наталью, кричит*). Кто это, Олег?! Кто это, я спрашиваю?!!

О л е г. Мама.

М а р и н а. Кто?!

О л е г. Марин, мама приехала.

Марина смотрит непонимающим взглядом на свекровь. Наталья Степановна подходит к Марине, обнимает ее, трижды целует и крестит.

Н а т а л ь я. Здравствуй, доченька. Здравствуй, милая.

М а р и н а. Я не поняла... Олег...

О л е г. Марина, это моя мама.

Н а т а л ь я. Не помнишь меня, Маринушка? Ну, ничего, ничего, господь управит, господь управит, а я вам воды из святого источника Сутеевской Божьей матери привезла.

Наталья вынимает из сумки пластиковые бутылки с водой, банки с медом и вареньем, какие-то свертки, кулечки, пузырьки, узелки. Все эти гостинцы имеют грязноватенький, убогий, неприятный вид. Боцман тем временем сворачивает работу, собирается уходить.

М а р и н а. Я не поняла, куда это ты собрался, работничек?! Ты мне сколько будешь мозги трахать?!

Б о ц м а н. Не нравится — другого найди. Пусть другой трахает. (*Олегу.*) У тебя двух рублей не будет?

Олег отрицательно качает головой.

Б о ц м а н (*Наталье*). Двух рублей не найдется?

М а р и н а. Не давайте ему!

Н а т а л ь я (*вынимает из кармана целую горсть мелочи*). А возьми, отец мой. Только уж ты на водку не трать — не впрок будет, отец мой.

Б о ц м а н (*сгребает мелочь*). Не, я не пью вообще.

Уходит.

М а р и н а. Зачем вы ему дали?! Я ж его до завтрашнего вечера не увижу! А придет — на опохмел клянчить будет и опять не сделает ни хрена!

Н а т а л ь я. И-и-и, дочь моя. Не сквернословь, душу свою коптишь, грех великий. Господь управит! Где тут у вас умыться-то с дороги?

О л е г. Идем, мам. В ванную. Я покажу.

Олег и Наталья выходят. Марина провожает мужа взглядом, полным ненависти.

2

Вечер. Гостиная, заставленная старой советской мебелью, — польская стенка, старый диван, тумба под телевизор. Стенка закрыта клеенкой — из кухни по всей квартире оседает строительная пыль. Телевизор стоит на полу, а на тумбе находится старая швейная машинка, на ней горой навалена ткань. Марина, Олег и Наталья сидят за старым советским полированным столом, укрытым клеенкой, и пьют чай. Точнее, чай пьет одна Наталья, аппетитно закусывая медом, а Олег и Марина молча сидят и смотрят на нее. У Марины — перекошенное злое лицо, Олег — растерян и утомлен.

Н а т а л ь я. Берите мед, детушки. Гречишный, монастырский. Сам настоятель, преподобный Варсонофий, пасеку освещал. Он к пчелам без маски ходил, голыми руками соты срезал. Ножик пасечный возьмет, помолится, а пчелы вокруг него, как бабочки, вьются... и не жужжат, а словно поют, соловьи будто, — божьего человека то чуют! Ни разу не ужалили. А мед, что он собирал, к ранам прикладывали, а у одной женщины опухоль рассосалась... Царствие небесное! Что ж вы не едите-то? Ой, Марина! Я ж тебе молочко маточное привезла! Если заболе-

ет кто, ни в коем случае никаких таблеток не пейте...

Наталья вскакивает и бежит в коридор. Олег и Марина остаются сидеть.

М а р и н а. Зачем она приехала?

Олег пожимает плечами.

М а р и н а. Надолго?

Олег пожимает плечами. В коридоре слышно шуршание пакетами.

М а р и н а. Пятнадцать лет ни слуху ни духу! Сын, внучка, как, что с ними, где? Куда там! Она ж у тебя святая, по монастырям таскается, а внучку родную повидать? Хоть бы раз с днем рождения поздравила! А теперь на тебе: здрасьте! Приехала — божий одуванчик! Мало мне тебя, дармоеда! Мне Кристину надо на ноги поставить! Я же целыми днями по этим объектам... а потом у швейной машинки горблюсь, чтоб она доучиться могла!

Входит Наталья и торжественно ставит какой-то грязноватый пузырек на стол перед Мариной.

Н а т а л ь я. А вы в какую церковь ходите? В Свято-Троицкий храм или в Ильинский?

Марина и Олег молчат.

Н а т а л ь я. Святой Марии Магдалины?

М а р и н а. Мы не ходим.

Н а т а л ь я (*сорвавшимся голосом*). Да вы что! Как не ходите?! А о душе?! О спасении вы подумали?!

М а р и н а (*угрожающе*). Слушайте, Наталья... как вас... Степановна, знаете что?!

Слышится звонок в дверь. Олег вскакивает и идет открывать.

М а р и н а. Видите... у нас ремонт, дочка — студентка... Вы зачем приехали?

У Марины звонит мобильный телефон.

М а р и н а (*улыбчиво и приветливо*). Добрый, да. Да. Конечно. Давала, да... Нет, я не хозяйка... Марина, а вас? Очень приятно, Евгений. Простите, вы на какую сумму рассчитываете? Так... ну здесь есть, конечно, варианты, но за такие деньги в кирпичном доме... это только однушка... двушка или трешка за такие деньги... это уже хрущевка... московка... подождите, Евгений... А гостинка? Гостинку не хотите? У меня есть очень чистенькая на Петрашевского... Косметический ремонт, столярка поменяна, балкон... Этаж пятый, но там крыша хорошая, ничего не течет нигде... Документы в порядке... Я бы на вашем месте... вот лично мое мнение — она уйдет, потому что на рынке такие предложения... это... Да, давайте я завтра по базе проверю все и перезвоню вам, хорошо? В какое время вам удобно? Все, до звоночка.

Входят Олег и Кристина. Кристина то ли пьяна, то ли находится под действием наркотических веществ. Бледная, зрачки расширены. И еще — она вся мокрая. С головы до ног — лицо, волосы, зимняя куртка, джинсы, сапоги. С нее обильно текут струи воды.

М а р и н а. Кристина!

Марина кидается к Кристине, пытается заглянуть ей в глаза, но они стеклянные.

М а р и н а. Где ты была?!

Пытается ее раздеть.

М а р и н а. Почему ты мокрая?!

Кристина тупо смотрит себе под ноги, где уже образовалась порядочная лужа.

М а р и н а. Ты пила?!

Кристина молчит. Вдруг ее взгляд останавливается на Наталье.

К р и с т и н а (*неожиданно оживляется*). О! Это она, что ли?! Сука эта?! Из деканата?!

О л е г (*в ужасе*). Кристина, это бабушка!

К р и с т и н а. Соска старая. Жаловаться на меня пришла?!

О л е г. Кристина! Это бабушка твоя! Бабушка Наташа! В гости к нам приехала!

М а р и н а. Кристина! Да что с тобой?! Где ты была?!

К р и с т и н а (*удивленно*). Бабушка?! Крындец! А она зачем приехала?

Кристину тошнит. Марина, рыдая, кидается в ванную за тазиком, Олег бесцельно суетится, бегая по комнате. Одна бабушка Наташа спокойно сидит на стуле, пьет чай с гречишным медом и внимательно смотрит на свою восемнадцатилетнюю внучку.

3

Ночь. Ванная комната — санузел совмещен. Олег сидит на полу рядом с унитазом, поджав ноги, облокотив-

шись на умывальник. У Олега в руках маленький старый радиоприемник. Олег тихонечко слушает музыку. Он закрыл глаза, на лице — выражение отрешенности, нога тихонечко отбивает такт. Вдруг у двери с другой стороны слышится какое-то шуршание, дергается дверная ручка. Олег вскакивает, ударяясь головой об умывальник. Он затравленно смотрит на приемник, не зная, куда его деть. Глушит звук, закутывает в полотенце, ставит на дно ванны.

О л е г. Кто там?

Н а т а л ь я. Я.

Олег открывает дверь. Входит Наталья, внимательно озирается вокруг.

Н а т а л ь я. Ты что здесь делаешь? Четыре утра!

О л е г. Руки мыл. После туалета.

Н а т а л ь я. А-а. А полотенце где? Господи, как вы тут живете-то, вообще?

О л е г. Нормально живем. Полотенце там... в комнате. Мам. А ты чего не спишь?

Н а т а л ь я. Да я только уснула было, да слышу... звуки какие-то... словно из преисподней, Олежик... Как будто диавол с духами тьмы на своих трубах адских играют... И как будто вот отсюда... из ванной... Ты не слышал?

О л е г. Нет, я ничего не слышал.

Н а т а л ь я. Кристина-то как? Всю ночь Богородице за нее молилась!

О л е г. Не знаю. Проблевалась вроде. Спит.

Н а т а л ь я. Олежа, а дочка-то твоя — крещеная?

О л е г (*пожимая плечами*). Не знаю. Нет, кажется.

Мать укоризненно смотрит на сына, качает головой, что-то тихо шепчет, крестится.

О л е г. Мам.

Н а т а л ь я. Что?

О л е г. А ты... зачем приехала?

Н а т а л ь я. Помру я скоро. Повидаться приехала.

4

Утро. «Детская» комната, где живет Кристина. Кристина полулежит, одетая, на узкой подростковой кровати, куда давно не вмещаются ее ноги. У нее опухшее лицо, ничего не выражающий взгляд. На кровати сидит Марина с красным от слез лицом. В руках у нее телефон.

М а р и н а. Давно?

Кристина молчит.

М а р и н а. Давно?!

Кристина молчит. Марина плачет.

М а р и н а. Почему ты не сказала?! Я на той неделе за прошлый семестр внесла... последнее... Почему ты не сказала?!!

Марина плачет. Кристина молчит.

М а р и н а. Где ты была?! Господи, за что?! Просто скажи мне, я твоя мама, я всегда... что бы там ни было... Кристина... Я ж на тебя всю жизнь положила! Ты беременная?

Кристина молчит.

М а р и н а. Ты колешься?

Кристина молчит.

М а р и н а. Покажи руки!

Марина кидается к дочери, задирает рукава на локтях, Кристина резким движением отталкивает мать.

М а р и н а (*закипает*). Ах ты ж тварь!!! Растила ее, кормила, поила, всю молодость на нее угробила, всю жизнь, а она — к матери руки протягивает?!!

Марина замахивается и сильно бьет дочь по лицу. Кристина никак не реагирует. Марина кричит так, словно это ее ударили. Вбегает Олег.

О л е г. Что?! Т-ты... ты что?! Кристина, ты чего?! Марина! У нее же кровь течет... кровь... течет... кровь... Откуда кровь?!

М а р и н а. Полюбуйся! Полюбуйся на нее, Олег! На дочь свою полюбуйся, отец! Ударила меня, ударила! Родную мать ударила!

О л е г. Марина, у нее кровь из носа, или нет... Губа... или глаз... Марина, у нее глаз...

М а р и н а. Полюбуйся, говорю, папаня, на свою дочку! Всю жизнь ее одна тащила, пока ты в дудку свою дудел!

У Марины звонит мобильный телефон.

М а р и н а (*улыбается, приторным голосом*). Да, Ирина Ивановна, я звонила. Это по поводу той гостинки на Петрашевского... Она не продалась еще? Ага, да... И он не сбрасывает? Потому что для гостинки... ну,

и с крышей там были... сами знаете... проблемы... ну, спальный район, да... а с задолженностью что там? За коммунальные? Потому что да... Спасибо, я тогда сама... да... сама ему позвоню...

Из кухни слышится голос Натальи.

Наталья. Олег, Марина, Кристиночка! Завтракать!

Марина (*кричит указывая на кухню*). Почему она еще здесь?!!

Олег. Не кричи.

Марина. Я в своем доме!!! Что она у меня на кухне делает?!! Она что, хозяйка здесь?!! Или кто?!

Олег (*дочери*). Что с тобой?!

Марина. Ее из института выгнали!

Олег. Кристина!

Марина. Два месяца назад! А я на прошлой неделе за контракт за тот семестр внесла!!! И ничего не сказали мне — деньги взяли, галочку поставили, а она с октября там не появлялась... А я как дура — занавески по ночам шью... Думаю, выкраиваю, как мне этот контракт выплатить... В деканат звонила — говорят, еще в декабре приказ подписали, нам на дом выслали! А у нас ящик почтовый не закрывается!! Почему у нас ящик не закрывается?!! Сколько я просила тебя!! Сколько я просила?!!

Олег. Марина. Ты же сама сказала, когда я его починить хотел...

Марина. Хотел! Когда ты в последний раз в своей жизни что-то хотел?!

Олег. Зачем нам этот ящик? Все равно никто нам не пишет, только листовки кидают... эти самые... с рекламой... и все... Марина, у нее, кажется, с глазом что-то... мне не нравится... Почему она молчит?

Марина. Сколько я просила?!

Олег. Я сейчас пойду и починю его. Сейчас прямо.

Марина. Не надо мне сейчас чинить ничего!!! Ты что, не видишь, не понимаешь, или что?! Боже мой, у нее кровь!!! Да сделай ты что-нибудь! Господи, за что ж наказание мне такое, а?!!

Входит бабушка Наталья.

Наталья. А я блинчики...

Наталья осекается, увидев Кристину. Дальше она действует очень быстро, спокойно, расторопно. Приносит мокрое полотенце, вытирает с лица внучки кровь.

Наталья (*Кристине*). Голову запрокинь. (*Олегу.*) Перекись есть?

Олег (*отстраненно, не двигаясь с места*). Была, кажется... там где-то... в ящиках...

Марина приносит перекись, отдает ее Наталье, на которую смотрит с ненавистью, но в то же время понимает, что она единственный человек, который совершает какие-то разумные действия.

Наталья. Олежа, там в большой комнате бутылка с водой на столе... Принеси...

Олег. Что?

Марина (*орет*). Бутылку принеси!!!

Олег быстро исчезает.

Марина. Из института выгнали.

Наталья. Ну... выгнали и выгнали... всякое бывает... Марина, у тебя Спаситель есть?

Марина (*с ненавистью*). Спаситель?!

Наталья. Спаситель, да... очень помогает хорошо...

Марина. Спасатель?! Мазь?

Наталья. Спасатель, да... спасатель...

Марина уходит.

Наталья. Выгнали и выгнали... Что там... чему хорошему, что ли, научить могут? Ничему там хорошему научить не могут... Ты на кого училась?

Кристина. Менеджер по туризму.

Наталья (*крестится*). Не дай Господь и слава Богу! Выгнали и выгнали... На все воля Божья... (*Прикасается к глазу.*) Так больно?

Кристина. Больно.

Наталья закрывает ладонью здоровый глаз внучки.

Наталья. Видишь что-то?

Кристина (*смотрит на бабушку*). Расплывчато...

Наталья. Ну и слава Богу...

Появляется Олег с бутылкой воды.

Олег. Эта, что ли?

Наталья берет бутылку из рук Олега, выливает пригоршню себе на ладонь и щедро окропляет Кристину.

Наталья. Во имя Отца и Сына

и Святого Духа, во имя Отца и Сына и Святого Духа, во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Наталья кропит комнату и Олега. Входит Марина.

М а р и н а. Нет у нас спасителя... ой... спасателя... Что вы делаете?!!!

Н а т а л ь я (*окропляет Марину*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа, во имя Отца и Сына и Святого Духа, во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

5

Большая комната. Стол. За столом сидят отец, мать, бабушка Наташа и Кристина с подбитым глазом. Пьют чай, едят блины, всё молча.

Н а т а л ь я (с *неожиданной радостью*). На монастырском масле жарила! Свяченое! Маслице... Сам архиепископ Ионафан благословил...

Наталья приглядывается к лицу Кристины.

Н а т а л ь я. Что это у тебя?

О л е г. Где?

Н а т а л ь я. На лице...

О л е г. Где?

Н а т а л ь я. Ну вот... нет, не это... а тут вот... вавочки?! Может, аллергия? Или проклял кто?

К р и с т и н а. Это прыщи, бабушка. Половое созревание.

Марина начинает плакать. Одновременно она набирает номер на мобильном телефоне.

Н а т а л т я. Марина, ты крещеная?

М а р и н а. Алё, Сергей, это Марина. Вам сейчас удобно говорить? Я по поводу квартиры вашей, когда можно будет посмотреть? Да. Пока не знаю, сейчас сами видите, да... на десять квартир один покупатель, и то иди знай... Кредит? А кто сейчас кредиты дает? Нереально... Так что... Мы посмотреть сможем? Во второй половине дня... Да, хорошо, я перезвоню тогда и точно скажу вам.

Н а т а л ь я. Крещеная?

Марина сморкается, положительно машет головой.

Н а т а л ь я. А Кристиночка? Крещеная?

Марина сморкается, отрицательно машет головой.

Н а т а л ь я. Нужно покрестить.

К р и с т и н а. Я агностик, бабушка.

Н а т а л ь я (*крестится*). Чего ты не кушаешь?

К р и с т и н а. Я агностик.

Н а т а л ь я. Вот покрестим — и все пройдет.

М а р и н а (*кричит*). За что тебя из института выгнали?!

О л е г (*шепотом*). Мариночка, не надо.

Н а т а л ь я. Потому что некрещеная.

М а р и н а. За что?!

К р и с т и н а. Я — агностик.

Н а т а л ь я. Олежа, тебе еще блинчик положить?

М а р и н а. Что, думаешь, я не знаю?! Мне уже соседям в лицо смотреть стыдно!! Сколько раз видели ее! На машинах...

О л е г. На каких машинах?! Положи один...

М а р и н а. На каких машинах!! Очнулся! Дочь твоя давно уже шляется, а он очнулся! Куда вообще глаза мои смотрели, господи?! Все — одна, всю жизнь одна...

Н а т а л ь я. Что такое агностик?

Звонок в дверь.

О л е г. Я открою.

М а р и н а. Целыми днями... как шавка... с этим ремонтом... с алкашом этим недоделанным... криворуким, а в голове одно — где деньги взять, где деньги взять, чтоб учебу ее вытянуть... днем по квартирам этим бегаю... По ночам... до пяти утра за швейной машинкой. Я от этих занавесок уже света белого не вижу, я ничего не хочу уже... За что?!!

Н а т а л ь я. Почему ты так плохо кушаешь? Кушай! Вкусные блинчики!

К р и с т и н а. Невкусные, бабушка. Херовые блины. Не умеешь ты готовить. Хуже, чем мама, даже.

М а р и н а. Дрянь!

К р и с т и н а. И масло прогорклое.

Входят Олег и Боцман. Боцман трезвый и мрачный.

Н а т а л ь я. Ой! Спаси, Господи! Чаю будете?!

Б о ц м а н. Нет. Я в ванную пойду. Переоденусь.

М а р и н а (*насмешливо*). С бодуна опять?!

Б о ц м а н (*мрачно*). Мастерок мой где? Я вчера в коридоре оставил.

Н а т а л ь я. Я в чулан убрала.

М а р и н а. Убрала она! Распоряжается!

О л е г. Трезвый.

М а р и н а. Кто трезвый?!

Марина встает и обнюхивает Боцмана.

О л е г. Ну, трезвый.

Боцман уходит в ванную переодеваться. Олег вынимает из шкафа черный футляр для какого-то музыкального инструмента.

М а р и н а (*Кристине*). Посуду убери!

О л е г. Ну, я пошел...

М а р и н а. Куда ты пошел?!

О л е г. Я ж говорил... по поводу работы...

М а р и н а. Какой работы?

О л е г. Ну... в филармонии...

М а р и н а (*срываясь на визг*). В какой филармонии?! Опять?! Опять?!

О л е г. У них концерт в субботу...

М а р и н а. Ты мне что говорил?! Ты что говорил?! У него дочь шляется, а он по концертам...

Н а т а л ь я. Что такое агностик?

О л е г. Это работа!

М а р и н а. Работа?! Три часа дудит, слезы заплатят, а потом до утра уродов всяких пивом поить, когда дома жрать нечего! А утром — домой без копейки?! Пока жена ночами буржуев всяких занавесками обшивает!!!

В ванной слышится какой-то грохот. Появляется Боцман в рабочей робе с мокрым полотенцем в одной руке и радиоприемником — в другой. Приемник тоже весь мокрый.

Б о ц м а н. Чёт я не понял... Руки хотел вымыть... Кран открыл — не увидел... А там это... в ванной... в полотенце завернуто...

О л е г (*хватается за голову*). О!!

М а р и н а. Опять!! Опять ты в туалете этой пакостью занимался?!

Н а т а л ь я. Что такое агностик?

О л е г. Это музыка.

Б о ц м а н. Я не знаю. Мне стенку заканчивать надо.

Н а т а л ь я. Не надо, я все вымою, уберу... Ты отдыхай, Кристиночка!

М а р и н а. Ага! Наотдыхалась уже! Наотдыхалась! (*Набирает номер телефона, сладким голосом.*) Алё, Евгений... Это Марина, риелтор, агентство «Винедвижимость»... Значит, я подобрала для вас несколько вариантов... Можно будет уже сегодня во второй половине дня... да... позже? Хорошо.

Н а т а л ь я. Марина, я с тобой поговорить хочу...

О л е г. Ну, я пошел...

М а р и н а (*с ненавистью*). Если ты только попробуешь... Только попробуешь...

О л е г. Они платят хорошо...

М а р и н а. Хорошо? Это называется — хо-ро-шо?

Н а т а л ь я. Олежа, ты бы лучше ящик почтовый прикрутил, а то дверца болтается...

Олег стоит посреди комнаты с опущенными руками. Боцман кладет на пол мокрый радиоприемник и выходит. Наталья уносит грязную посуду на кухню.

М а р и н а (*смотрит на Кристину*). За что тебя выгнали?

Кристина встает и выходит в свою комнату. Олег идет на кухню. Марина садится за швейную машинку, плачет, громко всхлипывает в такт звуку работающей машины.

6

Кухня. Наталья моет посуду, подставив под кран большую миску. Рядом сосредоточенно работает Боцман. Входит Олег.

О л е г. Пойдем покурим.

Б о ц м а н. Мне стенку закончить надо.

Н а т а л ь я. Олег, ты что?! Куришь?

О л е г. Да, мама...

Н а т а л ь я. Давно?

О л е г. С четвертого класса... Как ты в Почаев уехала... (*Боцману.*) Так что?

Б о ц м а н. Что?

О л е г. Выйдем?

Б о ц м а н. Я же сказал — я работаю.

О л е г (*тревожно*). У тебя все нормально?

Б о ц м а н (*неожиданно нервно*). Нет, блядь! Нет! Ненормально у меня! Ненормально!

Н а т а л ь я. Не сквернословь, отец мой...

Б о ц м а н. Я, сука, всю ночь...

Н а т а л ь я (*шепотом*). Святый Боже, Святый крепкий, Святый бес-

смертный, спаси, сохрани и помилуй нас...

Б о ц м а н. Я, блядь, вообще не знаю... Ай!!!

Боцман роняет инструмент и хватается за челюсть.

О л е г. Что?

Б о ц м а н. Язык прикусил...

Н а т а л ь я. Это тебя Боженька наказал, отец мой... Не сквернословь...

Боцман хватает инструмент и исступленно продолжает работу.

Б о ц м а н (*тихо, быстро, как в бреду*). Вчера в магазин пошел, чекушку взял, дома на кухне сел, на стол поставил, огурчик... и все... парализовало... хотел крышку открутить, а у меня руки не двигаются... встать хотел — ноги к полу приросли... так всю ночь и просидел... пошевелиться не мог... даже глазом моргнуть... за ночь не поссал даже ни разу... и смотрел на нее... смотрел на нее... смотрел... смотрел на нее... смотрел, смотрел, смотрел на нее, на нее...

О л е г. На кого?

Б о ц м а н. На смерть. На водку. На бутылку. И чем больше смотрел — тем страшнее, Олежа... Как будто еще больше каменел... Застывал, как цемент, застывал... думал смерть пришла моя... смотрел на нее и думал: вот она — смерть моя, купил ее в магазине, смерть мою, принес, на стол ее, смерть мою, поставил... выпить хотел, смерть мою, закусить хотел... и смотрю на нее... в глаза ей... смерти...

Н а т а л ь я. Спаси и сохрани...

Б о ц м а н. А утром солнце встало... и я подумал... надо идти... надо стенку у Марины доделать... и встал совершенно спокойно... поссал... робу взял... и к вам... и сейчас только... Щас только попускать чуть-чуть стало... Надо стенку закончить, Олежа, надо закончить, потому что если я не успею, я не знаю, что будет...

Н а т а л т я. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, спаси, сохрани и помилуй нас...

Входит Марина. Удивленно смотрит на облицованную плиткой стенку.

М а р и н а. Закончил?! Господи...

Н а т а л ь я. Господи! Господи!

Б о ц м а н. Я вот здесь еще доложу... и остальное доделаю...

М а р и н а. Сегодня?!

Б о ц м а н. Сегодня-сегодня, а когда? Я смерть вчера видел. Я доделать должен... Где клей?

М а р и н а. Так... я ж не думала, что ты... закончился клей... купить надо...

Б о ц м а н. Я пойду куплю...

М а р и н а. Так... денег у меня сейчас...

Б о ц м а н. Я на свои куплю, ты отдашь потом...(*Надевает куртку.*) Я на базар только и обратно...

М а р и н а. Может, завтра?

Б о ц м а н (*испуганно*). Завтра? Завтра нет. Завтра нельзя. Завтра не будет. Может не быть. Я не могу. Пожалуйста. Надо сегодня! Клей! Клей я на свои возьму! На свои! Я пошел... Я туда и обратно? Хорошо?

Н а т а л ь я. Иди, отец мой...

О л е г. Я с тобой.

Уходят. Марина, пораженная, ходит вдоль стены, внимательно смотрит, гладит ее, улыбается.

Н а т а л ь я. Видишь, Маринушка, что Господь-то делает... пропащий человек был, но крещеный, и Господь управил... Он теперь тебе всю квартиру вычухает и денег не возьмет! Вот увидишь! А за Олега ты не переживай... И ему Господь поможет, не оставит, я его двухнедельного в Троицком храме крестила... Главное — надо Кристину... (*Страшным шепотом.*) У нее знак зверя, знак зверя на лице...

М а р и н а. Что?

Н а т а л т я. Ты ей код оформляла?

М а р и н а. Какой код?

Н а т а л ь я. Инфекционный.

М а р и н а. Что?!

Н а т а л ь я. Для налоговой.

М а р и н а. Да.

Н а т а л ь я. Все... Спаси, Господи! Спаси и помилуй! Ты что же думаешь? Ты что ж с дитем-то делаешь?!

М а р и н а. Что?

Н а т а л ь я. Она в школе как училась?

М а р и н а. Хорошо.

Н а т а л ь я. А там... в этом... в институте?

М а р и н а. Хорошо... всегда... и сессию сама... ее даже хотели на бюджет бесплатно переводить...

Н а т а л ь я. А потом вдруг раз... взяли и выгнали?!

М а р и н а (*тревожно*). Да.

Наталья (*крестится*). Спаси, Господи, и помилуй!

Марина. Что?!!

Наталья (*страшным голосом*). Спаси, Господи, и помилуй!!!

7

Кристина в своей комнате. Полулежит на кровати, смотрит на экран своего мобильного телефона. Видимо, борется с собой, чтобы не позвонить. Входит бабушка Наталья.

Наталья. Кристиночка, ты ж почти не ела ничего. Может, покушаешь?

Кристина. Бабушка, извини, ты не могла бы выйти?

Наталья (*удивленно*). Выйти? Почему? Ты спать, что ли, будешь?

Кристина. Нет, спать я не буду. Просто, бабушка, воняет от тебя.

Наталья. Воняет? Чем?

Кристина. Не знаю. Тряпьем каким-то и этим... ну, как в церкви...

Наталья (*просияв*). Ладаном?

Кристина. Ага.

Наталья. Так это же, Кристиночка, божья смола.

Кристина. Мне от нее плохо. Задыхаюсь.

Наталья. А ты глазки закрой и помолись.

Кристина. Я агностик.

Наталья. Знаешь, как в народе говорят? Боится, как черт ладана?! Это в тебе, Кристиночка, бесы, бесы, это они ладана не выносят... Покрестить тебя надо...

Кристина. Бабушка, а ты где была?

Наталья. На кухне...

Кристина. Нет, раньше... до этого... ты где была?

Наталья. В комнате...

Кристина. А еще раньше? До того, как приехала к нам?

Наталья. В Дивеево, Кристиночка... При Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре жила... Он после Афона, Печерской Лавры и Иверии — четвертый земной удел Богородицы считается...

Кристина. А до этого?

Наталья. В Макарьево — паломницей... В Свято-Троице-Макарьево-Желтоводском монастыре...

Кристина. А до Макарьево?

Наталья. В Почаеве. В Свято-Успенской Почаевской лавре, икону Божьей матери целовала...

Кристина. И что?

Наталья. Что?! Когда татары святую обитель штурмовали — сама Пречистая Богородица со всем своим небесным воинством явилась, взмолился преподобный Иов о защите обители, а татары в Богордицу стреляли, а стрелы все назад возвращались, и монахи вышли из храма, погнали татар и многих взяли в плен, а потом еще многих татар убили, многих убили, а потом гнали их еще и вообще поубивали всех! Всех поубивали! Вот такая икона чудотворная, Кристиночка!

Кристина. Круто.

Наталья. Молилась за вас, за души ваши грешные... А ты?

Кристина. Я — что?

Наталья. Ты где была?

Кристина. Когда?

Наталья. Вчера. Ночью.

Кристина. На пляже.

Наталья. И что ты делала там?

Кристина. Купалась.

Наталья. И правильно. Я тоже в январе на Крещение в Свято-Параскевиевском монастыре в святую купель окунулась, так у меня Божьей милостью насморк прошел, а у женщины одной, она со мной в автобусе ехала, у нее ожог второй степени исчез полностью... В купель, главное, с молитвой... Так ты есть не будешь? Я голубчики сделала...

Кристина. Нет, не буду.

Наталья. Ну, попостись, моя хорошая, попостись... Хоть до поста еще неделя целая — пост никому еще вреда не сделал...

Кристина. Бабушка, ты можешь выйти из комнаты?

Наталья. Иду уже. Так, а ты одна купалась?

Кристина. Нет, бабушка. Нас четверо было.

Наталья. Подружки твои?

Кристина. Нет, бабушка, не подружки.

Наталья (*крестится*). Друзья?

Кристина. Нет. Мужики какие-то. Мы там на пляже познакомились.

Наталья. Спаси, Господи, и помилуй.

Кристина (*звонким девичьим*

голосом). Я тоже так думаю. Но ты знаешь, бабушка, мы водки выпили, и насморк у меня тоже сразу прошел.

Наталья крестится и выходит. Кристина смотрит на телефон.

8

Подъезд дома, где живут наши герои. У почтовых ящиков возится Боцман, чинит один из ящиков. По лестнице спускается Олег с большой клетчатой хозяйственной сумкой в руках, опасливо озирается.

О л е г. Ты что? Ты зачем это?

Б о ц м а н. А что... я все равно мимо шел... прикручу... а то тебе уже в этот ящик чего только не накидали... листья какие-то, болты... говно кошачье... ой...

Хватается за челюсть.

О л е г. Что?

Б о ц м а н. Больно. Стреляет прямо. Я заметил, как если что скажу... такое... прямо стреляет...

О л е г. Какое?

Б о ц м а н. Матерное. Как скажу что-нибудь — прямо спазм...

О л е г. Да ну!

Б о ц м а н. Да серьезно!

О л е г. Это психологическое!

Б о ц м а н. Да какое на х... блядь психологическое! Ай! Ай! Ай-ай-ай!

Боцмана аж «скручивает» от боли. Он садится на корточки, отдыхает некоторое время. Через минуту ему становится легче, Боцман снова берется за работу. Олег в это время присел на ступеньки и роется в большой сумке.

Б о ц м а н. Сейчас доделаю и к вам... нужно стенку там дочухать... и размеры под ящики еще снять...

О л е г (*удивленно*). Ты, вообще... как? Нормально себя чувствуешь?

Боцман ничего не отвечает, мрачно смотрит на Олега.

О л е г (*тихо*). Ты... напряженный весь какой-то... может... по пидисюрику?

Б о ц м а н (*тихо*). Чего?

О л е г (*улыбаясь*). Ну... водки...

Боцман очень быстро и тихо подскакивает к Олегу, хватает его за грудки и начинает душить.

О л е г. Ты... ты что... отпусти... отпусти... с-с-сука!

Б о ц м а н (*шепотом*). Никогда! Никогда, никогда, никогда больше! Никогда больше не напоминай мне!!! Про мою смерть... про эту ночь... на моей кухне... с моей смертью!! Ты понял?! Меня только попускать стало, понял? Когда работаю, когда руки заняты!!! А ты... ты мне даже больше при мне это слово не говори... Я не то что пить — я слышать не могу... Понял?!

О л е г. П-понял.

Боцман отпускает Олега. Олег потрясен, тяжело дышит, пытаясь прийти в себя. Боцман с ласковой улыбкой открывает и закрывает дверцу почтового ящика — работает прекрасно...

Б о ц м а н (*нежно*). Вот... замок только поменять...

О л е г (*отряхиваясь*). Коз-зел... Дома эти выдры две... что одна, что вторая... в собственной квартире, как в концлагере, радио послушать — в туалете по ночам прячусь! И если б я дрочил там! Нет! Я музыку не могу в собственном доме... как школьник, как преступник, блядь... иди работай, иди работай! Хочет, чтоб я тоже... хрущевками этими вонючими... риелтор! Много она там наторговала! А у меня профессия есть! Я музыкант! И я не хочу больше ничем заниматься! Я хочу заниматься музыкой! И я только так могу зарабатывать! А если кому-то не нравится... еще эта... маманя приехала! Так и ей теперь отчитывайся.

Б о ц м а н (*меняясь в лице*). Ты про мать не смей... Она у тебя святая!

О л е г. Святая! Откуда ты знаешь — святая она или не святая?! Ты ее вчера в первый раз увидел!

Б о ц м а н. А мне с первого раза все ясно стало... Помнишь? Помнишь, я у нее две гривны на шкалик взял? А она что сказала?

О л е г. Не помню.

Б о ц м а н. А я помню. Она же... она...

Боцман машет рукой, ничего сказать не может.

О л е г. Много ты о ней знаешь... я сам о ней не знаю ничего... Меня дед с бабкой воспитали, а она только на Пасху приезжала... кулечки эти свои сраные... это постоянно у нее... какие-то скляночки, бутылочки... медок, блядь, холодок... пакетики со скорлупой яичной... крашеные... зеленые... синие... ну на хрена с собой пакетики

со скорлупой возить? С мусором?! Пасочкой накормит меня... черствой... и поминай как звали... паломница...

Боцман только сейчас замечает, что Олег еле сдерживается, чтоб не заплакать. У него трясется нижняя челюсть, он еле выговаривает слова.

Б о ц м а н (*неумело утешает*). Она, может, за тебя... всю жизнь вон тебе... отмолила.

О л е г. Ага. Отмолила. Вон как в жизни мне повезло. Жена — истеричка, дочь... я вообще не знаю... Все! Все! Я сегодня, знаешь... меня как отрезало... Я как увидел их всех... маманю, жену, Кристину... я... ну пойми... это, может, ужасно говорить такое, но нет у меня... нет у меня, понимаешь, к ним... любви... не могу я... не хочу я... Марина давно уже мне... не женщина... не жена, а надсмотрщик... все отношения — пойди-принеси, рот закрой, не смей в свою дудку дудеть... как будто я не человек, а... хуже собаки даже...

Б о ц м а н. Вообще, конечно, Марина... я сам замечал... хотя... по природе... она женщина хорошая...

О л е г. Она не женщина, она не женщина вообще уже давно, просто... просто робот... на Кристину смотрю и не понимаю... неужели вот это... родилось у меня? Такая девочка была, помню, руку мою своими ладошками возьмет... обеими ладошками и пальцы мои считает... сосредоточенно... один-два-пять-восемь... так почему-то и считала: один-два-пять-восемь... а я другой рукой по головке глажу, глажу по головке, а теперь пьяная по ночам... блюет... нет у меня ничего, Боцман, понимаешь? Ни семьи, ни дома... ничего не осталось... одно только... только одно... что есть у меня... вот...

Олег осторожно вынимает из сумки черный футляр, открывает его. В футляре — кларнет. Олег любовно вынимает обе части инструмента, аккуратно собирает его, прилаживает мундштук.

О л е г. Почему я не могу любить тебя? Не могу любить тебя открыто?

Олег смотрит на кларнет, как на женщину. Боцману делается как-то неловко.

О л е г (*с пафосом*). Я больше так не могу. Это все. Сколько можно прятаться, бояться каждого шороха. Хватит. Хватит с нас унижения! Я больше тебя не предам! Я все скажу им. Пусть живут, как хотят. И я. И мы. Мы тоже будем жить, как хотим. Я устал бояться. Я устал быть ничтожеством и ненавидеть самого себя. Я просто хочу быть собой. И мне все равно, что скажут люди. Не возьмут в оркестр — не надо. Пойду на улицу. Буду стоять на улице и играть. Что подадут, то мое. Зато без стыда и без страха.

Олег набирает в легкие воздух, чтобы извлечь первый звук из своего инструмента. На верхнем этаже открываются двери, слышен звук шагов. Олег молниеносно разбирает инструмент, прячет его в футляр, футляр в сумку и бежит со всех ног вверх по лестнице.

Мимо Боцмана, не глядя на него, проходит Кристина.

9

Квартира. В большой комнате за швейной машинкой сидит Марина. Между плечом и ухом у нее зажат мобильный телефон, ногой она жмет на педаль машинки, а руками поправляет строчку.

М а р и н а. Дешевле? Куда дешевле? Дешевле вы не найдете, я вам говорю, что такой вариант — здесь надо быстро... Я по опыту знаю, что эту квартиру заберут, оторвут с руками. Ее вообще в базе нет, потому что это для своих только недвижимость у нас... вип... Я вам просто первому, как вип-клиенту... где?! Кто вам сказал?! Соседи?! Все там нормально... Ничего там не течет... там кровельщики... подождите, Евгений... так вы не хотите? А зачем тогда голову морочите?! Подождите... давайте еще тогда посмотрим... а как вы хотели? У нас в агентстве... нет, ну без посредников...

В комнату входит Наталья с иконой Богородицы в руках. Она осматривает все углы в комнате и находит, что самое лучшее место — угол прямо над столом, где сидит и работает Марина. Наталья с неожиданной ловкостью вскакивает ногами на стол, прямо на ткань, из которой Марина шьет шторы, и прикладывает икону в угол — между потолком и стеной. Марина с ненавистью смотрит на ноги Натальи.

М а р и н а. Евгений, я перезвоню вам... Мы обязательно... нет, сейчас у нас в агентстве скидки... Вообще мы можем по-другому договориться. Я вам перезвоню!

Марина кладет трубку. Она вся кипит от ненависти.

М а р и н а. Значит, так — слезла!

Н а т а л ь я (*слезает*). Надо будет соседа вашего попросить... Колю... его же Коля зовут... а то вы его как-то странно... даже выговорить не могу... полочку вот тут — для Богородицы-матушки... лампадку зажжем... И Господь управит... Я эту икону с собой пятнадцать лет вожу, мне ее сам настоятель Ионафан...

М а р и н а. Вы вообще как... надолго к нам?

Н а т а л ь я. Да завтра уезжаю... Я ж только хотела насчет Кристины, Мариночка...

М а р и н а. Что — насчет Кристины?

Н а т а л ь я. Бесы у нее. Вычитать надо. На вычитку.

М а р и н а. Вы как... поездом или на автобусе? Билет взяли уже?!

Н а т а л ь я. Она же с мужиками по ночам... на пляже...

М а р и н а. Что?

Н а т а л ь я. Блудница она, Марина. Спасать ее надо. К отцу Владимиру на вычитку. Я договорилась уже.

М а р и н а. Кто она?!

Н а т а л ь я. Ну, блудница. Проститутка.

М а р и н а. Что?!!

Н а т а л ь я. Ну, еб...ся она со всеми подряд... Ой! (*Крестится.*) Прости, Господи!

В этот момент из своей комнаты выходит Кристина, одета вся в черное, на лице — яркий черный макияж, идет к двери.

М а р и н а. Кристина!! Куда пошла?!

Кристина рывком открывает двери и выходит из квартиры.

Н а т а л ь я (*крестится*). Бесы.

Через минуту появляется Олег с клетчатой сумкой.

М а р и н а. Ты где был?!

О л е г. Внизу...

М а р и н а (*орет*). Внизу!!! Что ты там делал — внизу?!!

О л е г. Дверцу... дверцу к почтовому ящику прикручивал... Теперь только замок поменять осталось...

Марина бросается на диван и громко рыдает.

О л е г. Что?

Н а т а л ь я. Спаси, Господи, и помилуй, спаси, Господи, и помилуй, спаси, Господи, и помилуй...

Входит Боцман. Наталья ведет его в комнату, указывает на облюбованный ею угол.

Н а т а л ь я. Вот здесь, Коленька, в уголочке... полочку... приладишь, отец мой?

Б о ц м а н. Я...

М а р и н а (*Боцману, с ненавистью*). Иди на кухню — занимайся своими делами!

Н а т а л ь я. Богородицу... Лампадку поставим... Олежик, а я тебе работу нашла...

Б о ц м а н. Щас... У меня там ДВП оставалось, под цвет дверей как раз, вам подойдет... Щас...

Боцман уходит.

Н а т а л ь я. Я отцу Владимиру позвонила... на мобильный... он на службе как раз был, а потом перезвонил... с городского уже... они с отцом Агафангелом помещение ищут под этот... под офис... я, кстати, Марина, твой телефон дала... и еще, Олежка, им человек нужен — товар принимать...

О л е г. Какой товар?

Н а т а л ь я. А на складе... Товар принимать...

О л е г. Какой товар?

Н а т а л ь я. Четыреста долларов — испытательный срок, потом на полную ставку — восемьсот...

М а р и н а. Сколько?! (*Тихо.*) Долбанулась матушка...

Н а т а л ь я. Им, главное, проверенный человек нужен и порядочный, а я говорю: «Отец Владимир, вы же знаете, какой у меня Олежик...»

Возвращается Боцман с какими-то досками и начинает прилаживать их к стенке. Глаза у него стеклянные, движения механические.

М а р и н а. Так... это что?! Олег! Все! Я терпеть это не намерена больше... Значит, так! Чтоб этих досок в моем доме...

У Марины звонит телефон.

М а р и н а (*в трубку*). Да! Марина, да... Да, это я... Кто... кто дал? Да. Кто? Отец... Владимир? Какое?.. Аренда или... купить? Нет, конечно, занимаюсь, да, конечно, я занимаюсь, конечно, есть у меня... Быстро? Конечно, мы можем быстро, мы можем очень быстро... хоть сегодня... Сейчас могу показать вам... У нас как раз под склады... есть, да... первый этаж, и под офис тоже, да... А на какую сумму, извините... Что? Цена не имеет значе... Конечно, с оформлением, мы все оформляем, все делаем, делаем, да... Есть хорошее... триста квадратных метров на Балковской...

Н а т а л ь я (*указывает Боцману на какой высоте делать полку*). Вот так, да... Вот сюда... Вот здесь хорошо будет...

М а р и н а (*встает и начинает одеваться, продолжая говорить по телефону*). Да, я могу, я сейчас могу, да, да, да.

Выходит. Олег, дождавшись, когда жена уйдет, осторожно перекладывает из сумки футляр с кларнетом обратно в шкаф.

10

Кристина идет по парку с бутылкой ром-колы.

К р и с т и н а (*нервно*). Нет. Я — нет.

Садится на скамейку, вынимает телефон, долго смотрит на экран и плачет. Открывает бутылку, пьет.

К р и с т и н а. Привет. Господи, как стало вдруг легко. Как все ужасно. Как жутко, когда приходит весна и каждая щель, каждый камень наполняются светом, становятся желтыми, пульсируют. Я хочу к маме. Не к той маме, которая дома, ищет уколы на моих запястьях, бьет по лицу, продает квадратные метры тусклых вонючих коридоров, а к другой маме — к настоящей моей маме, которая показала мне мертвую ворону... Мне было три года, стояла такая зима, когда даже душа леденеет, — вся земля покрылась коркой... Сивой, скользкой, все сцепилось, затвердело, время отключилось и отопление тоже... мама кипятила на кухне воду в выварках... из кастрюль шел пар, поднимался к потолку и тут же таял, потому что вокруг была зима, такая страшная зима, что даже пятьсот тысяч кипящих кастрюль не смогли растопить этот лед... Мама укутывала меня в четыре одеяла, а у папы губы примерзали к мундштуку на середине мелодии... И однажды утром, когда все кончилось: масло, хлеб, кастрюли, терпение, мама одела меня... Я помню, что в такой ужасный драный кроличий полушубок с залысинами и пятнами, он достался мне от двоюродной сестры... и просто жуткую ангоровую серую шапку с идиотскими бомбонами, в общем, во всем этом так легко, так просто, так сладко было чувствовать себя несчастной... удивительно, окончательно, абсолютно несчастной трехлетней девочкой. Мама взяла меня за руку, и мы пошли. И мы вошли в лифт, там были выжжены все кнопки и... я хорошо помню... я уже научилась читать... Надпись на стене: «Серый — пощ!» И я тогда поняла, что это все. Что больше ничего не будет, что все эти миллионы лет эволюции кончились обледеневшей коркой, замерзшими красными качелями, серым небом и океаном бугристого льда, в котором застыли все дома и улицы, школы, детские сады, все на свете воспитатели, вся на свете ненависть, сосредоточенная в этих полинявших коврах, деревянных кубиках с цифрами и буквами, в перекошенных стульчиках и плюшевых медведях с искаженными мордами... Я смотрела на дома и деревья, многие были свалены и валялись на мерзлой земле, как человеческие трупы, словно они еще куда-то бежали, росли, на что-то надеялись, но катастрофа случилась так внезапно, так скоро, так сразу и вдруг, что они и сами не поняли — как... смерть уложила их на асфальт, распластала их ветвистые тела по земле, словно свергнутые памятники весне и жизни... Вокруг погибшей кроны путались оборванные провода электропередач... К моему лысому, лоснящемуся жиром полушубку мама накрепко пришила коричневые варежки с корабликами, и я схватила мамину руку и даже через варежки поняла, почувствовала: она знает, она тоже знает, что это наш последний день, что наступил конец... конец всего... и почти одновременно мы увидели ее — мертвую ворону... Она

лежала рядом с упавшим деревом, ее лапы скрючились от холода, черные перья уже покрылись искорками льда, и мы обе знали — еще немного и она исчезнет, растворится в этом холодном белом кирпиче времени... Ворона была такая тощая, что, глядя на нее, я думала: отчего же она умерла первее — от голода или холода, или, может быть, от инфаркта... И на всей земле никого, больше никого не осталось, только я, мама и мертвая ворона... и так было хорошо, так было спокойно, так правильно, очень... очень правильно... потому что все уже выяснилось, все стало на свои места, потому что не на что было надеяться и ничего уже не надо бояться. Да. Нет. А теперь опять все сначала, опять весна. Снова эти люди, и трава, и птицы, и жирные чернокрылые вороны над парком, и нет никакой надежды... никакой надежды на близкий конец: все заново — дорога, солнце, пыль, крем для загара, мороженое и новая тоска, и старая пустота, и все вещи... Все вещи на свете — снаружи полные, а внутри... (*Ставит на скамейку полупустую бутылку.*) И больше нет мамы, и нет папы, нет вороны, и нет меня...

К Кристине подходит бомж.

Б о м ж (*протягивает руки к бутылке*). Ты уже допила? Можно я бутылочку возьму?

Кристина встает и уходит.

11

Квартира. Гостиная. В углу висит икона Божьей матери, под ней — полка, на полке горит лампадка. Боцман и Наталья сидят за столом и пьют чай.

Н а т а л ь я (*прихлебывая чай*). А чудеса Господни видел ты, отец мой?

Б о ц м а н (*робея*). Нет, не видел. Никаких не видел.

Н а т а л ь я. Весь белый свет объездил, везде побывал, а чудес не видел?

Б о ц м а н. Нет. Не видел... Ой, да. Видел... одно видел.

Н а т а л ь я. Где?

Б о ц м а н. В Гане.

Н а т а л ь я. Где?

Б о ц м а н. На побережье Гвинейского залива. К югу от Аквапимских холмов.

Н а т а л ь я. Это где ж?

Б о ц м а н. В Африке.

Н а т а л ь я. В Африке?

Б о ц м а н. В Африке. В Гане на погрузке стояли, руду грузили с товарищем моим... с Лехой... с механиком на берег сошли... Леха говорит: «Давай прогуляемся». На автобус сели. Он говорит: «Я все тут знаю». Ага, сошли, а там поселок... Смотрим — пустой совсем... лачуги глиняные на земле прямо, крыши из листьев пальмовых и ни души... Мне аж как-то дико стало, а Леха говорит: «Гляди, вон... на холме... копошится кто-то...» Я не увидел сначала, а только прислушался... как вой такой протяжный, жуткий, шакалы будто...

Н а т а л ь я (*крестится*). Спаси, Господи!

Б о ц м а н. Ближе подошли, а там... Все племя ихнее, разукрашенные, голые... поют, пляшут... увидели нас, а в руках ножи, копья... Я думал, всё, съедят, даже косточек не оставят... Вижу самый здоровый к нам из круга вышел, а Леха мне шепотом: «Не ссы! С вождем разговаривать будем». Он по-ихнему понимал чуть-чуть, потому что до этого там с населением ихним... дело имел... В общем, бухло им продавал... И начали они говорить, а вокруг тишина такая... Тишина, как на кладбище... И только Леха с вождем базарят о чем-то... Я стою, смотрю на них — черные все, жилистые, на лице глаза одни, белки только видно, а все остальное — черное, как земля... Стоят скалятся, мускулами играют... Все, думаю... все, а Леха поговорил с этим, с главным, ко мне обернулся... бледный такой... и говорит, что, мол, мы духа предков разозлили очень... Мы, говорит, ритуал их нарушили, оскорбили мертвых, не вовремя пришли, они своим предкам покойным поклоняются...

Н а т а л ь я. Язычники!!! Спаси, Господи, и помилуй!

Б о ц м а н. И теперь один нам выход... Или смерть, или это... Мы вместе с ними должны встать сейчас в этот... в их... в круг и сейчас они нас... короче... в воздух поднимать будут...

Н а т а л ь я. Матерь Божья!

Б о ц м а н. Только говорят: одно условие! Чтобы все железное, что есть у нас... ну... часы там, деньги, чтобы

все мы из карманов вытряхнули и обувь сняли... А я уже на ватных ногах там, разулся, часы снял... вдруг один из них ко мне с кинжалом — все, думаю, пырнет, и поминай, как звали... За грудки взял и одним движением — р-р-раз... и все пуговицы с жилетки моей срезал железные тоже... Жалко мне стало — жилетку жена мне сшила, золотые руки у нее были и добрая очень... А голубцы она как готовила! Любил я... Встали мы в круг, а я все о жене думаю: женился недавно, все ждал, когда рейс кончится, подарков накупил, а тут не то что рейс — жизнь... Они давай приплясывать и выть на своем, а в центре круга — чурбан, а на нем маска... Такая большая, разукрашенная, страшная...

Наталья. Идол!! Спаси, Господи, и помилуй!

Боцман. А они нас за руки схватили и пляшут... тум-тум-тум-тум-тум-тум... Пятками по земле ритм отбивают и в барабаны бьют, и голосами такими воют, что я голосов таких и в жизни никогда не слышал... Словно и правда... мертвые им подпевают...

Наталья. Бесы!!

Боцман. И вот так в кругу этом... Я не знаю, может, часа полтора, а может, и все три... плясали они и пели... Я уж света белого не видел, только рожи эти черные перед глазами и небо мелькает, и Нинкино лицо передо мной, как в калейдоскопе, и тум-тум-тум... И солнце, солнце такое, что попробуй вот так на холме потанцуй в полдень, как на сковородке... босиком еще... Я уж думал — все, упаду я сейчас и умру прямо здесь... И Леха, смотрю, тоже... Лица на нем нет, рот открыт, ноги еле волочит. И вдруг, вождь их в центр выбежал, рукой взмахнул, замерли все... И на колени перед нами повалился, и пополз... Сначала он, а потом и все... окружили нас с Лехой-то, на коленях ползут, мычат что-то, плачут... А вождь, значит, эту маску ихнюю эту взял и мне протягивает... Я говорю, Лехе говорю: «Что? Пиз... кердык нам». А он: «Нет, вождь сказал, что мы — великие боги, раз духу предков не под силу нас в воздух поднять, хоть и ничего железного при нас не было, и обувь мы сняли, и пуговицы тоже все срезаны... Значит, сила в нас огромная, что даже предки мертвые ничего сделать не смогли». И в знак поклонения отдают нам эту маску и с почестями большими до самого порта чуть не на плечах нас с Лехой тащили... И плакали, как собаки выли. Вождь особенно заливался, потому что жалко было маску отдавать, потому что это их главного, отца их племени, символ...

Наталья. Идол!!! Спаси, Господи! (*С жадным интересом.*) А потом?

Боцман. А потом на борт когда вернулись, в себя пришли... Вспомнил, я вспомнил...

Наталья. Что?

Боцман. Что штырь у меня стальной в ключице... Спица, понимаете? Я ж ключицу ломал... Штырь мне железный... вставили... Вот почему не смог он, дух ихний, не смог.

Наталья. И ты что же маску эту домой забрал?

Боцман. Забрал. Жене подарил. До сих пор в спальне ее висит... Как память...

Наталья. А с женой что?

Боцман. Умерла. Десять лет уж как умерла...

Наталья. Матерь Божья!!! (*Крестится.*) Умерла! Значит, ты ей эту дрянь бесовскую — в спальню, а она умерла?

Боцман. Ну... да.

Наталья. И долго прожила она после этого?..

Боцман. После чего?

Наталья. Ну, как ты идола в дом приволок?

Боцман. Да как я с рейса вернулся... Через три месяца... Рак у нее нашли, а потом...

Наталья (*крестится*). Спаси, Господи, и помилуй!!!

Боцман некоторое время сидит в замешательстве. Потом его глаза наливаются кровью, он вскакивает и бежит к выходу. Наталья сидит в комнате одна и пьет чай, на ее лице — счастливая улыбка человека, который знает, что делает.

12

Появляется Марина — вся взъерошенная, растерянная. Марина мечется по квартире, не может прийти в себя. Наталья спокойно сидит и пьет чай. Ма-

рина подходит к Наталье, хочет что-то сказать, затем Марина замечает икону Божьей матери в углу на полке. Марина несколько секунд смотрит на икону и вдруг рушится перед ней на колени.

М а р и н а. Купил!! Триста квадратных метров! На Балковской!!! Купил!!

Наталья крестится, Марина крестится.

М а р и н а. Купил! Даже подвал смотреть не стал — мне подходит, говорит! Сейчас товар прийти должен, склад до завтра срочняк... Божьей милостью... Если, говорит, десять тысяч скинете — я прямо сейчас расплачусь. Это — хозяину он... А тебе, говорит, если напрямую, не через агентство сделаешь, пятерку, прости, Господи!.. Мне! Пятерку! Я на хозяина, он на меня, я говорю: «Сбрасывай, потому что хрен кто у тебя этот сарай купит!» Он говорит: «Ну, если расчет немедленно...» А этот... юбку эту свою... подобрал...

Н а т а л ь я. Облачение!

М а р и н а. Ключи из кармана вынул... Сейчас, говорит... пошел... он там «Мерседес» свой припарковал... с водителем киргизом... Черный... на солнце так и блестит, а внутри телевизор. Пошел, чемоданчик в машине взял, деньги пересчитал... И, говорит, поехали к нотариусу... а то я к вечерней не успею... (*Крестится.*) Я нотариусу звоню, говорю: «Люда! Я тебя прошу! Люда!» А Люда: «Я уже с работы уехала!» Я говорю: «Люда! Люда!» Люда: «Ладно, но за срочность...» Хорошо, приехали мы, оформили быстро все... Он ей за срочность плюс триста еще... Купил! И деньги сразу... Расплатился! Я же... я же на эти деньги... Мы же ремонт нормальный сделаем... я же... мы же...

Н а т а л ь я. Да, теперь заживем. В молитве и покаянии.

Действие второе

1

Весна. Квартира. Свежий ремонт, уютно, чисто светло. В гостиной кроме иконы Божьей матери появились еще несколько православных икон. Окна открыты. На подоконнике стоит ваза с пучком вербных ветвей. Марина накрывает на стол. Она очень изменилась — одета в глухую темную блузку, длинную юбку, на голове — платок. Входит Наталья с подносом. На подносе — кастрюля с кашей.

Н а т а л ь я (*кричит в соседнюю комнату*). Кристиночка, помоги мне!

В ответ на зов Натальи из комнаты Кристины слышится громкая неприятная музыка. Марина порывается пойти в комнату Кристины. Наталья ее останавливает.

М а р и н а (*раздраженно*). Я сейчас!

Н а т а л ь я (*останавливает ее*). Не надо, Маринушка, не надо... Это бесы... Искушают тебя... ты молись... к таинству готовься, а Господь управит... Пусть себе... Тем более, такой праздник сегодня! Сегодня Иисус Христос верхом на осле въехал в ворота Иерусалима!

Марина и Наталья накрывают стол на пятерых. Кроме каши на столе постное масло и какие-то вялые огурцы.

М а р и н а. Сегодня ночью опять по ящикам шарила...

Н а т а л ь я. Не бойся, не найдет.

М а р и н а. Я боюсь, что если только выйдет она... Опять все начнется...

Н а т а л ь я. Не выйдет. На смерть стоять будем, а Вельзевулу не отдадим... Я ключи с собой ношу — на груди, с крестом рядом.

Наталья показывает Марине связку ключей, которая висит у нее на шее.

М а р и н а. Я так боюсь... Что она там делает?.. (*Прислушивается.*) В ванную пошла... Чего она в ванную все время ходит... Воду опять включила...

Н а т а л ь я (*тихо*). Пусть себе... перебесится... (*Громко.*) Кристиночка, за стол!

Музыка становится еще громче. Звонок в дверь. Наталья снимает связку с шеи, идет открывать. Входит Олег — в чистеньком костюмчике, с портфельчиком, стриженый, причесанный.

Н а т а л ь я. Задержался сегодня...

О л е г. Допоздна товар принимал. Отец Владимир позвонил, сказал, что по накладной еще одна машина придет... Регистрировал...

Марина обнимает Олега — без радости или принуждения, механически.

Н а т а л ь я. Садись, сыночек, каша стынет...

О л е г. Каша? (*Открывает портфель, улыбается.*) Отец Владимир меня с испытательного срока на постоянную работу перевел... Говорит, будешь работать и язык за зубами держать... Божьей милостью... в накладе не останешься. Сегодня зарплату дал, я в супермаркет — сразу буженинки купил, сыр, яйца. Вино взял красное сухое, молдавское, хорошее...

Олег вынимает из портфеля свертки с едой. Марина смотрит на них жадным взглядом. Наталья хватается за голову.

Н а т а л ь я. Да ты что, сынок?! Какая буженинка?! Какое вино! В Великий пост?! Вербное воскресенье! Страстная седьмица начинается, а он яйца купил! Завтра дочь твоя таинство крещения принимает, а ты сало в дом принес?! Дай сюда!

Наталья собирает все свертки и выносит на кухню. Возвращается.

Н а т а л ь я. Сегодня же все обратно вернешь...

О л е г. Да куда вернуть? Продукты...

Н а т а л ь я. А нет — так собакам отдадим... Сало... И вот что, Олежик, ты мне денежки-то отдай...

О л е г. Какие денежки?

Н а т а л ь я. А зарплату свою, сынок... А то всю так попусту растратишь, а нам еще месяц жить... Кристиночке рубашку нужно крестильную справить... стол накрыть завтра для отца Владимира... Давай, давай кошелек-то...

Олег смотрит на жену. Марина потупилась и молчит.

Н а т а л ь я (*обиженно*). Или что? Марина? Или ты думаешь, что? Ты думаешь, мне деньги ваши нужны, или что?! Ну спасибо, дети. Пожила я у вас. Погостила. Видно, пора мне...

Наталья снимает фартук. Марина испуганно кидается к Наталье.

М а р и н а. Нет! Да вы что! Мама! Куда вы?! Олег, ты что?! А ну быстро отдай маме деньги! Она же тебя на работу устроила, а ремонт... Да если б не мама! Да вы что?!

Олег выгребает из кошелька все деньги.

М а р и н а. Возьмите, мама! Вы и хозяйство лучше меня вести умеете... сколькому меня научили...

Н а т а л ь я (*довольная садится за стол*). Это да... Я ж в макарьевском монастыре у настоятельницы Варвары складом заведовала... Умею распорядиться...

Все садятся за стол.

Н а т а л ь я. Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питие молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих, яко благословен во веки веков. Аминь. (*Крестит пищу.*) Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремении, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволения.

Наталья кладет в тарелки кашу. Вдруг из комнаты выходит Кристина — бритая наголо, в черной футболке с костями и черепом и стрингах, таких тонких, что они еле прикрывают тело. Кристина очень худая.

М а р и н а. Кристина! Что ты с собой сделала?

К р и с т и н а (*садится за стол*). Пап, у тебя бритва тупая. (*Показывает на голову.*) Поранилась, видишь?

О л е г. Кристина!

Н а т а л ь я (*крестит внучку*). Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злохитрого антихриста, близгрядущего, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения. Даждь ми, Господи, крепость и мужество твердаго исповедания имени Твоего святого, да не отступлю страха ради дьявольского, да не отрекусь от Тебя, Спасителя и Искупителя моего, от Святой Твоей Церкви. Но даждь мне, Господи, день и ночь плачь и слезы о грехах моих, и пощади мя, Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь.

К р и с т и н а. Баб, ты, действительно, что ли, думаешь, что он тебя во время страшного суда пощадит? Правда, что ли?

Н а т а л ь я (*крестит Кристину*). Спаси, Господи, и помилуй! Спаси, Господи, и помилуй!

О л е г. Кристина, зачем ты? Что ты с собой сделала? Почему ты... голая?

К р и с т и н а. Я не голая, папочка. Я в трусах. Это трусы такие. Стринги называются. Знаешь?

М а р и н а. Кристина! Что ты делаешь с нами, Кристина?

О л е г. Оденься, ради Бога!

К р и с т и н а. А зачем мне ради Бога одеваться? Бог, говорят, он нас нагими создал. А стринги — это Адам с Евой придумали.

О л е г. Оденься!

К р и с т и н а. Оделась бы, пап. Только одеть мне нечего. Они зачем-то все мои джинсы из дома вынесли...

Н а т а л ь я. Джинсы — облачение дьявола!

М а р и н а. Я тебе юбку пошила черную... Сейчас же оденься!

К р и с т и н а. А-а... так это юбка была... Извини, мам, я думала, это занавеска какая-то твоя очередная... Не поняла просто — в похоронное бюро или куда...

М а р и н а. Оденься, дрянь!

Н а т а л ь я. Марина!

К р и с т и н а. Я ухожу, мам.

Кристина и Наталья переглядываются. Наталья поигрывает ключами на своей шее.

О л е г. Куда?

М а р и н а. Никуда! Никуда она не пойдет!

Звонок в дверь.

М а р и н а. Оденься.

К р и с т и н а. «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут... Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них...» Так, бабуля?

Наталья открывает дверь. Входит Боцман. У него в руках книга и банка краски.

Н а т а л ь я. Оденься немедленно! Мужчина в доме!

К р и с т и н а. Кто мужчина? Это дядя Боцман — мужчина? Дядя Боцман, ты еще мужчина?

Б о ц м а н. Что?

К р и с т и н а. Что-что! Пиписька стоит у тебя? Или нет? А то я в трусах, бабушка, видишь, волнуется!

Наталья дает Кристине пощечину, на которую никто из присутствующих никак не реагирует. Кристина криво улыбается и притрагивается к щеке.

Н а т а л ь я (*Боцману приветливо*). Садись, Коленька. С праздничком тебя! Вербное воскресенье сегодня! Кашу будешь?

Б о ц м а н (*растерянно*). Нет, спасибо, я книжку принес и краску вот, желтую баночку.

Н а т а л ь я. А-а-а! Прочел уже житие преподобного Саровского чудотворца?!

Б о ц м а н. Прочел.

Н а т а л ь я. Что скажешь, отец мой?

Боцман молчит, опускает голову.

Б о ц м а н. Я балкон еще докрасить хотел...

Н а т а л ь я. Ну уж, батюшка, что ты вздумал! В вербное воскресенье балконы красить! Что ты — нехристь какой? После Пасхи покрасишь!

К р и с т и н а. Дядь Боцман, дай мне, я покрашу, я нехристь!

М а р и н а. Не давай ей! Оденься немедленно, или я не знаю, что сделаю!

Н а т а л ь я (*успокоительно*). Ничего, ничего! Завтра покрестим ее, все пройдет!

К р и с т и н а. Бабушка, это только младенцев без их согласия крестят! А я уже видишь, какая дылда здоровая вымахала. Вон какие трусы у меня, видишь? Водку пью, сигареты курю, с мужиками по ночам... Ну ты же знаешь. Ты же сама сказала. Сплю вон со всеми подряд. В общем, все вопросы духовной жизни решаю сама!

О л е г. Кристина!

М а р и н а. Ах ты ж дрянь!

Н а т а л ь я. Только в крещении спасена будешь! (*Дает боцману кашу.*) Кушай, кушай, пшенная на постном масле...

К р и с т и н а. А ты, дядя, что читаешь? Серафима Саровского?

М а р и н а. Не смей!

К р и с т и н а. А мы его тоже, знаешь, по религиеведению проходили. Я реферат писала по Серафиму. Его вообще Прохором звали, знаешь? Хороший был человек! Харизматичный, только гордый. В пустоши жил, голодал, обет молчания принял, потом в затворе еще пятнадцать лет... в гробу спал. Келью без окон ему построили, а он взял в ней да угорел, потому что свечку перед сном потушить забыл. Не соблюл он, чудотворец твой, правила противопожарной безопас-

ности, и все, кердык, бабуля, от дыма угорел...

Наталья. Он в молитве умер!

Кристина (*внезапно отцу*). Пап, ну скажи?! Ты что, тоже в эту вот хрень уверовал?! Мама ладно, ей тяжело, у нее дочь — проститутка, тут во что угодно поверишь... Но ты! Ты же мне Ницше давал почитать?! Ты мне Вагнера ставил!..

Олег. Кристина, Вагнер, он, понимаешь, он занимался музыкальным мистицизмом... И да, он ощущал в некотором роде бессмысленность основы мироздания, а я...

Марина. Олег!!

Кристина. Что?! А ты? Не ощущаешь бессмысленность основы мироздания? Ты что, вот сейчас мне правда скажешь, что в Бога веришь?

Все смотрят на Олега. Олег затравленно озирается по сторонам. На него в упор смотрят жена и мать.

Олег (*опускает голову*). Кристина, я верю в высший разум...

Кристина. В высший разум? В какой высший разум, папа?! Ты вон у попа какого-то работаешь — на складе у высшего разума! Что там делаешь, папа?! На складе! На каком складе?! Что ты там складываешь, а? Иконы, свечки, а? Какой товар?!

Наталья (*Олегу, с вызовом*). Научи мя, Господи, усердно молиться Тебе со вниманием и любовью, без которых молитва не бывает услышана! Да не будет у меня небрежной молитвы во грех мне!

Кристина. Скажи еще, что веришь вот в этого затхлого тощего Бога с крошками в бороде! Который, как дрессировщик в цирке! Ты сделал трюк — он тебе кусок сахара, а не послушался — так хренак по морде!

Марина. Закрой рот!!!

Кристина. Так что? Веришь или нет? Если да, то скажи — во что конкретно? Может, я тоже уверую? Может, действительно, покрещусь завтра и спасусь наконец-то?! Все грехи мне отпустятся, и вместо проститутки — р-р-раз!- опять стану хорошей девочкой!!

Олег молчит.

Наталья (*внучке*). Вон! Вон отсюда!! Вон из-за стола, блудница вавилонская!!!

Кристина встает из-за стола. Идет к двери, затем возвращается, берет со стола книгу, читает.

Кристина. «Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей».

Марина. Положи книгу сейчас же!

Кристина. Или вот... (*Читает.*) «Девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей».

Марина (*клокочущим голосом*). Не смей!

Кристина (*кладет книгу*). Мам, ты кого больше любишь — меня или Его?

Кристина указывает на икону Иисуса Христа.

Кристина (*с необычной нежностью*). Я вот точно знаю, что тебя больше люблю, мама. Потому что ты мне мертвую ворону показала. А Бог... так ничего и не показал. Мам, ты помнишь, как мне мертвую ворону показала?

Наталья. Спаси, Господи, и помилуй! Спаси, Господи, и помилуй!

Кристина. Ладно, давай, дядь Коля, краску свою... Балкон докрашу...

Боцман смотрит на Наталью.

Кристина. Давай, давай, хоть чем-то полезным займусь...

Наталья кивает Боцману, Боцман отдает Кристине краску. Кристина выходит на балкон.

Наталья. Олежик, что ты так плохо кушаешь?

На балконе слышен какой-то шум. Все оборачиваются. Кристины на балконе нет. Только повсюду разлита желтая краска. Мать и отец вскакивают со стульев, кричат, бросаются на балкон, Наталья крестится, вопит, Боцман в оцепенении сидит за столом и смотрит в тарелку с кашей. Затем спокойно встает, берет книгу и выходит.

Н а т а л ь я. Святый Боже! Святый крепкий! Святый бессмертный! Спаси, сохрани и помилуй нас!

2

В темноте Кристина слышит голос священника.

С в я щ е н н и к. Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!

Кристина открывает глаза. Она стоит на берегу моря — на пирсе. Ночь, зима, собачий холод. Рядом с Кристиной мужчина лет тридцати. Он пытается закурить сигарету, но огонь на сильном ветру все время гаснет. Кристина и Учитель создают дом из своих ладоней, сквозь пальцы просвечивают красные блики — вспыхивает и гаснет зажигалка. Наконец Учитель закуривает. Он с удовольствием курит.

У ч и т е л ь. Не замерзла?

К р и с т и н а (*трясется от холода*). Н-нет... немножко...

У ч и т е л ь (*не обращает внимания на Кристину*). Это мое любимое время и место.

К р и с т и н а. Почему?

У ч и т е л ь (*рассуждает, наслаждается собственными словами*). Потому что зимой в такой собачий холод на берегу грязного ледяного моря особенно четко ощущаешь, что нет никакой разницы между миром, в котором мы есть, и миром, в котором нас нет.

К р и с т и н а (*робко*). У тебя пепел на куртку падает...

У ч и т е л ь (*задумчиво*). Не помню, кто это сказал... что смерть — это мир за вычетом тебя...

К р и с т и н а. Осторожней, а то здесь брызгает сильно... У тебя обувь скользкая...

У ч и т е л ь. Кто же это? Не Фома Аквинский, а кто?

К р и с т и н а (*осторожно ступает по пирсу*). Ой... тут прямо намерзло...

У ч и т е л ь. Вот так забудешь что-то, а потом ходишь и мучаешься...

К р и с т и н а. Сережа...

У ч и т е л ь. Что?

К р и с т и н а. Помнишь, ты говорил, что можно на каток съездить?

У ч и т е л ь. Послушай... Кристина... (*Ласково.*) Я говорил тебе и хочу сказать снова... Я вообще не должен был, понимаешь, тогда, но я был в умате, я, Кристина, нажрался, и ты не могла этого не видеть... А ты... ты просто очень хорошая девочка, тебе надо учиться, а мне надо работать, и это то, что сейчас важно... Надо отделять важное от неважного... Ты знаешь, что будет, если на кафедре узнают? Кристина, ты пойми, через месяц у меня защита... Это не игрушки... Ты хорошая девочка, я тебя сразу заметил... Я даже не представлял, что тебя так заинтересуют традиционные африканские религии. Такой реферат хороший, много источников. Я вообще взял эту дисциплину — религиеведение, как факультатив... Просто некому было ее вести, а на кафедре...

К р и с т и н а (*тихо*). Никто не узнает.

У ч и т е л ь. Кристина! Я не могу рисковать. Своей работой, твоей учебой... Тебе, тебе сейчас кажется это... я не знаю чем... трагедией... но ты поверь мне, что нет никакой трагедии. Была ошибка, нет, я не говорю, что ошибка... Мне было очень хорошо с тобой... Ты такая нежная, чистая, я... я даже переживаю за тебя, что ты такая чистая, ты... как ты жить-то будешь? Тебе же каждая фигня, как ядерный взрыв. А это... это просто нормальная жизненная ситуация... и мы — взрослые люди... мы можем проанализировать и сделать вывод? Правильно?.. Мы решили, что дальше так продолжаться не может, ты не должна мне звонить, когда я в универе, и эти эсэмэски... Я просто устал от всего этого. Не надо приходить ко мне на кафедру и никогда — ты слышишь меня — никогда ко мне домой, ты же знаешь, что я живу с родителями... Мой отец... ты в курсе, кто он? И если я хоть как-то... брошу тень... Кристина, ты понимаешь?

К р и с т и н а. Я понимаю.

У ч и т е л ь (*раздраженно*). Что ты понимаешь?

К р и с т и н а. Нельзя звонить и приходить. Это я понимаю.

У ч и т е л ь. Хорошо.

К р и с т и н а. Я только не понимаю, как мы тогда будем видеться. Ты сам будешь звонить?

У ч и т е л ь. Кристина... Я звонить не буду.

К р и с т и н а. А как тогда?

У ч и т е л ь (*кричит*). А никак! Все! Поняла?!

К р и с т и н а. Нет.

Молчат.

К р и с т и н а. Что мне делать?

У ч и т е л ь (*с раздражением*). Что делать? Займись чем-нибудь. Бухай! Налысо побрейся! Матом начни ругаться, а то, знаешь? Такая правильная, что кусок дерьма сожрать хочется! (*Отворачивается.*) Извини.

Молчат.

К р и с т и н а (*утвердительно*). Поняла.

У ч и т е л ь (*начинает жалеть о своей грубости*). Что ты поняла?

К р и с т и н а. Все. Вот это. Про мир без нас и мир с нами.

У ч и т е л ь. Кристина, не начинай.

К р и с т и н а. Я не начинаю. Извини. Просто... (*Плачет.*) Я не знаю, как буду... Я просто... я не могу... без тебя...

У ч и т е л ь. О, Господи! Мы переспали один раз! Один! Я был пьяный, я ничего не соображал! От меня воняло! И теперь ты без меня не можешь?

К р и с т и н а. Да. Я сама не знаю, как так получилось!

У ч и т е л ь. П...дец. Ты меня извини, Кристина, но это п...дец!

К р и с т и н а. Да. Знаю.

У ч и т е л ь. Давай закончим уже этот разговор. Я хотел попрощаться по-человечески, но... Давай я просто отвезу тебя домой, и на этом...

Молчат.

К р и с т и н а. Нет... Нет... Ты... ты иди... не надо меня никуда везти... Ты иди, а я тут еще... я побуду...

У ч и т е л ь. Как это? Как это — побудешь?! Холодина, на трассе пусто. Как ты доберешься?

К р и с т и н а. Значит, тебе не все равно?

У ч и т е л ь. Что, не все равно?!

К р и с т и н а. Как я доберусь?

Учитель молчит. Кристина почему-то улыбается.

У ч и т е л ь (*устало*). Ладно. Пока.

Учитель разворачивается и быстрым шагом уходит по пирсу. Через несколько секунд позади себя он слышит громкий всплеск воды. Учитель оборачивается и видит, что на пирсе пусто. Он бросается обратно на пирс.

У ч и т е л ь. Сука! Сука!

Учитель подходит к краю пирса, смотрит вниз, затем сбрасывает с себя куртку и готовится к прыжку.

У ч и т е л ь (*кричит*). Дура, блядь!

Прыгает, исчезает. Темнота. В темноте возникает голос священника.

С в я щ е н н и к. Крещается раба Божия Христина во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь.

3

Больница, коридор. В коридоре сидят Олег и Марина, у обоих — белые, лишенные мимики лица. За стеклянной дверью палаты, в которой лежит Кристина, проходит обряд крещения: видна фигура батюшки в черном одеянии, слышны его молитвы и громкое пение. Также сквозь стекло можно рассмотреть спины Натальи и Боцмана — они принимают на себя роль крестных родителей.

О л е г (*глухо*). Почему нам нельзя?

М а р и н а. Нельзя.

О л е г. Почему?

М а р и н а. Мы нечистые считаемся.

О л е г. Нечистые?!

Олег встает, идет к двери палаты.

М а р и н а (*бросается к нему*). Олег!

О л е г. Что, Марина?

М а р и н а (*ждет оправдания*). Мы что-то сделали не так?!

О л е г. Мы все сделали не так. И сейчас все не так делаем. Она этого не хотела. Это насилие — человек без сознания, в коме... Как мы могли вообще...

Олег берется за ручку двери палаты. Вдруг в конце коридора появляется Доктор — он идет быстрым шагом. У Доктора мягкое, хорошее лицо и при этом — ледяные глаза, как у многих людей, которые ежедневно видят смерть.

О л е г. Доктор! Доктор, пожалуйста, я хотел с вами поговорить!

Доктор останавливается, смотрит в глаза Олегу, слышит пение батюшки из-за стеклянной двери.

Д о к т о р. Да?

О л е г. Пожалуйста, я хочу знать... какой прогноз?

Д о к т о р. Да вы, по-моему, лучше меня знаете, какой прогноз...

О л е г. Я?

Д о к т о р. Ну раз... священнослужителя пригласили...

О л е г. Это... это... не я...

Д о к т о р. Да, нет, не оправдывайтесь... В такой ситуации, как ваша, — все средства хороши...

О л е г. Почему?

Д о к т о р. Потому что у вас одна надежда — на чудо... (*Указывает на дверь.*) А вот он — как раз представитель этой партии...

О л е г. Какой партии?

Д о к т о р. Партии чуда... Я, к сожалению, принадлежу к другой организации...

О л е г. Доктор!

Д о к т о р. Что же касается вашей дочери, то состояние критическое. Множественные переломы, большая кровопотеря. Развитие комы сразу после травмы... Я не могу давать никаких прогнозов... В ближайшие двадцать четыре часа ситуация должна проясниться... В ту или иную сторону... Все, что сейчас мы можем сделать, — это продолжать искусственно вентилировать легкие, стабилизировать гемодинамику. Ну и, в качестве дополнительной опции (*мягко улыбается*), молиться.

О л е г. Скажите, у нас есть хоть какая-то надежда?

Д о к т о р. Надежды нет только у мертвых. У живых она всегда остается.

О л е г. Доктор! Что бы вы делали на моем месте?!

Д о к т о р. На вашем месте я бы обратил внимание на вашу жену.

Олег оборачивается к Марине. Она беззвучно рыдает с абсолютно белым лицом. Доктор уходит.

О л е г. Мариша! Мариша! Он сказал... доктор сказал, что есть надежда! У всех, всегда!

Олег пытается погладить Марину по руке, но она отталкивает его руку.

М а р и н а. Это ты! Ты во всем виноват!

О л е г. Я?!

М а р и н а. Ты! Ты ею вообще не занимался, ты на нее рукой махнул! Ты, вообще, не знал, что там в голове у нее!

О л е г. А ты? Ты знала? Кто знал?!

Марина плачет.

О л е г. Кто-то знал. Должен был кто-нибудь знать! А мы ее долбали! Долбали этим институтом, этой церковью, вместо того, чтоб просто спросить: что случилось?

М а р и н а (*шепотом*). Я спрашивала! Спрашивала!

О л е г (*орет*). Как ты спрашивала! Ты орала на нее всю дорогу! Ты же все время на всех орала и всё!

Из палаты выходят Наталья и Боцман. Боцман с перекошенным лицом, Наталья — улыбается.

Н а т а л ь я. Успели. Слава Богу, успели.

М а р и н а. Что?

Н а т а л ь я. Всё. Таинство крещения приняла. Сейчас отец Владимир ее соборует и всё...

О л е г. Что — всё?

Н а т а л ь я (*мягко улыбаясь*). Ну, что всё?.. Всё. Ей теперь смерть не страшна, крещеная, ее Христос в свои объятия принял...

О л е г. Да ты что?! Как это — принял?! Как это — смерть не страшна! Вы что — похоронили тут ее уже или что?!

Н а т а л ь я. Олежа, нам теперь только молиться... Марина, ты со мной?

О л е г. Куда?!!

Н а т а л ь я. В храм. Тут от больницы недалеко храм Святых целителей Космы и Дамиана! Сорокоуст заказать... И исповедоваться бы тебе, Мариш. Пойдем?

М а р и н а (*бесстрастно*). Да.

Н а т а л ь я. Ну, пошли, милая, пошли, матушка...

О л е г. Как это — пошли?! (*Марине.*) Ты что? Ты что, уйдешь, что ли, с ней сейчас? Сейчас?! (*Матери.*) Оставь ее в покое!

Н а т а л ь я (*мягко улыбаясь*). Я силком никого не тащу.

М а р и н а. Я пойду.

О л е г (*закипая*). Пойдешь?!

Б о ц м а н. Олег. Не надо.

О л е г (*Боцману*). И ты тоже, Христосик?! Убери свои руки от меня, козел! Пошел вон!

Н а т а л ь я (*крестит сына*). Спаси, сохрани и помилуй нас!

Б о ц м а н (*шепотом*). Наталья Степановна, дай мне ключи. Дай мне,

пожалуйста, ключи от квартиры. Я там забыл кое-что. Пожалуйста.

Наталья снимает с шеи связку ключей и отдает их Боцману. Наталья, Марина и Боцман уходят. Из палаты выходит священник.

С в я щ е н н и к (*треплет Олега по плечу*). Крепись, сын мой, крепись. Все в руках Божьих.

Олег молчит, смотрит в никуда.

С в я щ е н н и к. Господь посылает вам испытание.

Олег молчит.

С в я щ е н н и к. Молись, сын мой, Господь милостив.

Олег выходит из оцепенения, начинает рыться в карманах.

О л е г. Я тут накладную вам отдать хотел... по последней отгрузке. Вот, здесь все — акт приемки-передачи и транспортная...

С в я щ е н н и к. Да не надо, позже давай...

О л е г. Да нет, позже я не могу. Вот. Здесь все. И там еще на складе в подсобке, на полке, — папка синяя, там документы все за последний месяц... Деньги тоже под расчет за выгрузку. Там сотня на дополнительные была — так не понадобилась, мы вдвоем с водителем выгрузили. А я увольняюсь.

С в я щ е н н и к. Сын мой!

О л е г. Какой я вам сын? Я у вас на складе экспедитор, товар принимаю... коробки, коробки и коробки...

С в я щ е н н и к. Так, Олег, я не понял...

О л е г. Вам же порядочный был нужен, ответственный? А я какой на хрен порядочный и ответственный? Мне же за эти два месяца даже в голову не пришло спросить, что это за товар такой отец Владимир на склад возит?

С в я щ е н н и к. Ты что... распечатал?!

О л е г. Я?! Да Бог с вами! Даже не думал... До вчерашнего дня... Такая работа хорошая, зарплата, и не напрягаюсь особо, и жена довольна — наконец-то деньги стал в дом приносить... Воцерковился! Вы же мне всю жизнь перевернули, я же охренеть какой стал счастливый, счастье — хоть лопатой греби! Я ж, наверное, так бы до смерти этот ваш товар принимал, а меня вчера дочь спросила: «Что в этих коробках, папа?» А потом взяла и с балкона выпрыгнула... И я действительно стал думать, что ж там такое в этих коробках?! И так, знаете, интересно мне стало! Любопытно прямо! Решил посмотреть, что там у отца Владимира в коробках: свечи, ладан, духовная литература?

С в я щ е н н и к. Демоны одолели...

О л е г. Открыл коробочку... Одну — а там сигареты... Блоки сигарет... Сто штук в одной коробке... Без акциза, странно, думаю, зачем отцу Владимиру сигареты, да еще в таком количестве. Триста коробок... Открыл другую коробку из другой партии, а там бухло... контрабанда... Но вы не переживайте... я ничего не трогал, мне религия не позволяет. Великий пост, я не пью...

С в я щ е н н и к (*тихо*). Ты знаешь, что теперь будет?

О л е г. Что? Геенна огненная да скрежет зубовный? Это?

С в я щ е н н и к (*кладет руку на плечо Олега*). Ты сейчас не можешь адекватно реагировать. Я все тебе объясню. Ты сейчас успокойся и занимайся дочкой. А что касается этих коробок — я просто помогал людям, которым негде хранить эти коробки. Понимаешь?

О л е г. Да что ж тут не понять! Тем более, это ж не наркотики или оружие там! Это ж всего лишь, отец Владимир, курево и бухло, высоколиквидный безакцизный товар!

С в я щ е н н и к (*раздраженно*). Что ж ты так кричишь, сын мой?

О л е г. Это у меня просто голос такой, отец Владимир! А! Ключи от склада забыл! (*Вынимает из кармана ключи.*) Вот. Спасибо за все и до свидания!

С в я щ е н н и к (*берет ключи, сухо*). Храни тебя Господь, сын мой.

О л е г. Идите вы на х.., отец Владимир!

4

Больничная палата. На кровати лежит Кристина, она без сознания. Ее тело опутано прозрачными пластиковыми трубками. Рядом на каталке подвешены капельные системы. На стуле сидит Олег и смотрит на свою дочь. Неожи-

данно входит Боцман. У него в руках две большие клетчатые сумки.

Б о ц м а н (*тихо*). Как она?

Олег молчит.

Б о ц м а н. Я с тобой поговорить хотел, пока твои в храм пошли.

О л е г (*встает, говорит тихо*). Лечить меня будешь?! Только посмей мне тут хоть одним словом еще про церковь заикнуться, понял?!

Б о ц м а н. Я у тебя дома был. Взял кое-что.

Боцман вынимает из сумки футляр для кларнета.

О л е г. Зачем это?

Б о ц м а н (*пожимает плечами*). Я думал, не знаю, может, надо... Она, помнишь, маленькая любила, когда ты ей играл? Помнишь?

О л е г. Заткнись.

Олег берет футляр.

О л е г (*сквозь слезы*). Чё ты хочешь?

Б о ц м а н (*шепотом*). Поговорить. Пока их нету.

Боцман плотнее прикрывает дверь, отводит Олега к окну, говорит шепотом.

Б о ц м а н. Это все неправильно. Иисус Христос — это неправильно.

Олег молчит, странно смотрит на Боцмана.

Б о ц м а н. Это неправильно. Он хочет, чтобы все страдали, чтобы все мучались. Ему только этого и надо. Понимаешь?

Олег молчит.

Б о ц м а н. Это все неправильно. Крестить не надо. Я это еще вчера понял. Это неправильно, а сегодня, когда отец Владимир сказал на сатану плюнуть три раза, я отвернулся тихонечко и на пол просто плюнул. Так что считай — не было никакого крещения! Я спас ее, понимаешь?

Олег молчит.

Б о ц м а н. Ну как ты не понимаешь? Когда мать твоя приехала, я сначала подумал, когда все это случилось, помнишь? С этими деньгами на водку, когда я купил, а потом... потом смерть увидел? Помнишь?

О л е г. Нет.

Б о ц м а н. Я подумал, что теперь... раз Бог он такой... сильный... теперь все будет по-другому... Я поверил, я думал, я пить бросил, курить, я матом перестал ругаться, я работать стал, я в церковь ходил, постился, я книжки читал, жития святых, я молился три раза в день, я исповедовался и причащался, я говел, а мне... И я думал, что стану счастливым. А мне все хуже и хуже, понимаешь?!

О л е г. Понимаю.

Б о ц м а н. А потом я с матерью твоей говорил, я про тот случай рассказал ей, в Гане... помнишь?

О л е г. Нет.

Б о ц м а н. Как папуасы эти маску нам свою подарили? Духа предков?

О л е г. Ну.

Б о ц м а н. Она сказал, что из-за нее Нина умерла.

О л е г (*устало*). Какая Нина?

Б о ц м а н. Мать твоя сказала, что Нинка, жена моя, из-за маски этой — потому что она, ну, маска, — в спальне нашей висела, раком заболела и умерла... Потому что демоны в ней... Я сразу домой прибежал, взял топор, хотел разбить, а потом чувствую: я не знаю, я просто взял ее, снял со стены, на кухню отнес, на стол поставил, потом взял бутылку водки... ту самую... еще с того раза, что я купил и выпить не смог... И я смотрел на нее, на маску, и... потом взял рюмку, налил спокойно и выпил... и выпил... Я смог выпить, понимаешь?! И меня не пригвоздило! И потом я сказал одно слово, одно-единственное слово, и меня попустило!

О л е г. Какое слово?

Б о ц м а н. Слово «блядь»! Понимаешь?! Я смог! И я пил, и вспоминал Нинку, и плакал и говорил: «Сука-блядь!!» И я почувствовал себя живым, понимаешь?! А когда я не пил и не ругался, я был мертвый! Ну что это?! Для чего? Что это за вера такая, что даже водки нельзя выпить и сказать, что думаешь? Что это... за вера такая? Где же оно тогда на хрен счастье?! Ты понимаешь, Олег?! Понимаешь или нет?!

О л е г. Нет.

Б о ц м а н. Ну, как ты не понимаешь? Там жрать нечего, СПИД кругом, денег нет...

О л е г. Где — там?!!

Б о ц м а н. В Африке! Живут в землянках, жопу пальмовым листом прикрыли, танцуют, в барабаны бьют и счастливы! А у нас как? В платок за-

мотались, на колени на заплеванный пол, яйца нельзя, мясо нельзя, танцевать нельзя, пить нельзя, ни хрена нельзя, можно только болеть, страдать и дохнуть! Они же знаешь, что с собой делали?!

О л е г. Кто?

Б о ц м а н. Я читал! Они специально на себя вериги натягивали и до крови, до шрамов... И на столбе сидели, и не ели месяцами, и в гробах спали, и молчали по году, по десять лет молчали! Это у них подвиг веры называется! Но это же крындец, а не подвиг! (*Показывает на Кристину.*) Ты что, для этого, что ли, — для подвига, что ли, растил ее? а?!

Боцман вынимает из другой клетчатой сумки большую африканскую маску.

О л е г. Зачем это?

Б о ц м а н (*шепотом*). Вдруг поможет?

Олег делает шаг вперед к Боцману, у него дергается лицо.

Б о ц м а н. Давай просто положим здесь...

О л е г. Зачем?

Б о ц м а н. Понимаешь, они... с этой штукой... с ее помощью народ в воздух подымали... Что ж она, думаешь, Кристинку на ноги не поставит?

О л е г (*тихо*). Ты что, охуел совсем?

Б о ц м а н (*шепотом*). Но попробовать-то можно?! У нее же штырей никаких железных нет внутри? А?

О л е г. А ну вали отсюда, придурок!

Боцман вынимает из своей сумки толстую папку с бумагами.

Б о ц м а н. Смотри, что я у нее в комнате нашел, у Кристины.

О л е г (*хватает папку*). Ты что?! Ты что, в вещах ее рылся, урод?!

Б о ц м а н. Рылся! Потому что мне не все равно! Потому что я Кристинку вот с такого знаю! А вы — что?! Родители, едрена мать! У вас вон ребенок налысо побрился и с балкона выпрыгнул — вы б хоть в ящик стола ее заглянули!!

О л е г (*читает*). Реферат. Традиционные верования народов черной Африки.

Олег листает реферат. Внезапно из папки выпадает какой-то лист бумаги. Олег его поднимает.

5

Весна. Скамья перед храмом. Зелено, солнечно, весна. На скамейке сидят Наталья и Марина.

Н а т а л ь я. Завтра Пасха.

Марина молчит.

Н а т а л ь я. В народе говорят: на Пасху умер — яичко в руку.

Марина молчит.

Н а т а л ь я. Счастье большое считается, везение — на Пасху умереть... Как раз райские ворота открываются и до самого конца светлой Седьмицы открытые без охраны стоят... Вот кто на Пасху помер, даже грешник большой, в рай попадает...

Марина молчит.

Н а т а л ь я (*глаза на мокром месте*). Я все думаю: а может, зря я приехала? Разбередила у вас все... Я же, когда... когда Олежик маленький был, два года ему было, отец его нас бросил, а я беременная была... и без работы, Олежик маленький, и я беременная, и работы нет... И пошла я, Марина, на грех великий — на аборт пошла... А потом... как не стало мне жизни... все болела... и Олежик болел... соседка сказала: «Пойди ты, Наталья, в церковь»... Я пошла к батюшке, к отцу Анатолию, а он и говорит: «Грех великий на тебе, матушка, отмаливать надо... долго отмаливать... страшный грех... Езжай в Почаев... молись о прощении»... И уж как я уезжать не хотела! Олежик маленький, и уж как он просил меня, как плакал: «Мама, не уезжай!» И я вместе с ним плакала. (*Строго, с каменным лицом.*) Но понимала, что если не отмолю, грех мой и на детей моих, и на внуков... Я же ради Олежика и уехала, по монастырям скиталась! Я же все эти годы за вас каждую ночь молилась! Мы же все грешники, грешники, Марина, все перед Богом виноватые...

Наталья замолкает. Сморкается. Начинает говорить с неожиданным оптимизмом в голосе.

Н а т а л ь я. Марина, а ты еще квартиры продаешь? Нет? Продала бы вашу с Олежиком квартиру да и в деревню уехали бы, в Дивеево... На природе, в молитве, в покаянии... А там вдруг Господь вам еще ребеночка пошлет... Ты женщина не старая еще...

Марина внезапно встает и уходит.

Н а т а л ь я. Мариша! Мариночка! Куда ты?!

Наталья еще какое-то время сидит на скамейке одна. Закрывает глаза, шепчет молитву, крестится, уходит.

6

Больничная палата. Кристина все так же все в той же позе, без сознания, лежит, опутанная трубками. У окна стоит ее отец и что-то тихо наигрывает на кларнете. Перед ним на подоконнике лежит листок бумаги, выпавший из реферата по религиям народов Африки. На стуле перед кроватью Кристины сидит Боцман и листает реферат. Боцман то и дело поглядывает на большую африканскую маску, которую он прислонил к стене таким образом, чтобы маска смотрела на Кристину.

О л е г (*задумчиво*). Какой-то я не современный, да?

Боцман непонимающе смотрит на Олега. Олег прекращает играть, кладет инструмент на подоконник, берет в руки письмо, снова перечитывает, хватается за голову.

О л е г (*отчаянно*). Господи, какой идиотизм!

Меряет шагами больничную палату, зажав в руке письмо.

Б о ц м а н. Раньше надо было думать.

О л е г. Я же поверил, я же думал...

Б о ц м а н. Что ты думал?

О л е г. Ну, я не знаю... Ну, что я мог думать!

Б о ц м а н. Ты думал, что твоя дочка, которая всю жизнь отличница, школу с золотой медалью закончила, во всех олимпиадах, что она вот так раз — стала бухать и с мужиками на пляже путаться? Вот так — раз — и в дебилку превратилась? Из института выгнали?!

О л е г. А что я мог думать?! Откуда я знал?!

Б о ц м а н. Пипец! У меня хоть детей нет, но даже я знаю, что просто так с балконов не кидаются! Это только в Бога можно за один вечер поверить! А для всего остального надо до фигища времени! Спросить ты не мог?! Она же тебя больше всех любила... любит... Ты же ей...

О л е г. Ой, заткнись! Тоже мне! То поклоны бьет, то потом из себя Кашпировского строит! Откуда я знал?!

Б о ц м а н. Надо было знать!

Олег смотрит на дочь, садится на край кровати.

О л е г (*плачет*). Честное слово, хоть я тебя никогда не бил — вот так бы взял бы ремень и так бы дал бы тебе по жопе! Как же можно из-за какого-то пидораса, Кристина?! (*Потрясает письмом.*) Да он же... он же... он ногтя твоего не стоит!!! (*Читает.*) «Мир с тобой, и мир без тебя — это два разных мира. И если мне нельзя жить в первом, я отказываюсь жить в последнем». Кто он? Ну, кто?!

Внезапно падает маска, стоящая в углу, прислоненная к стене. На аппарате, к которому подключена Кристина, начинает мигать красная лампочка. Олег вскакивает с места.

7

Ночь. Берег моря. Учитель выволакивает из воды Кристину. Она нахлебалась воды. Учитель переворачивает Кристину лицом вниз и бьет ее кулаком по спине — изо рта льется вода. Затем он кладет ее на спину и делает массаж сердца.

У ч и т е л ь. Дыши, сука, дыши!

Учитель делает ей искусственное дыхание. Кристина делает вдох, открывает глаза.

У ч и т е л ь (*орет*). Дура конченая! Там же мелко!! Там же балки, штыри на дне, там же летом двое пацанов убились!

Учитель бьет ее с размаха по лицу. Кристина приподнимается на локтях, хватает Учителя за куртку, притягивает его к себе. Они целуются. Учитель быстро расстегивает Кристинины мокрые джинсы. Они занимаются любовью.

Учитель быстро кончает, еще секунду лежит неподвижно, потом вскакивает и, спотыкаясь, бежит.

К р и с т и н а. Куда ты?!

У ч и т е л ь. Иди ты на!! Оставь ты меня в покое!!

Убегает.

8

Больничная палата. Аппарат, к которому подключена Кристина, тревожно

мигает и пищит. Олег выбегает из палаты с криком: «Врача, врача!» Боцман затравленно оглядывается, поднимает с пола маску, подходит к Кристине и накрывает маской ее лицо. При этом Боцман что-то неразборчиво шепчет, подвывает и цокает языком.

Б о ц м а н. Ум-м-м-м-м-м-м... М-м-маааааааа... Ум-м-м-м-м-м-м... М-м-м-м-ма-а-а-а... Счхаа-а-а-а... Счха-а-а-а-а... Ум-м-м-м-м-м-м... М-м-маааааааа... Ум-м-м-м-м-м-м... М-м-м-м-ма-а-а-а... Счхаа-а-а-а... Счха-а-а-а-а...

Внезапно в палату входит Учитель. У него белое лицо, в руках какой-то уродливый вялый букетик. Учитель в ужасе смотрит на тело, где вместо лица — маска. В палату врываются Олег и Доктор. Олег в шоке. Доктор невозмутим — он, видимо, видел и не такое. Он спокойно подходит и снимает маску с лица Кристины. Ее веки вздрагивают и открываются. Доктор щупает Кристине пульс. Девочка пытается что-то сказать. Доктор знаком указывает ей молчать. Затем тем же знаком он предлагает заткнуться всем остальным. Доктор внимательно осматривает Кристину, светит ей в глаза фонариком, сжимает пальцы ее руки, еще раз щупает пульс. Затем оборачивается к Олегу.

Д о к т о р. Я не знаю, что вы тут устроили. Но если еще раз накроете лицо этой хреновней, она задохнется. А в остальном — поздравляю. Пока о качестве жизни говорить рано... Но можно говорить о жизни как таковой. Девочка будет жить.

Доктор выходит. Боцман бросается на шею Олегу. Олег отталкивает его и падает на колени перед кроватью дочери, улыбается, пытается что-то сказать и ничего не может произнести. Вдруг Олег замечает, что Кристина не сводит глаз с незнакомого парня с букетиком цветов, который стоит в углу абсолютно потерянный. Олег смотрит на Учителя.

О л е г (*тихо*). Ты кто?!

Олег встает и подходит к Учителю.

О л е г. Кто ты?!

Учитель молчит.

О л е г. Ты кто? Ты — этот пидорас?

Учитель молчит. Олег хватает письмо, смотрит на дочь.

О л е г. Он кто?! Он что?! Он — этот пидорас?

Кристина улыбается одними глазами. Затем моргает в знак согласия. Олег кидается на Учителя с кулаками. Боцман встает между ними.

Б о ц м а н. Не надо.

О л е г (*кричит*). Я тебя, пидораса, убью!

Учитель молчит. Олег опять кидается к постели дочери, гладит ее по руке, что-то бормочет, плачет, смеется. Кристина не сводит глаз с Учителя. Ее глаза улыбаются. Входит Марина. Она кричит, бросается к Кристине. Олег крепко обнимает жену.

О л е г. Представляешь, я думал, что это из-за меня, из-за нас, что она... что это просто... а это все — из-за этого пидораса!

Б о ц м а н. Это Дух предков.

О л е г (*кричит на Учителя*). Это пидорас!

М а р и н а (*плачет*). Слава Богу!

9

Воскресенье. Пасха. Ранее утро. Только забрезжил рассвет. Отдаленный звон колоколов. У входа в больницу стоит Боцман и курит. Вокруг — пусто и безлюдно. На аллее появляется Наталья. У нее в руках корзинка с пасочкой и яйцами. Боцман, молча, перегораживает Наталье дорогу.

Н а т а л ь я. Христос воскрес, Коля!

Боцман молчит.

Н а т а л ь я. Коля, Христос воскрес!

Боцман молчит.

Н а т а л ь я. Коля, надо говорить: воистину воскрес! А я службу отстояла, молилась за всех... Пасочки вот посвятила...

Боцман молчит.

Н а т а л ь я. Да что с тобой, Коля?! (*Тревожным шепотом.*) Что, преставилась Кристиночка?

Б о ц м а н. Нет.

Н а т а л ь я (*крестится*). Охо-хо. Все мучается, бедная.

Б о ц м а н. В себя пришла. В сознании. Доктор говорит: жить будет.

Н а т а л ь я (*радостно вскрикивает*). Господи! Боже ж мой! Радость-то какая! Милость господня! Услышал!

Услышал молитвы мои Господь наш всемогущий! Услышал Христос!

Б о ц м а н. Это не Христос.

Н а т а л ь я. Что?

Б о ц м а н. Это не Христос. Это Дух предков. Это он ее спас.

Н а т а л ь я. Что?! Да ты что, Коля?! Очумел совсем, бесы взяли?! Дай пройти, что ты стал тут истуканом?! Мне внучку увидеть надо!

Б о ц м а н. Прости, мать. Доктор сказал — ей волноваться нельзя.

Н а т а л ь я. Господь с тобой! Пропусти!

Б о ц м а н. Прости, мать. Не впущу.

Н а т а л ь я. Да ты что?! Что, страх совсем потерял?!

Б о ц м а н. Потерял. Шла бы ты отсюда.

Н а т а л ь я. Да я... Я сейчас Олега позову!

Б о ц м а н. Да Олег тебя сам же... Уйди, мать.

Н а т а л ь я. Да как же... да что ж это... Мне Марину увидеть надо! Поговорить.

Б о ц м а н. Не хочет она с тобой разговаривать, мать. Наговорились уже.

Н а т а л ь я. Это же дети мои! Впусти, Коля! Это же родные мои! Что ж это такое, Господи Иисусе?!

Б о ц м а н. Не нужен он нам.

Н а т а л ь я. Кто не нужен?

Б о ц м а н. Христос.

Н а т а л ь я. Как... ты что ж... что ж говоришь такое?

Б о ц м а н. Мы в Духа предков теперь верим. Он Кристину спас. А Христос нам не нужен.

Н а т а л ь я (*крестит Боцмана*). Господь с тобой!

Боцман хватает ее за руку.

Б о ц м а н. Иди отсюда по-хорошему, мать.

Наталья смотрит на Боцмана, вдруг резко его отталкивает, кидается ко входу в больницу. Боцман успевает ее схватить, притянуть к себе.

Б о ц м а н (*с угрозой*). Уйди по-хорошему, мать.

10

В больничном скверике на скамейке сидит Наталья. Ее глаза закрыты. У нее на коленях — корзинка с пасхой и свечами. В ее руке красное пасхальное яичко. Кажется, что Наталья спит.

ЭПИЛОГ

1

К р и с т и н а. Я вообще смутно очень все это помню. Как в тумане. Я даже не верю, что это я была. Но врачи сказали, что и правда чудо. Что так не бывает. И что ходить, конечно, не буду. И тут через полгода — раз — и второе чудо. Там какие-то функции... как-то они... сказали, что восстановились... Теперь я заново учусь ходить. Это очень трудно. Но интересно. Вот это главное, наверное, пожалуй, на сегодняшний день у меня. А... ну... Я пока лежала, оказывается, умерла бабушка. Жаль, потому что я как-то даже не успела ее узнать, познакомиться ближе... Потом папа ушел. Честно говоря, я не понимаю, почему он не сделал этого раньше. Мы теперь живем с мамой. Вдвоем. Никогда бы не подумала, что нам будет так хорошо вместе. Просто и хорошо. Мы даже иногда вместе слушаем музыку, она книги у меня берет, диски... Ну, вот... Все, наверное... А! По поводу... да... Черт, это смешно, но вот сейчас я уже даже не могу вспомнить его лица. Не знаю... Точно не знаю... Но знаю, что он, кажется, защитился, да, и теперь... как его... доцент... Он ходил в больницу ко мне, ходил... А я в какой-то момент не выдержала и говорю: «Сереж, ну чё ты ходишь-то сюда? Ну, какой смысл?» Не знаю. Как-то все отмерло. Кончилось. Я думаю, в следующем году в универе восстановиться, доучиться хочу, это главное для меня сейчас — физически восстановиться и закончить учебу. Это важно. А все остальное — не важно. Не знаю.

2

М а р и н а. Мне, вообще, трудно что-то сказать по этому поводу. Вы спрашиваете о счастье. Я каждый день смотрю на нее и испытываю счастье. Она живая. Она ходит. Хочет учебу закончить, университет. Конечно, жизнь — это качели. Счастье? Конечно. И боль. Когда Олег ушел, я, честное слово, я совершенно не была к этому готова. Но человек... он ни-

когда не готов... Ни к счастью, ни к смерти, ни к чему... Я все время думаю: а где я была раньше? Чем занималась? Не в том смысле, что я пропустила дочь... Хотя и в этом тоже. Чего же я хотела? Чего мне не хватало? Мне же все время чего-то не хватало, я же все время была несчастной — это при живых муже и дочери, не больная, не бездомная, с руками, с ногами... Почему? Я и сейчас не знаю. Я пытаюсь понять. И то, что со мной было... И то, что происходит сейчас, — всего лишь попытка понять... Нет. Не думайте, что я стала интересоваться этой музыкой и книгами, которые читает Кристина, потому что боюсь упустить какой-то еще тревожный... сигнал, что ли, нет. Я уверена, что она всегда теперь будет поступать разумно. Мне, действительно, интересно. Я хочу найти то, что меня увлечет. Сейчас, например... Вы будете смеяться. Я читаю Жюля Верна. «Путешествие к центру земли». Это я не у Кристины, это я в Интернете скачала... Сама, да. Научилась. Уже в поиск вбивать умею, скачивать могу... И мне еще никогда в жизни не было так интересно. Потому что работа... Риелтор — это все-таки не работа, я имею в виду... ну, вы понимаете... Шитье я в принципе люблю, но это... это не то. У Олега есть музыка. Кристина хочет закончить учебу. У меня тоже что-то будет. Что-то свое. Я найду. А по поводу Бога. Странный вопрос. Я не сомневаюсь, что он есть.

3

О л е г. Ну, наверное... через месяц... через месяц, как Кристину домой перевезли... да, я и... Внезапно? Почему внезапно? Нет. Нет, не то чтобы внезапно. Я просто... Я просто вдруг вспомнил, как познакомился со своей... с Мариной... Я шел в консерваторию и увидел ее на улице. Она стояла какая-то растерянная на автобусной остановке, как будто не знала — ехать ей или не ехать. И вокруг нее... как это объяснить? А вокруг нее было небо. Его было много. Оно было тяжелое и чистое. И я так четко вспомнил это чувство... как у меня сжалось сердце... таким... таким обжигающим холодом... что я не могу пройти мимо... что у этой девушки такое лицо, что я сам готов лечь на дорогу, чтобы по мне проехал автобус, в который она сядет, и меня бы накрыло этим катком... этим прессом... тяжелого, чистого неба. И каждый раз, когда я обнимал ее, я чувствовал эту боль и этот воздух. А потом... потом это чувство куда-то делось. И я забыл, и я так долго жил и не помнил, как это — когда сердце вот так... Сколько? Пятнадцать, двадцать лет? Представляете, двадцать лет без воздуха? А потом... когда все это... понимаете?! В последний раз я искренне обнимал жену в больнице после того, как наша дочь спрыгнула с балкона... Мне кажется, что это ненормально. И я... потихонечку... начал вспоминать. Я не знаю, как это объяснить. Двум людям стоит быть вместе только в том случае, если готов под автобус... и небо. Вы меня понимаете? А иначе... иначе — это ад... Нет... Я снял комнату в коммуне... Нет, конечно, Боцман позвал меня к себе, но я отказался... Смысл уходить из дома, чтобы поселиться в квартире напротив? Боцман? Он сначала пил по-страшному, что я даже думал — все... А потом вдруг как-то успокоился... Стал читать какие-то книжки... Потом ходил на какие-то курсы... Два месяца назад ушел в рейс, представляете? На рыболове. Не знаю... куда-то в Африку. Если честно, я думаю, что он псих. Я? Нет. В филармонию меня так и не взяли. Все-таки за столько лет — квалификация, вы сами понимаете... В общем, я успокоился. Музыка уже не так мне интересна. Играю. Нет... редко. В общем, редко. Работаю. Ничего особенного. В компании. Торговым представителем. В церковь? Вы будете смеяться, но иногда захожу. Что делаю? Стою просто. Свечку ставлю. Думаю... Да, конечно, я хожу к ней на могилу. Мама есть мама. Я уверен, что она... Ее роль во всем этом... Возможно, если бы не она — все было бы намного хуже... Обвинять? Я нахожу только одного виноватого. Вы знаете, кого.

ХОРОШО ТРУДИТЬСЯ-
Весна
Лето
Осень
Зима
ХЛЕБ УРОДИТСЯ!

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ

Все вокруг колхозное, все вокруг мое

Российская история — это одна бесконечная казенная сказка. Государевы люди пьют государеву воду, казенку, поскольку им в этой сказке не принадлежит ровным счетом ничего. У них нет собственности, той самой привязки к реальности, которая делает человека самодостаточным и трезвым индивидом, а есть лишь раздачи с барского плеча и с царского стола.

С частной собственностью у России отношения непростые. Она была у нас на правах падчерицы, гонимая и притесняемая то общиной, деревенским миром, то государством, то самой русской культурой, которая почитает стяжательство за смертный грех. У нас не было своих Будденброков и Форсайтов, зато был прохвост Чичиков, торговавший воздухом, как и его наследники два столетия спустя. Литература сочувствовала бедному Акакию Акакиевичу, легкомысленно бесхозяйственной, разорившейся Раневской, бездеятельному Обломову, но никак не Лопахину, не Штольцу, не карикатурному Левину из «Анны Карениной», который пытался построить капиталистическое сельское хозяйство, но натыкался на тупое непонимание мужиков. Выходило, что Толстой, говоривший, что «русский народ отрицает собственность самую порочную — земельную», знал этот самый народ лучше Столыпина, аграрная реформа которого провалилась: мужики не захотели становиться зажиточными фермерами в южносибирских прериях. И революция снова подтвердила правоту Толстого, когда мужики ринулись с фронта за черным переделом, за чужой землей. Как говорил Шариков: «Взять все да и поделить».

Социологи и экономисты уже сто пятьдесят лет пытаются объяснить неудачу частной собственности в России: Маркс писал об «азиатском способе производства», Вебер — об «аграрном коммунизме» русских, Бердяев — о «русском неприятии буржуазного мира». Дело не в каких-то особых душевных свойствах русских — опыт эмиграции показывает, что в другой среде русские быстро становятся полноправными собственниками наряду с туземным населением и никакие поколения Будденброков им для обретения привычки к собственности не нужны. Проблема не в людях, а в нашем родном государстве, которое веками было обременено тяжкими задачами расширения и удержания территории, войны за пространство, обороны от внешних врагов и борьбы с врагами внутренними ну и прокорма себя, любимого. Выполняя эти задачи, государство монополизировало все наличные ресурсы и распределяло их, сообразуясь с собственными, казенными нуждами. Так сложилась традиционная российская «экономика раздатка», в которой мы все,

от дворян до крестьян, оказались на положении тяглового народа. У нас не было собственности в чистом виде, а были лишь подачки от государства, от имений и дворцов до последней пары лаптей, которые опять-таки закладывались и пропивались в царевом кабаке.

Оправдывая существующее положение вещей, русская культура вырабатывала аллергию к мироеду-собственнику, культивировала образ бедности, жертвенности, общего блага, той самой православной «соборности» и бердяевской «коммюнотарности», которая обернулась коммунизмом по Шарикову и коммуналкой по Высоцкому: «Все жили вровень, скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». И так силен в нас синдром коммуналки, что, даже выйдя из нее, мы сохранили старые привычки и напряженно-настороженное отношение к собственности. Так выглядит бездомный пес, которому вдруг дали кость: он недоверчиво озирается, боится к ней подойти, а если и берет, то тут же убегает с ней прочь, понимая, что в любой момент могут отнять, пнуть сапогом.

От этого пугливо истеричного отношения происходят все современные российские ритуалы маркировки собственности, все эти бесконечные железные двери и сварные щеколды, которые не объяснить никаким разгулом преступности, колючая проволока и вышки с прожекторами, делающие каждую российскую автостоянку похожей на зону строгого режима, все эти цепи во дворах и столбики на тротуарах — люди зубами держатся за отвоеванные (незаконно) парковочные места. И отсюда же, конечно, главный вклад современной России в мировую архитектурную мысль: заборы. Нигде паранойя собственности не выразилась с такой фрейдистской глубиной и бетонной убедительностью, как в архитектуре новых российских заборов: белокаменных, краснокирпичных, с битым стеклом по верхней кромке и картинкой оскаленного питбуля на воротах, с поясняющей табличкой «Порву, как тряпку». Как говорится, выдь на Волгу. Езжай на Рублевку и подивись: на всем пространстве от Барвихи до Николиной главным содержанием подмосковного пейзажа являются не корабельные сосны, а сплошные заборы, местами доходящие до пяти-шести метров. Самые забористые заборы в мире, высотой своей соперничающие только со страхом их владельцев.

Но вот парадокс: за железными дверями тамбуров на площадках этажей, в кирпичных гаражах и железных ракушках, за неприступными заборами садовых участков хранится не собственность, а хлам: старая мебель и изношенные покрышки, подшивки «Огонька» за 1975 год и древние деревянные лыжи с бамбуковыми палками. В роли собственника русский человек превращается не в деятельного и совершенно несбыточного помещика Костанжогло из второго тома «Мертвых душ», а в неизбывного Плюшкина.

От веков тяглового рабства осталось в нас и наплевательское отношение к окружающему нас пространству, которое хорошо передает строчка из песни: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Из горделивого заявления о преимуществах колхозного строя она превратилась в глумливое признание, что все вокруг даже не чужое — а ничье и никогда твоим не будет. И человек плюет в это окружающее пространство, и этот метафизический плевок подтверждает ничейность и никчемность этой территории, онтологическую пустоту пространства без хозяина. Дефицит собственности сформировал специфически российскую страсть к бытовому разрушению, ту самую «культуру хамства», о которой писал Леонид Невлер и которая вылезает едва не в каждой нашей передаче о повседневности. Осквернение окружающего пространства — выбросить мусор из окна автомобиля, сломать деревце и разбить бутылки в парке, поджечь кнопки в лифте — суть символические акты, маркировка пространства в качестве колхозного, то есть ничейного.

Отшатнувшись от коммуналки к рынку, мы так и не стали собственниками. Произошла атомизация общества, но не индивидуализация. А субъектами собственности могут быть лишь свободные индивиды, вступающие в свободные отношения с себе подобными, но никак не в торг с государством по поводу того, иметь или не иметь, а если иметь — то сколько, на каких условиях и за какие деньги...

О П Ы Т Ы И М А К С И М Ы

ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ

Старые смыслы вьют новые гнезда

«*Россия для русских*». Люди, в головах у которых рождается этот пещерный вопль, должны бы предвидеть побочный результат своего блестящего плана, если, не дай бог, он осуществится: их Россия окажется очень маленькой, не как княжество Монако, конечно, но, вероятно, чуть больше Московской области. Когда имперская нация самозабвенно работает против истории и здравого смысла, народы и земли, собранные с таким трудом, начинают разбегаться (и в итоге нога императора едва влезает в тесный сапожок). В начале и в конце XX века бегство происходило по катастрофическому сценарию, сейчас «корабль продолжает тонуть, но очень медленно».

Начальство делает вид, что процесс погружения в бездну идет под контролем государства, — оболваненная зомбоящиком часть населения этому якобы верит, но тревожные крики выдают «патриотов» с головой. Им кажется, что если скинуть за борт балласт инородцев, то можно еще спастись, остаться на плаву. Глупая надежда. Имперский груз имеет не физическую, а кармическую природу. Облегчить карму (она же горе-злосчастье) может только покаянное сердце. Агрессивное самовосхваление в духе родоплеменного круга только усугубляет ситуацию.

Вечный вопрос: почему изнасилованное и униженное население тянется глупым сердцем к царям-душегубам — Ивану Грозному, Петру I, Иосифу Усатому? Почему Сталин фактически выиграл конкурс красоты, едва не примерив виртуальную корону главного символа России? И было это совсем недавно — в 2008-м. Забудем на время про Захер-Мазоха и стокгольмский синдром...

Возможный ответ: царственные монстры заменили древлянам и кривичам пантеон языческих богов. Грозный — грозовой — тот же Перун. Медный всадник — мстительный Нептун. Сталин — Сатурн, пожирающий своих и чужих детей. Уже двадцать лет поклоняемся Мамоне — как будто нет для русского человека божка любезнее и приятнее. Культ денег, потакание алчности — в якобы насквозь православной стране, — каково? Права Ахматова: «Христианство на Руси еще не проповедано».

Чем острее аналитический ум, тем меньше он способен синтезировать информацию, переводя ее на другой уровень осознания. Неудивительно, что ученые тщетно пытаются сотворить единую физическую теорию — чтобы увидеть за деревьями лес, нужно обладать ястребиным зрением поэта. Или пророка. («Воображение важнее вычислений», — говаривал Альберт Эйнштейн.) Рационалист

и рад бы взмыть на Седьмое небо, оказаться внутри набухшего, как туча, мифа, да гравитация не пускает... Примечательна в этом смысле судьба Николая Гоголя. Его религиозность, кажется, была сугубо рациональна и противостояла его же мистическим интуициям в области языка. Посетив Святую землю, писатель сетовал, что «ничего особенного не почувствовал». При его-то, гоголевской, сверхчувствительности! Подобно кислоте, религиозность эта разъела (разъяла) его дар писателя-фантаста, а затем и само его изнуренное постами тело.

В книжных магазинах нельзя находиться долго — голова идет кругом, ощущаешь резкую потерю энергии, мир, как тяжелое одеяло, сползает в сторону бреда. Давно обратив внимание на этот феномен, я никак не мог найти ему рациональное объяснение. Нехватка кислорода? Книжная пыль? Но в большинстве магазинов есть кондиционеры. Я думал над этой загадкой месяцами, годами — до сегодняшнего дня, когда моя дочь рассказала о своем пребывании на Ленинском проспекте, в квартире у бабушки. Это жилище — склад ненужных вещей: просроченных продуктов, нераспакованных сервизов, тряпок, картинок, картонок, там есть даже огромная набивная линяющая горилла. «Это не квартира, а черная дыра, — говорит Настя. — Здесь невозможно работать, ни на что не хватает сил, но спать при этом тоже не получается. Если под утро удается сомкнуть глаза, сны снятся совершенно дикие...» И вдруг я понял: ненужные вещи, они для чего-то созданы, у них есть миссия, должна быть судьба — назовите это, как угодно, — в них вложено время, энергия, вкус. Если вещами не пользоваться, они изнывают от безделья, становятся вампирами. (Плюшкин — именно «прореха на человечестве», в которую утекает материя жизни.)

А ведь книги содержат концентрат информации в таких объемах, до которых далеко домашней утвари или мягким игрушкам. Никем не прочитанные книги вздыхают, как привидения в шотландских замках. Они взывают к сочувствию человека, который, может быть, сжалится, коснется бумаги пальцами, приласкает взглядом буквы. Отчасти книги находятся в квантовой суперпозиции, но они жаждут перейти в классическое состояние. То есть «классическая литература» — термин двойного назначения.

Тексты чужой культуры плохо поддаются дешифровке, поэтому хорошо стимулируют проекции нашего подсознания. Оценка их резко меняется от поколения к поколению. Кого теперь вдохновляет Хемингуэй, или Маркес, или старина Воннегут? А ведь это были кумиры русских мальчиков в 60-е и 70-е годы прошлого века.

Февраль 2009-го. Сбор на Никитском бульваре, напротив Домжура, человек шестьсот — митинг памяти убитых антифашистов — Стаса Маркелова и Анастасии Бабуровой. Небо серое — хлещет из хлябей вода. Под ногами — каша из талого снега вперемешку с песком. По периметру — сотрудники ФСБ демонстративно снимают людей на видеокамеры: не сомневайтесь, мол, братцы-кролики, знаем вас всех в лицо, поименно. Ну и ладно, удавы, — думают кролики... Перекинулись парой слов со своими: Зоей Световой, Аней Найман. Лев Рубинштейн с удовольствием констатировал: «Все-таки много сегодня пришло, а то обычно на этих митингах — два еврея в три ряда». Идем в Новопушкинский. По ходу болтаем с Витей Шендеровичем о его новой пьесе «Петрушка». Ну и так далее...

Собственно, я хотел рассказать не о митинге, а о том, что случилось после него... Моя семья (Катя, Настя и я) отправилась на Тверскую — бросить денег на телефон. Около спуска в метро две держиморды огромного роста, в лыжных шапочках, в черных пальто выхватили из толпы пешеходов какую-то девочку лет пятнадцати, стали выкручивать руки. Она закричала: «Что вам надо?! Я просто гуляю по улице... Что вы хотите?!» Моя жена-амазонка тут же бросилась с зонтиком наперевес: «Отпустите ее! Ребята, как вам не стыдно!» В этот момент Катя не поняла, кого атакует, знала только — зачем. Бойцы растерялись — девоч-

ка вырвалась и побежала в метро, через секунду они устремились за ней по лестнице вниз. Мы стоим и не знаем, что нам теперь предпринять: тоже пуститься в погоню? Ехать домой? «Она убежала», — успокоился я (оптимист), но тут же осекся: мимо в тоннель покатились менты, уже при погонах. Настя рванула вперед — мы с Катей следом... Проходит минута-другая. Диспозиция чудная: девочка, как провалилась, псы-опричники мечутся по переходу, глазами зыркают, зубами щелкают. Катя звонит по мобильному — руки трясутся — Насте, которая шепчет в ответ: «Скоро перезвоню, не волнуйтесь», — и отключается.

Рядом с нами опять люди в черном, мне по срочному делу звонит Алла Коженкова: она в магазине одежды, покупает костюм для «Предательства», я объясняю подробно и громко (фактура, стилистика, цвет). С оттопыренным ухом топтун изумленно слушает мой монолог сумасшедшего. Идем по Тверской, сердце в горле, впереди бывший Аглицкий клуб — он же Музей революции... Дочка потом рассказала, как увидела эту Надежду — так назвалась ей «преступница», — безвольно стоящей в потоке прохожих, всего-то шагах в двадцати от преследователей, как Настя, схватив ее за рукав, потащила наверх, на Тверскую, потом в подворотню. Один из опричников двинулся было за ними, но оглянулся — решил подождать подкрепления. Смелый попался. Или послушный? — инструкция, без коллектива ни-ни. В эту секунду девочки заскочили во двор, спрятались за легковушкой. Катин звонок едва их не выдал, но обошлось — топтун потерял их из виду, слинял... Вот уже вместе идем переулками в сторону Бронной. Надежда и двое ее друзей, тоже бывших на митинге, — беременная девушка в ярко-зеленых колготках и строгий юноша с изящной серьгой. Нам объясняют: они из арт-группы «Война»... Позже дома порылся в Инете, нашел описание нескольких акций. Последняя, «УМВЕД», снята на видео. Это смешно... Впрочем, неудивительно, что за Надеждой гонялись балбесы жандармы. «УМВЕД» значит вот что: «Унижение мента в его доме». «Школьники» с тортом в Мытищах явились в участок: «Поздравляем, говорят, гражданина начальника с праздником! Наш медвежонок избран вторым президентом страны!» Тщетно пытались они напоить толстяка подполковника чаем, он изгваздался тортом, ругался по матери, долго чистил салфеткой мышиного цвета мундир... Еще я узнал, что Надежда недавно рожала. Отец маленькой Геры тоже художник. Видать, это он убаюкивал крошку, пока их бесстрашная мать... Ну и так далее... Долго мы ходим по кругу, мучительно долго.

Старые смыслы вьют новые гнезда.

Скоро милицию переименуют в полицию. Вероятно, для того, чтобы Россия с полным основанием могла называться «полицейским государством».

Вчера в ночи пригрезилось: что если рассматривать сновидение как аналог квантовой суперпозиции, а пробуждение и бодрствование как переход в классическое состояние материи? Правда, тогда нам должны сниться исключительно варианты будущего, пускай самые фантастические. А ведь мы видим во сне и варианты прошлого, и, может быть, эпизоды прежних воплощений. (Однажды где-то в средневековой Европе я был лучником на поле боя.) Говорит ли это что-нибудь о природе времени? Флоренский считал, что время сновидения движется вспять, против потока первой реальности. Значит ли это, что после того как ящик был открыт и наблюдатель удостоверился, что кот Шредингера жив (или, напротив, мертв), мы, обладая свободой воли, можем снова накрыть кота крышкой, восстановить принцип неопределенности и начать гадать по поводу участи бедного животного? По сути, это и есть многовековая дискуссия о бессмертии души, о жизни после смерти.

Библейский запрет на волхвование, очевидно, связан с квантовой суперпозицией. В момент гадания будущее выхватывается наблюдателем из потока (множества) взаимоисключающих вариантов. Событие символически фиксируется, утрачивая свою неопределенность прежде, чем оно состоялось в плотной реальности. Это путает карты судьбы.

О П Ы Т

Обложка рукописей драматических произведений А.С.Пушкина. 1830

Анкета «ИК»

1. В чем вы видите главное отличие современных сценариев от классики — работ Гребнева, Лунгина и Нусинова, Клепикова, Дунского и Фрида, Рязанцевой, Финна, Миндадзе, Габриловича, Шпаликова и других мастеров? В каком направлении, по-вашему, развивается сейчас кинодраматургия (и развивается ли вообще)?

2. Сразу ли вы видите ваших героев в качестве киноперсонажей? На какой стадии работы подключается режиссер? Часто ли совпадает ви́дение режиссера с вашим?

3. Какую роль вы играете непосредственно в процессе создания картины? Как строятся ваши отношения с режиссером?

4. Что вы чувствуете, когда видите воплощение вашего замысла на экране?

5. Сегодня все чаще молодые режиссеры предпочитают снимать картины по собственным сценариям. Как вам кажется, с чем это связано?

НАНА ГРИНШТЕЙН

1. По-моему, в сценариях сейчас важнее тема, нежели умение ее раскрыть. Даже не слишком умело написанный сценарий на актуальную тему — или кажущуюся таковой кинематографической общественности — интересует больше, чем сценарий, написанный тонко и профессионально, но не затрагивающий что-то узнаваемо сегодняшнее. А сценарист, как и любой творческий человек, реагирует на заказ, поэтому он и занят в большей степени поиском темы, которая «выстрелит», нежели тонкостью разработки.
2. Да, я вижу героев сразу именно как киногероев. Я вообще вижу кино, а не придумываю историю как литературное произведение. Мне трудно представить себе, что происходит в голове у писателей, ведь они не имеют в перспективе визуализации своих фантазий, и в этом есть что-то безнадежное. Режиссер подключается на разных этапах в зависимости от того, что было толчком для написания сценария: моя собственная идея, инициатива режиссера или заказ продюсера. Ви́дение режиссера не всегда совпадает с моим. Впрочем, думаю, ничье ви́дение ни с чьим никогда в полной мере не совпадает, так что это нормально.
3. Трудно ответить на этот вопрос. Скажем так — я не вмешиваюсь в режиссуру и держусь на некоторой дистанции от сценария, когда он уже в производ-

«Плюс один», режиссер Оксана Бычкова, автор сценария Нана Гринштейн

стве. Однако на любом этапе подключаюсь, чтобы помочь, если это требуется. Например, на монтаже. Отношения строятся как любые человеческие отношения — по-разному. В идеале — это отношения близких людей со всеми их сложностями. Кино — очень личное дело.

4. Радость.

5. Режиссеры хотят высказаться о личном. Сценаристы не хотят высказываться о чужом личном. Хотят о своем. Но у них нет возможности это сделать, сценарии выбирают не они. А у режиссеров есть такая возможность. Они могут выбирать. Это как женщины и мужчины. Женщина может родить ребенка, не будучи в браке, забеременев любым способом с минимальным участием мужчины. Мужчине заполучить ребенка в одиночку, без женщины, гораздо сложнее. Режиссеры — как женщины. Сами беременеют, сами рожают. Им кажется, что мужчины им не нужны.

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

1. Вопрос про отличие современных и классических сценариев мне кажется ложным: кинематограф намного сильнее различается по художественным принципам, чем по поколенческим. Те из сценаристов, кто вами назван, крайне разные, каждый — относительно других, и в то же время каждому можно найти близкое в фильмах и сценариях сегодняшнего дня. Разница между прошлым и нынешним не в сути, а в форме: под давлением телевизионного производства уходит «литературная запись» — то, что объединяет сценарии таких фильмов, как «Чапаев» и «Груз 200», таких разных мастеров, как Евгений Григорьев и Юрий Арабов. Без «литературной записи» сценарий унифицируется как текст для чтения, а ведь начало жизни сценария в производстве — это чтение: сценарий читает группа, с чтения начинается работа всех цехов, и очень важно, чтобы впечатление от сценария было у всех общее, чтобы они не создавали каждый для себя свой фильм, а с самого начала попали вместе в один будущий мир, пусть даже для того, чтобы спорить с ним или развивать его. Отказ от «литературной записи» в пользу «технической» — это результат не развития сценарного мастерства, а заблуждения. Такая запись обречена на гибель вместе с продюсерской «культурой», допустившей эту ошибку.

2. Если я работаю с режиссером, мне интересно что-то для себя про него понять, узнать и включить в то, что я напишу, свое впечатление от режиссера, сделать частью вещи те его личные проблемы и драмы, которые иногда есть шанс заметить. Эта задача — побочная по отношению к той, которой мы заняты вместе с режиссером, но мне кажется, что если такое отражение получается и если удается что-нибудь правильно угадать, то фильм может оказаться более верным, точным, «совпадающим» с тем человеком, который его делал.

Случаев, когда я придумывал персонажей не для фильма, а потом переписывал их для фильма, у меня не было. Хотелось бы никогда в такое положение не попадать, потому что адаптация для экрана — это другая, новая вещь, и не лучше ли, чтобы у нее были новые персонажи и сюжет, а не те, что однажды уже были написаны.

Ви́дение режиссера не может совпадать с моим, потому что мы разные люди. Но задача — найти, оставаясь при своих заботах и качествах, что-то общее, будь то вымышленный сюжет или документальное наблюдение, и чтобы это общее сделало нас соавторами и мы видели бы его одними глазами.

3. У меня был ряд случаев, когда работа с режиссером начиналась с обсуждения мыслей, образов, наблюдений, которые волнуют его, и того, как и что из этого совпадает с моими заботами. Находили прототип пространства — в двух случаях это было то пространство, где предстояло снимать фильм. Иногда пускались в документальное исследование, чтобы через совместное погружение в какой-то мир найти общий взгляд на будущий сценарий. Дальше, когда удавалось написать сценарий, мы обсуждали его и улучшали там, где было нужно. Дальше по мере подготовки к съемкам сверяли сценарий с теми изменениями, которые вносил реальный выбор исполнителей и объектов, потому что и актер, и объект — это не только ограничение, но и новая возможность, и хорошо, если можно на пользу сценарию дать этой возможности раскрыться. Был случай, когда во время съемок мы с режиссером взаимодействовали достаточно интенсивно, и иногда — даже уже на площадке — ме-

«Сказка про темноту», режиссер Николай Хомерики, автор сценария Александр Родионов

няли сцену под влиянием обстоятельств съемки или решения, предложенного оператором. Или, наоборот, я помогал уточнять работу группы в рамках той реальности, которая заложена в сценарии и только на съемках может полностью проявиться. Потом, позже, мы с режиссером обсуждали то, как меняется сценарий благодаря находкам режиссера монтажа или проблемам, открывающимся на монтаже, и, когда была необходимость, я писал сцены для досъемок. Были случаи, когда режиссер просил присутствовать на озвучании, дописывать реплики и сцены, объяснять артистам и звукорежиссеру важные для фильма подробности.

Каждый раз задачей было отразить все, через что сценарий реализуется, — от личности режиссера до обстоятельств съемок. И при этом беречь и защищать все то из написанного, что важно для сути фильма, сопротивляться бездумным или поспешным предложениям, то есть в споре вводить коллег в мир сценария и, если надо, менять сценарий — вместе.

Участие в работе над некоторыми фильмами заканчивалось на стадии укладки иностранных субтитров, потому что и здесь есть возможность что-то уточнить или избежать потери смысла.

Добавлю, что единственное условие, при котором участие сценариста полезно, — это его свобода, его равенство с другими создателями фильма. И возможным такое активное вовлечение сценариста в работу делает не договорная зависимость, а человеческие и творческие отношения внутри группы, работающей на проекте, что, как я вижу на примере компании «Коктебель», и есть самый лучший путь.

4. Для меня результат моей личной работы — на бумаге, и он для меня очень важен. А то, что на экране, — результат нашей общей работы, это уже не сценарий, а какая-то другая вещь, в которой я — один из многих участников. Бываю доволен, а если же не доволен — то собой, потому что или не написал что-то так, как можно было бы, или не смог участвовать в работе на площадке, или не подключился на раннем этапе, в подготовительном периоде, чтобы предотвратить ошибки коллег — художника, реквизитора, гримера, актеров, режиссера.

5. Дай им Бог не сдаваться! Так и надо! С оговоркой: сегодня все больше молодых режиссеров приходят в кино не из киношкол и снимают в микробюджете, так что можно ли с точки зрения традиционного кино называть их режиссерами? То, о чем вы спрашиваете, свидетельствует не о вымирании профессии сценариста, а о живом движении киноискусства наперекор ложному представлению о профессиональных кастах.

ВЛАДИМИР ВАЛУЦКИЙ

1. Мне легче было бы ответить на этот вопрос лет хотя бы десять назад — когда «отличие современных сценариев от классики, на которой мы учились», не было еще столь разительным и поддавалось какому-то внятному анализу.

Классика, на которой мы учились, была, как правило, драматургией ярких характеров, действующих в социально или нравственно значимых обстоятельствах. В современных сценариях (я имею в виду не счастливые исключения, а поток) эти параметры стерты, спутаны и вообще не обязательны. Порой кажется, что авторами движет не желание *рассказать* о жизни и людях, а желание пооригинальнее *самовыразиться*, высказать какую-то вдруг открытую ими истину. Я не против самовыражения — это одна из основ искусства. Беда, что по большей части открытая автором истина на поверку оказывается уже давно открытой Америкой.

Я не берусь судить, хорошо все это или плохо, — может, мой багаж устарел, может, так и положено «развиваться сейчас сценарному мастерству»? Меня здесь только слово «мастерство» смущает. Профессиональное мастер-

ство — это тонкая ручная работа, а она, к глубокому сожалению (под влиянием индустриальной телевизионной скорописи) все более и более уходит из кинодраматургии...

2—3. Эти два вопроса — в сущности, один. Вопрос пресловутого продюсерского кинематографа. Потому и здесь мне было бы легче ответить лет десять назад, когда роль сценариста (да и режиссера) была более значима в кинопроизводстве.

«Зимняя вишня» , режиссер Игорь Масленников, автор сценария Владимир Валуцкий

Вероятно, кому-то и сегодня везет с продюсерами-единомышленниками, поэтому хоть изредка, но появляются удачные и даже очень хорошие фильмы. Но чаще авторский коллектив фильма состоит из двух неравных частей: продюсера-работодателя и творческой наемной силы. И что с того — вижу ли я своих героев в качестве киноперсонажей сразу или не сразу? И на какой стадии подключается режиссер? И совпадает ли его ви́дение с моим? Главное, чтобы все совпадало со вкусами работодателя и его расчетами на коммерческий успех продукта. А биться с этой фигурой «за свое» не у всякого хватает азарта и пороха.

4. Стыд — хотя объективно часто совершенно неоправданный.

5. Не вижу в этом ничего дурного. Если режиссер умеет написать сценарий, то зачем ему прибегать к услугам сценариста? Другое дело, что хороший сценарист написал бы, скорее всего, лучше. Но если режиссеру не важно, чтобы было лучше, а гораздо важнее (см. выше) — самовыразиться?..

НАТАЛЬЯ РЯЗАНЦЕВА

1. В чем отличие современных сценариев от «классики»? Хочется каждое слово взять в кавычки: «современные сценарии» — не знаю, они все разные — и по манере записи, и по глубинным импульсам: зачем автор вообще взялся писать, и именно сценарии? Студентам я рекомендую освоить разные варианты сценарного стиля — в зависимости от темы и цели, от «заказчика» или его отсутствия. В Питере вышел сборник студенческих сценариев последних лет под современным, чуть пародийным названием «Такие же, как и не ты», с послесловием Юрия Клепикова — «Донные отложения» (Из запасников пре-

подавателя). Цитаты из разных времен и народов с интересными комментариями самого Клепикова — профессора СПбГУКиТ.

Приведу здесь одно замечание профессора, под которым могла бы сама подписаться: «Учить (сценаристов) хочется так, будто выращиваешь элитных лошадей. Что происходит с ними потом? Их спускают в шахты таскать вагонетки».

«Голос», режиссер Илья Авербах, автор сценария Наталья Рязанцева

Нам трудно осознать, что кино — настоящее кино, на основе настоящей литературы, которому нас учил Евгений Габрилович, — давно потеснилось, никогда не будет «важнейшим из искусств» при нынешнем изобилии всего-всего-всего: информации, ежедневной документалистики и зрелищ на любой, в основном плохой, вкус. Однако не стоит отчаиваться. Если мальчишки с девчонками ходят в кино за приключениями и компьютерными аттракционами, то остальная часть человечества привычно сидит перед телевизором. Да, они «листают» каналы, варят суп или пьют водку, загоняют детей спать под бормотание «чего-то там» с экрана, и это нам очень обидно — тем, кто знает цену любому зрелищу, нравится оно нам или нет. И мы давно оплакали такое положение вещей, уже и посмеялись. В последней картине Ивана Дыховичного «Европа — Азия» этот смех сквозь слезы уже брызнул почти по-цирковому, получилась горькая, но комедия. И заметьте — из советского доброго «дедушкиного» кино поколение внуков помнит только смешное: фильмы Гайдая, Данелии, Рязанова, Тодоровского и знаменитые «Покровские ворота» Леонида Зорина и Михаила Казакова. Разумеется, я сужу по «продвинутым» абитуриентам ВГИКа или Высших курсов. Они уже воспитаны на американском, на «стрелялках», на фэнтези, на рекламе и клипах, и доставать из самого себя себя настоящего, найти в личном маленьком опыте что-то существенное,

отделаться от моды — очень трудно, на это уходят годы. Плюс — таинственная вертикаль заказчиков, от младшего редактора до главного спонсора, и всем надо как-то угодить, а все они невидимки, и двери у них на замках... Тут мы мало чем можем помочь, иногда даже кажется, что в нашей идиотской цензуре было легче существовать, мы хоть лично знали, кто запускает фильм, кто запрещает. Нет, не легче, случались и совсем трагические судьбы, но было проще отличать друзей от врагов. Сейчас жизнь усложнилась многократно. В кино хватаются за пистолеты еще чаще, чем в жизни. В жизни — потому что не в силах ее понять, в кино — потому что все, кто отчаялся понимать, вздрогнут и не выключат телек. Будет рейтинг, будут «бабки». Нашим сценаристам в этом замкнутом круге жить и работать. И противостоять одичанию.

Что касается наших с В.А.Антоновой студентов III сценарного курса, то они у нас с чувством юмора, не теряют пока оптимизма, много пишут смешного в коротком формате, а найдут ли себя в большом кино — всегда вопрос. И не всегда это зависит от них. Нынче ведь век режиссуры — в широком смысле. Сумеют ли они себя точно срежиссировать?

2. Про меня уже поздно говорить, я сценариев не пишу, признала себя «неиграющим тренером». Последний опыт был настолько чудовищным, что отбил охоту навсегда. Но я преподаю режиссерам охотно и добросовестно, поскольку много дней просидела в монтажных, иногда просто спасая то, что режиссеры «натворили» по своей или чужой вине. И так было не только с картинами по моим сценариям, иногда проводили такие «мозговые штурмы», чтобы свести концы с концами, чтобы сдать картину. Но не буду скулить, это опыт, благодаря которому я и могу преподавать. Сейчас сценаристов вообще перевели в «сферу обслуживания», в титрах программ не пишут авторов. Режиссеры, удачно снявшие дебют, всегда говорят: «Я весь сценарий переписал, мне предложили, завтра запуск, но то, что вы видите, — это уже другое, не по сценарию». Такова тенденция в так называемом «фестивальном кино». В сериалах, в «мыле», напротив, сидит «надсмотрщик» — следит, чтобы все шло по тексту. И побыстрее, и подешевле. И то, и другое плохо, но еще обиднее, когда видишь, что сценарий был, и, возможно, талантливый, но его сплавили, чтобы вышло подешевле. Или, наоборот, разукрасили, чтобы и мистика, и эротика, и криминал — всего по чуть-чуть, а в итоге получается мутант. Что-то в нем есть: актеры, оператор классный, «а что-то главное пропало» — голова, как правило.

Смотрю много фильмов и не перестаю удивляться, что есть среди них хорошие. А «читающая публика» все равно в кино не ходит, потому что книжек хороших еще больше. Всего не успеть. А по телевизору — все про кино да про театр, про артистов да про фестивали. Так что — спокойно, ребята, куда они без вас денутся?

«Вязальщица». Уличная скульптура. Белгород

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА

Я умею вязать

Я тоже раньше боялась темноты. Но однажды меня осенило. На самом деле у меня есть целая теория на этот счет. Дело вот в чем. Когда боишься темноты, включаешь свет. И становится сразу уютно, светло и безопасно. Я тоже раньше так думала.

Хотя на самом деле темнота никуда не девается. Она остается, свет просто перекрывает ее и делает невидимой. Темнота — она прячется там, под светом. Таким образом, включая лампу, мы делаем только хуже, теряем бдительность и можем даже забыть о темноте.

Поэтому в последнее время я перестала спать со светом.

Лопатка

В детстве у меня была лопатка. Лопатка была зеленая, металлическая, с деревянной ручкой. Папа привез мне ее из Германии. Мне она очень нравилась. Я хотела спать с ней в кровати, но мама не разрешала. Лопаткой было хорошо копать землю, а потом, нагулявшись, приходить домой и ставить в угол, специальный угол для хранения лопатки в нашей с сестрой комнате.

Мы с мамой идем с прогулки домой. Темно, вокруг все оранжевое и черное. Больше нет никаких оттенков. Оранжевый свет от фонарей, оранжевые окна, оранжевые стены нашего дома в переулке. Остальное — черное, потому что зимой темнеет очень рано, часа в три дня. Я несу лопатку.

Люк был круглый и открытый, и чернота в центре этого кружочка — очень заманчивая. Я останавливаюсь. Мне неудобно поворачивать голову из-за шарфа, которым обмотана моя шея. Варежки болтаются на резинках, прикрепленных к рукавам куртки. Мне вдруг очень захотелось приобщиться к этой загадочной пустоте в середине люка.

— Что будет, если я кину туда лопатку? — спрашиваю я маму.

— Лопаты не станет, — отвечает мама.

— Почему?

— Она утонет.

Люк оказывает на меня глубоко гипнотическое действие.

— Не кидай, — говорит мама.

— Почему?

— Лопата дорого стоит.

И почему-то мне начинает казаться, что кинуть лопатку в люк — это самое важное в жизни. Кинуть и посмотреть, как она падает в темноту.

Я делаю шаг к люку.

— Нельзя, — говорит мама.

Я кидаю лопатку в открытый люк. Лопатка падает и падает, потом я слышу всплеск воды. Лопатка исчезла в люке.

Мы с мамой стоим у люка.

— Пошли, — говорит мама.

— А как же лопатка? — говорю я.

Я чувствую, что что-то неладно. Есть здесь какой-то подвох. Что-то не так.

— Ее больше нет, — говорит мама.

Я еще не понимаю, что случилось. Я жду, когда лопатка выпрыгнет из люка. Мне почему-то кажется, что она должна именно выпрыгнуть, и тогда эксперимент закончится, все пойдет своим чередом, и можно будет идти домой.

Даже когда вечером приходит с работы папа и мама рассказывает ему, как я выбросила в открытый люк лопатку, я не вполне понимаю, почему лопатка так и не выпрыгнула.

Когда папа собирается меня наказать, я не плачу.

Я пишу книгу

Я сижу за ноутбуком и смотрю прогноз погоды на «Яндекс точка ру». Звонит телефон. Это Маша.

Маша всегда звонит мне в десять вечера, после того как заканчивается сериал по телевизору. Она живет далеко от меня — в Ленинградской области, а я — в центре Петербурга, поэтому мы дружим в основном по телефону.

Маше четырнадцать лет, она учится в десятом классе, а я — на третьем курсе.

— Ну, что там, в сериале? — спрашиваю я.

— Аня бросила Антона... А еще в школе новый директор, и она, в смысле директор, собирается запретить «Ранеткам» играть в рок-группе, — рассказывает Маша.

— Понятно, — говорю я.

Мне и вправду все понятно.

Хорошо быть в курсе событий.

— Как дела? — интересуется Маша.

— Хорошо, — честно говорю я.

Это правда — у меня всегда все очень хорошо с делами, в смысле их как-то много. И только разберешься с одними делами, как появляются новые.

— А у тебя как дела? — спрашиваю я.

— Нормально, — говорит Маша.

— Чего делаешь? — спрашивает Маша.

Я думаю. Потом честно признаюсь:

— Собираюсь писать книгу.

Это был как раз тот день, когда я решила все это написать. Маша очень взволнована таким поворотом событий.

— Про что?

Она недоумевает.

Я затрудняюсь односложно ответить на такой вопрос. Он поставлен немного некорректно и вредит моему писательскому самолюбию. К тому же, он кажется мне несколько провокационным, и односложно ответить на него трудно.

— Про все, — наконец решаюсь я.

— И про меня тоже?!

Маша переживает за мою писательскую карьеру.

— Да, наверное.

— А что ты про меня напишешь?

— Пока не решила еще.

Мы некоторое время молчим. Кошка сидит на краю стола и увлеченно жует мое вязание.

Маша прерывает наше молчание первая.

— Слушай, напиши, пожалуйста, что я люблю Рождество, — говорит Маша.

— Хорошо. А почему именно Рождество?

Маша медлит с ответом. Наверное, подбирает нужные слова.

— Ну, просто те, в смысле, кто любит Рождество, — они хорошие.

— Почему?

— Ну, значит, они любят Бога. Я хочу, чтобы я в твоей книге была хорошей. Ты обещаешь, что напишешь, что я люблю Рождество?

— Да.

Маша успокаивается и веселеет. Мы прощаемся, условившись, что созвонимся завтра.

Однажды она приехала ко мне в город, и мы пошли в кино. В кино ей очень понравилось, потом я узнала, что она раньше никогда не бывала в кинотеатрах. Мы собираемся повторить это культурное мероприятие, но пока что-то никак не получается — мне нужно будет оплатить машину, дорогу — маршрутку и метро туда и обратно, а еще билеты в кинотеатр и, скорее всего, соленый попкорн. Это много, но я стесняюсь прямо так уж ей сказать.

Маша живет в Красном селе с бабушкой, мамой и сестрой. У нее есть собственный огород на подоконнике. Пока там одна картошка, но я посоветовала ей попробовать вырастить лимон. У одной женщины с маминой работы растут лимоны и даже кофейное дерево. Почему нет.

Маша уже полтора года занимается проституцией. Если вы хотите пойти с ней в баню, это стоит три тысячи рублей. За то, что она вас помоет и займется с вами оральным сексом. Традиционным — дороже.

Мой папа — чекист

Мой папа — чекист. Получилось это примерно так. Когда папа учился на четвертом курсе университета, к нему подошел декан и отвел к себе в кабинет, где сидел пожилой дядечка. Этот дядечка долго расспрашивал папу о его семье, планах на будущее и целях в жизни. Когда я поступала в свой университет, мой будущий преподаватель по сценарному делу задавал мне примерно такие же вопросы. Но тот дядечка, который спрашивал папу, конечно, занимался гораздо более важными делами, чем написание сценариев. Он работал в КГБ и хотел, чтобы папа тоже там работал.

И папа стал работать. Ему очень нравилось быть чекистом. Больше всего на свете он любил свою работу. И жену. Но работу все-таки сильнее, чем жену.

Папиной жене это очень не нравилось. Она думала, что она гораздо лучше папиной работы. Так они и жили. Папа любил работу, а папина жена — папу.

Папа так хорошо работал, что его решили отправить в Германию, чтобы он был там разведчиком и боролся с мировым капитализмом. Папа был очень счастлив в то время и учил немецкий язык.

Немецкий нужно было знать очень хорошо, чтобы немцы думали, что папа — свой, а вовсе и не русский разведчик. Папиной жене совсем не нравилась идея переезда из Ленинграда в Мюнхен. Поэтому она забеременела назло Мюнхену, КГБ и папе. Так родилась моя сестра. Так что папа никуда не поехал.

Новогодние праздники 1999 года. Мы с папой сидим за столом на кухне и едим салат. В том году салата было очень много, и мы все никак не могли его доесть.

Радость папы по поводу избрания нового президента России безгранична. Раньше он работал с Владимиром Путиным в Первом кадровом отделе Ленинградского управления КГБ. Папа говорит мне, что Путин очень хороший и что раньше они дружили. Даже на дачу ездили вместе.

Я советую папе написать Владимиру Путину письмо. Папа наливает коньяк на дно кружки с надписью «Санкт-Петербург — город-музей» и согласно кивает. Ему очень нравится эта идея. А маме — нет.

Папа говорит, что надо бы еще и фотографию в письме отправить, где он и Владимир Путин зимой сидят на ступеньках на чьей-то даче.

Как только папа допивает бутылку коньяка до конца, он идет писать письмо. Он очень взволнован и поэтому его немного шатает, когда он встает из-за стола.

Папа отправил письмо, когда кончились праздники. В следующие месяцы он очень нервничал и заставлял меня каждый день после школы заходить на наше почтовое отделение. Потом он забыл, что написал письмо, и перестал нам о нем говорить. Однажды я спросила у него, что там стало с письмом. Папа сказал, что на почте у нас работают одни дураки, и оно потерялось в дороге.

— Почему бы тебе не написать еще раз? — спросила я.

Папа разозлился и назло мне не стал писать второе письмо.

Дом

Я живу в очень старом доме. Моему дому почти столько же лет, сколько Санкт-Петербургу. Когда была построена Академия художеств, вокруг построили целый комплекс домов, общежитие и дома для людей, которые работали в Академии. Так и появился мой дом.

Мой дом — двухэтажный, в нем два подъезда и всего четыре квартиры. Есть еще большой чердак, на котором мы сушим белье. Мы собирались

установить в подъезде домофон, но соседи снизу не хотели: когда к ним приходили гости, гости могли просто постучать им в окно и они выходили открыть дверь. Так что домофона у нас так и не было, потому что стоят домофоны дорого и папа придумал альтернативный выход: кричать во дворе «Наталья» (моя мама), или «Андрей Олегович» (мой папа), или «Василиса» (моя сестра). Или на худой конец звать меня.

Потом изобрели мобильные телефоны, и проблема разрешилась окончательно.

У нас трехкомнатная квартира с очень высокими потолками и плохим отоплением — его вечно отключают. Когда идет сильный дождь, свет тоже отключают, потому что проводка в доме плохая. С горячей водой тоже проблемы. Дом посчитали аварийным и собираются нас расселять. Расселяться мы не хотим. Нам очень нравится наш дом — старый и очень красивый.

Раньше в нашей квартире жило пять человек — мама, папа, моя сестра, дедушка и я. Мне это очень не нравилось, было шумно. И я нигде не находила такого места в квартире, где я бы могла остаться одна и спокойно подумать. Дедушка разделял мое мнение, но ему было проще — во-первых, у него была своя комната, во-вторых, он каждые выходные ездил в лес за грибами. Правда, только в хорошую погоду. Зимой он не ездил, грибы в снегу не растут.

Потом как-то незаметно в квартире остались только я и мама. Когда я не ночую дома, мама остается одна.

Наша с Василисой комната. Я сижу в своем раскладном кресле и вяжу крючком шарф. Получается хорошо, только не очень похоже на шарф. Больше на какую-то шапку, потому что шарф почему-то все время сужается.

Заходит мама.

— Уберитесь в комнате, — говорит мама.

Но тут не все так просто. Каждый раз, когда мы убираемся в комнате, Василиса чертит мелом на паркете черту, разделяющую ее и мою территорию. Свою она убирает. Мою — нет. Если моя собака заходит на Василису территорию, у нас начинается конфликт. Василиса не понимает, почему собака заходит за ее меловую черту. А собака не понимает, что за черту нельзя заходить. Василиса говорит, что собака — дура. Я миролюбиво молчу. Тогда Василиса высказывает предположение, что я, скорее всего, тоже дура.

Мой шарф теперь больше напоминает мысок носка. Я понимаю, что все мои попытки связать шарф тщетны, и иду на кухню. Там папа и дедушка смотрят новости. Я смотрю на большие круглые часы, висящие над столом. Без пятнадцати девять.

— Можно мне посмотреть про Хрюшу?

Я всегда очень волнуюсь, когда задаю этот вопрос.

Обычно мне каждый день разрешают переключать телевизор на пятнадцать минут, пока по Первому каналу идут «Спокойной ночи, малыши». Но сегодня папа снова в плохом настроении. На столе рядом с квашеной капустой стоит бутылка коньяка.

— Сегодня нельзя, — говорит мама и смотрит на бутылку.

Папа молчит.

Я иду по коридору обратно в комнату. Василиса чертит мелом полоску на паркете.

8 декабря 1991 года

Мой день рождения — 8 декабря. Мне очень не повезло с датой. Потому что именно в этот день президенты России, Украины и Белоруссии объявили о роспуске СССР. Для моего папы это был самый страшный день в его жизни. Он очень любил Советский Союз. Однажды он сказал мне, что 8 декабря — это был конец света. Свет кончился, и теперь сплошной мрак.

— Ты нарочно родилась, чтобы мне было еще хуже, — сказал папа.

Через несколько лет после распада СССР папа уволился из органов. Мама говорила мне, что это ничего страшного, потому что если бы он не уволился сам, то его бы уволили все равно. Уже собирались, но он все-таки успел уволиться сам. Это ведь совсем разные вещи — одно дело, когда уходишь, и другое — когда тебя выгоняют.

Папа очень горевал из-за того, что пришел конец света. Поэтому он не шел работать в другое место. Он хотел быть чекистом и никем другим. Ему было до того худо, что он все время пил водку. А мы все время ели картошку с солью и подсолнечным маслом, и меня уже начало тошнить от этого масла. Но потом, к моей большой радости, картошка все-таки кончилась. Деньги на водку для папы — тоже. У дедушки пенсия была маленькая, и поэтому он не хотел ею делиться. Тогда мама сказала, что мне надо идти работать. Она тоже пошла работать.

Если бы Василиса была с нами, то она, возможно, тоже пошла бы работать, но она уехала, чтобы стать моделью. Моделью она так и не стала, зато у нее появился сын. Она назвала его Василием. Получилось складно — Вася и Вася. Никогда не ошибешься, если звонить домой и звать Васю к телефону. Двое человек в квартире живут, и оба Васи. Я думаю, именно поэтому Василиса сына так и назвала.

Два тридцать ночи. Я лежу в кровати у себя в комнате. Надо мной склонился папа.

— Ты спишь? — громким шепотом спрашивает папа.

Я не сразу соображаю, что происходит. Папино лицо расплывается перед глазами. Он шатается и нечаянно падает на меня. От папы сильно и неприятно пахнет.

— Так ты спишь или нет?! — возмущается папа.

— Уже нет, — говорю я.

— И какого хрена ты не спишь так поздно?! — гневно кричит папа.

Потом он все-таки встает, переставая вдавливать меня в матрас, и обещает «разобраться со мной утром». Я знаю, что утром он, скорее всего, будет лежать на диване и стонать, поэтому не придаю большого значения его угрозам.

Я лежу в темноте и через открытую дверь смотрю, как папа в коридоре пытается разуться.

— Ну, ты! Помоги мне! — возмущается он.

Я встаю и иду снимать папе ботинки. Его штаны почему-то мокрые. Скорее всего, он хотел искупаться в Неве. В этом нет ничего странного — когда он учился в университете, они с друзьями иногда купались в Неве. Ему нравилось, и теперь он часто хочет искупаться, чтобы чуть-чуть поднять себе настроение, испортившееся из-за распада Советского Союза.

Потом я снова иду в кровать, но дверь не закрываю, потому что это может спровоцировать папу — закрывать дверь перед потенциальным собеседником неприлично.

Когда я начинаю засыпать, из ванной доносится вопль. Я снова встаю и иду в темноте на звук. Мама, дедушка и я собираемся в коридоре.

— У меня во рту ежи!!! — отчаянно кричит папа.

Оказывается, он хотел почистить зубы, но перепутал тюбики и взял вместо зубной пасты мамин крем от морщин. Мы поняли это не сразу. А когда поняли, то все равно ничего не смогли сделать — папа был безутешен.

Я работаю в кафе

Работу я нашла не сразу, потому что мне было тринадцать лет. Я всем говорила, что мне четырнадцать с половиной, но это мало помогало. В четырнадцать тоже мало куда берут.

В конце концов, я увидела объявление на витрине кафетерия около нашего дома. Там было написано, что срочно требуется уборщица. Я зашла внутрь и сказала, что очень хочу быть уборщицей. Еще сказала, что мне почти пятнадцать лет. Сначала мне отказали, но больше к ним никто не приходил и не говорил, что хочет быть уборщицей. Поэтому меня взяли — пришла мама и подписала бумагу о том, что она не возражает против моей работы в этом кафетерии. Сначала планировалось, что я буду работать там только летом, но осенью я осталась. Совмещать учебу и работу оказалось невозможно: учиться надо было с девяти утра до трех каждый день, а работать — с девяти до одиннадцати два дня подряд, потом два дня отдыхать, потом — снова два дня работать.

Я перевелась из своей школы в экстернат, а к концу осени стала работать в том же кафетерии официант-

кой. В общей сложности я проработала там почти два года.

График работы меня вполне устраивал, не нравилось только, что в те дни, когда я работала, я не успевала гулять со своей собакой: к тому времени папа уехал от нас жить в деревню, Василиса на другом конце города растила сына Василия, мама работала и после работы не могла выгуливать собаку, а дедушка был свободен целый день, но у него случился инсульт, и он не вставал с постели.

Выход я все же нашла. В середине дня я отпрашивалась на полчаса, шла через две линии домой, проверяла, как дела у дедушки — его нужно было кормить и менять памперсы, — и быстро выгуливала собаку. Потом стало проще — мама начала брать работу на дом.

В кафетерии работать мне в целом очень нравилось. У меня была красивая форма — белая майка и черный комбинезон. Зарплата была триста рублей в день, но платили не каждый день, а раз в месяц. Дни выдачи зарплаты мне нравились особенно. Когда не надо было убирать зал, я вязала, заваривала для остальных чай и делала бутерброды с сыром и кетчупом. Тетенька, которая работала поваром, иногда учила меня готовить.

Понемногу я даже начала разговаривать с работающими в кафетерии людьми. А потом подружилась с Мироном. Он работал за барной стойкой, хотя вообще был учителем и считал, что я зря ушла из школы в экстернат. Мирон тоже пил, но не так, как папа. Папа любил опохмеляться настойками боярышника и пустырника. Мирон считал, что это ниже человеческого достоинства.

Когда Мирон был в запоях, он не приходил на работу, и мне было грустно. Но когда он приходил, особенно если он пил кофе с коньяком, мы устраивали с ним шалости. Одна бы я вряд ли решилась устраивать шалости, но с ним было как-то не очень страшно. В случае обнаружения наших проделок Мирон брал на себя всю ответственность, а администратор почему-то ничего ему не делала. Наверное, не так уж легко найти бармена с учительским образованием, и Мирон был ценным кадром.

Однажды мы с Мироном решили сделать туалет из бесплатного — платным и повесили объявление на двери: «Вход платный. Пять рублей». Разбогатеть не получилось, администратор потребовала снять табличку.

В другой раз мы с Мироном решили, что очень устали и хотим домой. Мы сказали об этом администратору.

— Домой вы пойдете, только если вообще не будет посетителей, — сказала администратор.

Мирон нашел выход — мы написали табличку, в которой говорилось, что кафе закрыто по техническим причинам. Полдня у нас действительно не было посетителей, но домой мы так и не пошли, потому что администратор обнаружила нашу табличку.

Единственное, что мне не нравилось на работе, так это то, что я очень уставала. Рабочий день продолжался тринадцать часов, и когда я приходила домой — не могла заснуть, а когда нужно было вставать — не могла проснуться. По правилам мне нужно было капитально убирать все помещения в кафетерии — два зала, туалет, кухню, кладовку и офис — один раз в день, либо утром до открытия, либо вечером после закрытия.

Туалет я исправно убирала каждые полчаса и расписывалась в специальном бланке, прикрепленном к стенке. А вот с генеральной уборкой дела обстояли хуже.

Утром я говорила, что уберу вечером, вечером обещала убрать на следующий день утром. Потом меня замучила совесть, и я смирилась с неотвратимостью генеральной уборки.

Бог накажет тебя

Однажды я украла из кафетерия фрукт. Не знаю, как он назывался. Он был похож на апельсин, только с желтой кожурой и размером с маленький арбуз. Мне до сих пор очень стыдно. Это все просто ужасно. Я — ужасный человек. Я украла фрукт.

На кухню привезли фрукты. Я смотрю на них. Я никогда таких странных фруктов не видела. Мне хочется взять один фрукт, но я знаю,

что нельзя. Я жду, когда из них будут что-нибудь готовить, например, нарежут ломтиками и разложат на тарелке. Тогда можно было бы попросить одну дольку, просто попробовать. Но как назло этого не происходит. Фрукты так и лежат в пластиковой корзине. И почему-то мне начинает казаться, что съесть загадочный фрукт — это самое важное в жизни. Съесть и узнать, какой у него вкус.

Украсть этот распроклятый фрукт я решилась не сразу. Я думала несколько смен. И наконец решилась пойти на преступление. Мне очень стыдно, правда. Но я его украла.

Вечер. Я исправно убирала все помещения. Очень долго, так, что все уже переодеваются в обычную одежду, курят и готовятся идти домой. На кухне уже погасили свет.

Я разулась, чтобы было не слышно моих шагов, и босиком крадусь на кухню. В темноте нащупываю пластиковую корзину. Хватаю фрукт и запихиваю в рюкзак. От фрукта рюкзак так раздулся, что не закрывается молния. Я слышу, как Мирон зовет меня из коридора. Сердце колотится часто-часто. Я чуть не плачу.

Когда я выхожу на улицу, у меня горят уши.

Я не понимаю, зачем я это все сделала. Похожая история приключилась со мной в детстве, когда я выкинула в открытый люк свою любимую лопатку. В том смысле, что я до сих пор толком не могу объяснить, зачем я сделала и то, и другое. Просто тогда это казалось важным и очень естественным.

Дома я нарезаю странный фрукт дольками. Я ни с кем не делюсь, мама наверняка сразу спросит, откуда у меня этот фрукт, а дедушка отказывается есть. Он говорит, что ему надо срочно ехать в Москву, и упорно кричит мне из комнаты: «Нюрка, отдай деньги!»

Я подхожу к нему.

— Я не Нюрка, — миролюбиво говорю я.

— А кто ты?

Дедушка смотрит куда-то мимо меня.

— Я твоя внучка.

— Нюрка, отдай деньги. Мне в Москву завтра, а на ситро не хватает.

Я иду обратно на кухню и кусаю фрукт. Он очень горький. Я плюю его в мусорное ведро. Настроение у меня совсем плохое, хочется плакать. Я выкидываю остатки фрукта и иду спать. Но заснуть не могу.

Утром я прихожу в кафетерий очень рано, убираюсь с особым рвением. Когда приходит Мирон, я зову его на переговоры в кладовку.

— Что случилось? — спрашивает Мирон.

Я и не знаю, с чего начать. Мои уши опять горят.

— У меня есть одна подруга... — издалека начинаю я.

Мирон заинтересованно слушает.

— Так вот, представь, если бы она украла бы, ну, не украла бы, а взяла бы без разрешения что-то...

— Что именно? — уточняет Мирон.

— Ну, не знаю...например, фрукт...

— Значит, дела плохи, — говорит Мирон.

Я пугаюсь.

— Это смотря какой. Если такой, как у нас на кухне, — вообще каюк, потому что знаешь, какие они редкие! Их из Африки на самолете доставляют. И стоят они очень дорого, как две твои зарплаты!

— Правда?

Я просто в ужасе.

— Нет, не совсем правда. Вернее, как три зарплаты. Но дело даже не в этом. Понимаешь ли, если твоя подруга совершеннолетняя, то есть ей больше восемнадцати, то она просто заплатит штраф — ей не будут платить зарплату и все. А вот если она... ну, скажем, ей столько же, сколько и тебе, то — все...

— Что — все?!

Я от волнения перестаю дышать.

— Колония... — задумчиво произносит Мирон и выходит из кладовки.

Я промучилась до вечера. Вечером снова зачем-то провела генеральную уборку, потом пошла к администратору и все ей рассказала.

Потом оказалось, что Мирон надо мной немного поиздевался. Это

потом я поняла, что люди, вообще, любят издеваться над другими людьми. Тогда как-то все в новинку было.

Меня не уволили. Даже маме ничего рассказывать не стали.

Однажды я спросила Мирона, что это был за фрукт такой. Он сказал мне название, но я не помню, какое.

— А он горький? — спросила я.

— Нет, что ты. Как дыня.

— А у меня тот, ну... тот самый (уши снова покраснели), он был, знаешь, ну очень горький.

— Это тебя Бог наказал за воровство, — серьезно пояснил Мирон.

Когда папа бил меня, он всегда говорил, что это не он, а Бог наказывает меня за мои грехи.

Загробная жизнь

Иногда папа подолгу жил в деревне, иногда периодически приезжал домой. Когда он приезжал, всем становилось хуже. Он уходил в запой и буянил. Буянил папа со злобой, и часто это заканчивалось плохо.

Так, однажды он потерял ключи от квартиры. Мобильные телефоны тогда еще не изобрели, а домофон мы делать не стали, и выход у папы был один — кричать под окнами. Было поздно. Мы с мамой спали и не слышали, как он кричит. Зато соседи снизу — услышали, но дверь открыть не захотели. Зато захотели вызвать милицию.

Милицию папа не любил. В этом нет ничего странного — военные не любят милицию, милиция не любит военных, а чекистов не любят ни те, ни другие.

Так и не попав в подъезд, папа не растерялся и решил лезть в окно. Он рассчитывал проникнуть в квартиру через форточку. В этом он, конечно, немного просчитался — форточка была маленькая и узкая.

То есть проникнуть в квартиру ему все же удалось. Но, когда он проникал в форточку, он выбил окно в моей комнате.

Мне не везет. Если верить папе, во всем виновата дата моего рождения. 8 декабря — президенты России, Украины и Белоруссии объявили о роспуске СССР. К роспуску СССР я не имею никакого отношения, но по папиным словам, это не так.

Когда папа пытался выбраться из моей комнаты, он споткнулся о собаку. Собаку папа не любил.

Папа — снова в запое. Я и мама гладим на кухне белье. Бубнит телевизор. Собака спит под гладильной доской. Рыбы плавают в аквариуме на подоконнике.

Входит папа. Он очень зол и наверняка хочет подраться. Это самое неприятное в его запоях. Папин вид — как сигнал тревоги, в смысле он сейчас очень хочет кого-нибудь побить. Мама поспешно уходит. Ей очень не нравится, когда папа в таком состоянии. Маму, собственно, он никогда не бьет. Дедушку — тоже. Василиса уехала и воспитывает сына Василия.

Остаюсь я.

Но тут опять случается то, что я не совсем могу объяснить. Как и в случае с лопаткой или с фруктом, который я украла. Я поднимаю утюг.

— Не трогай меня, — говорю я. — Я убью тебя.

Папа прикидывает. Он — больше меня и сильнее. Но у него плохо с координацией движений, потому что запой.

А утюг все еще горячий, вилка в розетке. Я его, конечно, не убью, но, скорее всего, смогу обжечь.

Папа очень злится.

Папа меня не трогает.

Потом папа скажет, что я нахожусь не вполне в здравом рассудке. А пока он ничего не делает. И я почти забываю.

На самом деле я не забываю ничего. В моем случае, забыть — это очень опасно, нужно всегда быть настороже. Не выключать утюг, иначе невозможно разгладить все складки, комочки и неровности. Не будет ясности.

Но тогда я почти забываю. Я возвращаюсь домой. Мамы нет, дедушка лежит в своей комнате, мне надо покормить его, дать лекарства и поменять памперсы. Мне кажется, что папы тоже нет. Я иду на кухню. Я забываю, что надо всегда быть настороже.

Папа стоит посреди кухни. У него на руках извивается собака. Ее мор-

да и лапы обмотаны скотчем очень толстым слоем.

Папа смотрит на меня. Он злой, трезвый и пьяный одновременно.

— Она лает, — говорит он. — Я ненавижу тебя.

Я стою и смотрю. Я ничего не делаю, не двигаюсь и ничего не говорю. Мне кажется, что я смотрю на происходящее со стороны. Как будто фильм на DVD. И я — это не совсем я, поэтому я не могу пошевелиться.

Папа засовывает собаку в аквариум. Он хочет, чтобы она поместилась там вся, но влезает только половина. Голова и передняя часть туловища собаки.

Потом я много думала о загробной жизни. О том, что стало теперь с моей собакой. Все эти штуки насчет Бога, рая и ада.

Бога — нет.

Ад — это то, что здесь.

Насчет рая — ничего сказать не могу.

Ваня

Я познакомилась с Ваней, когда мне было шестнадцать лет. Тогда я уже не работала в кофейне — я сдавала промежуточную аттестацию в экстернате, а после договорилась все лето вести экскурсии для школьников в Царскосельском лицее.

Ваня жил в училище, а домой его отпускали только на выходные, вот тогда мы и гуляли. Потом он поступил в университет.

Гуляли мы долго и глобально. В семнадцать лет Ваня знал очень много. Например, все квартиры в центре, где молодые и талантливые люди жили коммунами или где и сколько стоят амфетамины.

Четыре часа утра. Я не успела прийти домой до разводки мостов, поэтому я иду ночевать к Ване домой. Он живет в большой старой квартире вместе с мамой, отчимом, бабушкой, дядей и дядиной любовницей. Дядина жена живет отдельно.

Ванина комната была очень маленькой, и поэтому, чтобы грамотно разместить мебель в пространстве, он установил посередине комнаты большой шест и шкаф. И шест, и шкаф служили опорой для каркаса кровати, которая находилась под потолком. Под кроватью стояли кресло и стол с компьютером. Книги хранились в коробках на подоконнике.

Для того чтобы забраться на кровать, нужно было карабкаться по лестнице от спортивной стенки.

В пять утра мы забираемся на кровать под потолком.

— Давай займемся сексом, — с умным видом говорит Ваня.

Я качаю головой.

Ваня разочарован.

— Почему? — не сдается он.

Я снова качаю головой. Я не могу объяснить ему. Он не понимает, почему я не могу. В смысле, почему не могу объяснить и почему не могу заняться сексом. Почему вообще ничего не могу.

Почему я не могу — это моя тайна. С тех пор прошло много времени, но Ване я так ничего и не рассказала. Когда я рассказывала ему, о чем я думаю, он всегда очень пугался и никогда не понимал. Поэтому я молчу.

— Тогда давай спать, — примиряющее говорит Ваня.

Я киваю.

— Мне вставать в «сучилище» через час, — объясняет Ваня.

Мы засыпаем.

Я просыпаюсь от непонятных звуков. Это Ванина бабушка пришла в комнату и стучит ручкой швабры по дну кровати, требуя, чтобы Ваня вставал.

Я никак не могу сообразить, где я нахожусь. Протягиваю руку и начинаю шарить по полу в поисках капель.

Дело в том, что я каждые несколько часов капаю нафтизин. Это такие дурные капли за два рубля пятьдесят копеек, которые сужают мои сосуды в носу, и тогда мне становится легче дышать. Если я не капаю их больше двух часов, у меня начинает болеть голова. Если не капаю много больше, чем два часа, я начинаю задыхаться.

Я пытаюсь найти капли, но не могу нащупать пол. Его нет. Я просыпаюсь окончательно и свешиваюсь с кровати.

У меня вообще дезориентация по утрам. Я не сразу могу понять, где я нахожусь, когда просыпаюсь. Прав-

да, сейчас это прошло — последний год каждый день, когда я просыпаюсь, первые несколько секунд мне кажется, что я все еще в больнице.

Теперь я вижу, что пол на месте. Но он далеко — до него два метра. Я пытаюсь встать и больно стукаюсь затылком о потолок. Я в ужасе.

Потом проснулся Ваня, и все встало на свои места. Выяснилось, что я у него в гостях, а у него дома вот такие вот странные кровати.

В метро мы бежали, не успев позавтракать, потому что слишком долго разбирались с тем, где я нахожусь, а потом искали мои капли. Когда мы спускаемся вниз на эскалаторе, Ваня злится. Он очень не любит, когда его видят в форме.

В Училище МВД занятия начинались в восемь утра, пропускать было нельзя, и обязательно надо было ходить в милицейской форме.

Шутка

В нашей палате десять коек. На каждой койке лежит женщина с токсикозом, потому что это — отделение токсикологии. Моя койка у стены. Я привязана за руки и за ноги, в правой руке у меня иголка капельницы, и от лекарства мне ужасно холодно, а еще холодно потому, что одежда на мне почему-то мокрая, но накрыться я не могу, потому что привязана. И поэтому я дрожу. Дышу я, как рыба, которая давно не была в воде, это потому, что нафтизин куда-то потерялся. Но закапать я все равно бы не смогла, привязана.

Напротив меня лежит очень худая девушка. Она тоже привязана и громко кричит. Каждые несколько секунд она выгибается всем телом и делает мостик. И кричит. Все время. Она зовет какого-то Пашу. Я не знаю, кто такой Паша.

Девушка справа от меня тоже привязана, она ругается матом и требует, чтобы ее немедленно отпустили. Ее не отпускают, и тогда она начинает требовать, чтобы та кричащая девушка немедленно замолчала. Этого тоже не происходит.

Больше девушек в палате нет. Одни бабушки. Бабушек все устраивает, они лежат молча. Они не привязаны.

Дверь-решетка открывается. Входит доктор, но я вижу его не сразу, потому что моя койка самая дальняя от выхода из палаты. Когда он подходит ко мне, я выясняю, что он кавказской национальности, а еще — что он очень устал. Или что ему все равно. У него очень равнодушный вид.

Оказывается, кричащая девушка не сможет перестать кричать, потому что она со своим другом приняла очень много наркотиков, и теперь у нее галлюцинации. Ей страшно, поэтому она кричит. Успокоительное ей дать нельзя, потому что в ее организме итак слишком много всего. А от промывания желудка едва ли можно перестать чувствовать страх. Так что пока она так и будет кричать.

Так говорит доктор. Правда, он говорит все это не мне, а двум медсестрам, но я подслушиваю.

— Паша — это ее друг, он в мужском отделении, — говорит доктор. — Он кричит «Лена».

Доктор подходит по очереди к каждой койке. Когда он подходит ко мне, я прошу развязать меня. Доктор не соглашается. По его словам, этого делать нельзя — я могу нечаянно поцарапаться иголкой от капельницы, а это опасно. Я соглашаюсь и говорю, что мне нужно домой. Доктор говорит: «Завтра, обещаю. За тобой приедет мама». Мне стразу становится как-то легче, наверное, от слова «мама», пусть и произносит его доктор с очень равнодушным лицом.

Теперь доктор стоит справа от меня и разговаривает с той девушкой, которая все время что-то требует. Сейчас она требует, чтобы ее немедленно отвязали. Доктор отказывает и ей тоже, что мне кажется очень странным — она-то, в отличие от меня, лежит без капельницы. Но я молчу.

— Вы ничего не понимаете! — отчаянно кричит на доктора девушка.

Доктор смотрит на нее очень равнодушно.

— Я не глотала таблетки! — говорит она уже спокойнее.

— Мне не нужно промывание, — уточняет она. — Возьмите анализ крови и сами увидите, — снова начинает кричать она.

Потом девушка рассказывает, как все было на самом деле.

И на самом деле все действительно очень просто.

Первое — она поссорилась со своим ухажером. Ссорились они втроем — она, ухажер и ее младшая сестра. Сестра просто стояла в дверях и смотрела на ссору.

Второе — когда у девушки кончились аргументы, она пригрозила своему вредному ухажеру самоубийством. А он не поверил. Тогда девушка схватила со стола первые попавшиеся таблетки, открыла баночку и высыпала содержимое этой баночки себе в рот.

Третье — ухажер кинулся к ней, но она оказалась быстрее, и пока он к ней кидался, плюнула таблетки прямо на ковер. А потом они обнялись и перестали ссориться.

Вот только к тому моменту, как таблетки оказались на ковре, сестра той девушки уже успела сбегать на кухню и вызвать «скорую помощь».

— Это же была шутка, просто шутка, — плачет девушка справа от меня.

Доктор, кажется, выглядит теперь еще более усталым. Он долго и равнодушно смотрит на ее лицо.

— Нельзя меня в сумасшедший дом, — плачет девушка. — Это же шутка.

— С такими шутками тебе как раз туда, — говорит наконец доктор.

— Паша-а-а! — отчаянно кричит девушка напротив.

Я сожалею

Сначала я никак не могу понять, где я нахожусь. Потом оказывается, что я в палате токсикологии. Об этом мне рассказала соседка справа. Та, которая пошутила, и поэтому попала к нам в палату.

Тогда я понимаю, что я не умерла.

— Я не умерла, — говорю я вслух.

Никто не реагирует на мои слова, собственно, ни к кому конкретно не обращенные.

И тогда я начинаю плакать. Я плачу молча и долго. Я плачу все время, но это тоже никого не удивляет. Соседка напротив кричит, соседка справа снова что-то требует. Бабушки молчат. Я плачу.

Решетчатая дверь открывается. Это ко мне пришел следователь. Он садится ко мне на кровать, и медсестра отвязывает мне ноги и руки. На бинтах остались рыжие следы от ремней. Руки у меня ужасно болят, я дотрагиваюсь рукой до запястья и морщусь.

— Почему ты плачешь? — спрашивает следователь.

Я молчу.

Я не могу сказать ему. Он не понимает.

— Это очень важно, почему ты плачешь? — настаивает он. — Тебя здесь обижают?

Я качаю головой.

Когда следователь задает один и тот же вопрос в третий раз, мне надоедает и я честно признаюсь: «Я сожалею».

Он сочувственно кивает.

На самом деле я действительно сожалею, но сожалею, что не умерла. Об этом я не говорю. Я не доверяю милиции.

Доктор с равнодушным лицом на самом деле обманул меня насчет того, что меня отпустят домой. В четыре часа утра дверь снова открывается, приходит медсестра и два санитара, они стоят и ждут, когда медсестра отвяжет меня и поможет мне встать, и смотрят на кричащую девушку. Она уже сорвала голос и теперь только хрипит: «Паша, Паша», хотя выходит у нее довольно громко.

Санитар берет меня за руку. Второй идет сзади, а медсестра закрывает решетчатую дверь и выводит нас в коридор.

Спуск по лестнице дается мне с большим трудом. Меня качает и тошнит. Санитар, который шел сзади, выходит на улицу и придерживает перед нами дверь. Меня сажают в микроавтобус, на котором написано «Скорая помощь». Второй санитар сидит рядом и продолжает держать меня за руку. Мы сидим с ним вдвоем на каталке, покрытой коричневым кожзаменителем, и у него завязывается разговор со вторым санитаром, сидящим у окошка.

Они говорят обо мне в третьем лице, как будто меня с ними нет,

и удивляются почему я плачу и как это у меня получается делать это абсолютно беззвучно. К однозначному выводу они не приходят, и разговор плавно переходит на обсуждение последнего футбольного матча.

Я смотрю в окошко и совсем не узнаю места, по которым мы едем. Мне кажется, что мы попали в какой-то другой город. Все черное и оранжевое, потому что темно, и освещают эту темноту только оранжевые фонари. Черное и оранжевое, других цветов в этом мире не существует. Я перестаю плакать.

Потом я сижу в кабинете дежурного врача, он задает мне какие-то вопросы, но я не слышу его, просто вижу, как открывается и закрывается рот. Он протягивает мне какие-то листы формата А4, на них напечатаны буквы и есть пробелы для моих подписей, но я не могу сфокусировать глаза и прочитать, что там написано. Я не подписываю, тогда врач что-то говорит, потом медсестра уводит меня, состригает ногти, дает мне халат в синий цветочек без пуговиц и пояса и тапочки, собирает мою одежду в полиэтиленовый мешок.

Когда медсестра ведет меня за руку по длинному зеленому коридору, я снова начинаю плакать.

— Ты понимаешь, где ты? — спрашивает она.

Я не отвечаю.

— Это психиатрическая больница, — говорит медсестра.

И тогда я плачу уже потому, что все вышло так глупо. Я должна была умереть, а вместо этого попала в сумасшедший дом.

Окно

Когда ко мне приходит врач, я плачу. Плачу я и тогда, когда врача рядом нет, но когда приходит врач, я начинаю плакать совсем уж сильно.

Я существую в двух состояниях: когда мне делают укол, я засыпаю и не могу плакать, когда я просыпаюсь, начинаю плакать, пока мне не сделают укол и я не засну. Иногда у меня получается плакать во сне.

Врач возвышается надо мной, как телебашня над старыми трехэтажными домами в центре города. В отличие от доктора в токсикологии, этот врач не спрашивает, почему я плачу. Если ты в сумасшедшем доме, плакать логично.

Я напрягаюсь и пытаюсь произнести фразу как можно членораздельнее.

— Мнедомой, — говорю я.

Врач меня не понимает.

Я краснею от натуги и, сфокусировав зрение на фигуре врача, повторяю.

— Мне нужно домой.

Врач смотрит на меня так, как будто я говорю на японском языке.

— Зачем?

Я теряюсь. Силы вдруг заканчиваются, и я не могу ответить доктору на такой, казалось бы, простой вопрос.

— Зачем тебе нужно домой?

— Там кошка.

Наконец выдавливаю я.

Я бы честно хотела объяснить, что дома у меня осталась маленькая кошка, что она болеет и я всего пару недель назад принесла ее с улицы, кошке нужно колоть витамины и кормить ее. Еще я хотела бы сказать, что дома осталась мама и я не уверена даже, что она знает, где я сейчас нахожусь.

Но у меня нет сил на то, чтобы произнести все это вслух. Доктор быстро пишет что-то в своем блокноте и уходит.

Выходить из палаты разрешено только в присутствие медсестры. За пределами палаты начинается длинный коридор, по правой стороне которого расположены остальные палаты. Дверей в палатах нет. По левой стороне коридора тянутся окна, закрытые изнутри белыми решетками, а еще — туалет и комната медсестер. На этой же стороне стоят два длинных стола и стулья. Когда приходит время обеда, санитары сдвигают столы и расставляют стулья. Время обеда для каждой палаты разное.

Коридор заканчивается тяжелой металлической дверью, закрывающейся на засов с другой стороны. Это выход из отделения.

Я веду себя хорошо — тихо. Несмотря на то, что я все время плачу, я плачу беззвучно, и это всех устраивает.

В отличие от остальных пациентов, я не стою возле кабинета медсестер и не требую телефон. Я уже звонила домой и говорила с мамой.

Когда я звонила маме, мама плакала и обещала прийти через три дня, в день посещений. Оказалось, что мама знает, где я. Она даже подписала какую-то бумагу.

За хорошее поведение мне разрешают гулять по коридору.

— До первого окошка и обратно, — равнодушно говорит мне медсестра.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть.

От стула до окошка шесть шагов.

Я плачу.

Раз-два-три-четыре-пять-шесть.

Шесть шагов от окошка до стула.

— Я не сумасшедшая, — говорю я медсестре.

Она смотрит мимо меня. Ей все равно.

Модель

В моей палате меня очень любят. Все стараются меня утешить, сделать так, чтобы я перестала плакать. Рената дарит мне свою коллекцию фантиков от карамельных конфет, но потом забывает об этом и кричит, что я их у нее украла, пока она спала.

Особенно сильно меня любят старушки. Я помогаю им садиться за стол во время обеда, зову медсестру, когда кому-то становится плохо, и вожу старушек в туалет.

С туалетом не все так просто. Он — один на все отделение, и пускают туда не всегда, а только в определенные часы, отведенные на посещение туалета. Утром, три раза в течение дня и вечером.

Многим этого не хватает.

Многие ночами писаются в своих постелях.

Потому что на ночь здесь привязывают к койкам за руки и за ноги специальными кожаными ремнями. Кричи не кричи, ночью никто не приходит, чтобы отвязать тебя и сводить в туалет.

В первое утро, когда я проснулась в палате, оказалось, что одна старушка умерла во сне. Мне было жаль ее, хотя я никогда ее раньше не видела.

Я гуляю от стула к окну и обратно, медленно отмеряю положенные мне шесть шагов. Ко мне подходит Рената.

— Я была моделью, — с ходу начинает она.

Я киваю. Рената говорит мне о том, что раньше она была моделью каждый день, от двух до пяти раз в зависимости от того, какую дозу ей назначают. Когда ей делают меньше уколов, память у нее немного улучшается.

— Пойдем, я покажу тебе, — говорит Рената.

Она берет меня за руку. Рука у нее очень костлявая и холодная. На вид ей лет сорок, но я знаю, что это не так.

Мы садимся на стулья в коридоре, и Рената раскрывает большой фотоальбом, который всегда носит с собой. Вместо закладок там — фантики от конфет, которые она коллекционирует.

Рената не дает мне свой альбом в руки — она очень дорожит им.

Мне не очень интересно в который раз смотреть на фотографии Ренаты, я бы с большим удовольствием погуляла до окна и обратно, но Рената так рада тому, что нашла себе слушателя, что я остаюсь сидеть на стуле и заглядываю в альбом.

Фотографии большие и заламинированные. Рената немного похожа на них на Милу Йовович. У нее длинные темные волосы, пухлые губы и живые глаза.

Я поднимаю глаза с Ренаты сфотографированной на Ренату настоящую. Она очень худая, короткие волосы обесцвечены, собраны в хвостик на затылке.

В дни, когда Ренате становится совсем плохо, она забывает, кто она, каждые десять минут. Тогда она кричит и плачет и, конечно, требует, чтобы ее выпустили отсюда.

Я ничего не требую больше. Мне теперь все время плохо и все время как-то все равно.

— Я модель, — гордо говорит Рената.

Дни посещений

Каждую неделю ко мне приходит мама. Она приносит мне продукты

и книги, на самом деле это совершенно бесполезно: еду, стоит только ослабить бдительность, сразу забирают другие пациенты, а читать я все равно не могу — все еще проблемы с фокусировкой.

Вопрос о моей выписке не решен, хотя я нахожусь здесь уже три месяца. Я продолжаю плакать почти все время, и это наводит моего доктора на мысль о том, что лучше мне не становится.

Мой диагноз врач мне не говорит, зато говорит маме. Но мама отказывается мне его озвучить.

— Не волнуйся. Ты совершила ошибку... Тебя вылечат, — неуверенно говорит мама.

Папа ко мне не приходит.

Мы с мамой идем гулять. На самом деле мы идем втроем: я, мама и медсестра, которой пришлось купить коробку «Рафаэлло», чтобы она согласилась устроить мне прогулку.

Гуляем мы во внутреннем дворе больницы. Я и мама медленно идем по асфальтовой дорожке, а медсестра ждет нас на скамейке. Из-за металлического забора доносится шум улицы. Мы проходим мимо потемневшего футбольного мяча, лежащего на горке кленовых листьев. Я снова начинаю плакать.

Мне совсем не нравится гулять. Почему-то мне становится еще хуже, чем в отделении.

Я всегда очень жду дня посещений, чтобы увидеть маму, но, когда она приходит, мои силы очень быстро заканчиваются — где-то на десятой минуте я уже не могу сказать ничего членораздельного.

Мама принесла мне из дому вязание, но вязать мне не разрешают даже под присмотром медсестры. Слишком опасно, гипотетически я могу убить спицами себя или кого-нибудь еще.

Темнота

Я и Ваня сидим на полу в моей комнате. В комнате вообще нет мебели и поклеены новые обои. Темно.

Все стекла в окне я зарисовала розоцветными узорами. Краски полупрозрачные, через них проходит много света, поэтому кажется, что окно светится.

Ваня предлагает включить свет. Я качаю головой.

Из глубины квартиры доносятся голоса и чей-то пьяный смех.

— Мне жаль твоего деда, — говорит Ваня.

— Мне тоже, — говорю я.

— Я в детстве боялся темноты, — говорит Ваня.

Он натягивает на подбородок ворот свитера. Это я связала. Свитер немного велик, но это, может, на вырост, не знаю точно.

Я тоже раньше боялась темноты. Но однажды меня осенило. На самом деле у меня есть целая теория на этот счет. Дело вот в чем. Когда боишься темноты, включаешь свет. И становится сразу уютно, светло и безопасно. Я тоже раньше так думала.

Хотя на самом деле темнота никуда не девается. Она остается, свет просто перекрывает ее и делает невидимой. Темнота — она прячется там, под светом. Таким образом, включая лампу, мы делаем только хуже, теряем бдительность и можем даже забыть о темноте.

Поэтому я в последнее время перестала спать со светом.

Я думаю, что нужно поделиться этим с Ваней.

— Я хочу умереть, — говорю я.

— Почему?

— Потому что мне невыносимо. Я не могу выносить, понимаешь? Мне надо что-то с этим делать.

Ваня не понимает.

— Ты серьезно?

— Ну да.

— Значит, ты дура.

— Скорее всего, так.

Ваня молчит, потом говорит неуверенно: «Это ведь не из-за меня?»

— Да вроде нет.

Дело в том, что у нас так ничего и не вышло с сексом. Это нанесло большой ущерб нашим взаимоотношениям. Пришлось искать выход из создавшегося положения. Выход мы нашли.

Ваня периодически занимается сексом с незнакомыми мне девушками. Они сменяются обычно раз в несколько месяцев. Меня это не очень

задевает, потому что у нас с Ваней — любовь.

По крайней мере, Ваня так говорит. Я не уверенна насчет того, что такое любовь, поэтому полагаюсь на его познания в этом непростом вопросе.

Бомж

Темнеет быстро и некрасиво. Ваня с Егором обходят маленький садик. Идут целенаправленно, по схеме. Это не прогулка — у них в Училище МВД практика, ночное дежурство.

— Знаешь, сегодня подумал: сирень так классно пахнет. Надо моей духов купить, таких, чтоб как сирень, с запахом, — говорит Ваня.

Егор устал, он хмурится.

— Жрать охота, — перебивает он.

Ваня кивает и указывает на ближайшую скамейку, выкладывает на нее бутерброды, извлеченные из рюкзака.

— Фига се, — удивляется Егор.

— Это она втихаря положила, — довольно поясняет Ваня.

— Ну, тогда можно и духи купить, — солидно кивает Егор.

Из-под скамейки раздается стон. Егор подскакивает и обливается кока-колой. Под скамейкой лежит бомж. Ваня садится на корточки и разглядывает лежащего под скамейкой человека.

— Что делать будем? — шепотом спрашивает Егор.

Ваня пожимает плечами.

— Может, бутерброды со скамейки забрать, а? — волнуется Егор.

Бомж со стоном дрыгает ногами.

— Дядечка... ээ... э, товарищ, вылезайте оттуда, — неуверенно говорит Ваня.

Бомж рыгает.

— Надо Геннадьевичу позвонить.

— Ну так ты и звони.

— Да... так он же разорется...

— Звони!

Ваня молча смотрит то на бутерброды, то на бомжа, то на куст сирени рядом со скамейкой.

— Звони, блин!

В садике горят фонари. И, как обычно, все становится черно-оранжевым.

— Курите на посту?!

Это приехал Антон Геннадьевич.

— Сами разобраться не можете? Второй курс, епта, называется.

Антон Геннадьевич приказывает вытащить бомжа из-под скамейки, и в оранжевом свете фонаря бомж оказывается прилично одетым, но излишне нетрезвым полным мужчиной.

Антон Геннадьевич пинает мужчину ногой под ребра. Это больно. Ваня морщится и отворачивается.

— Смотри чё делает, — тихо удивляется Егор.

Антон Геннадьевич садится на корточки и извлекает из кармана лежащего мятый бумажник. Вытащил оттуда деньги — пара смятых бумажек.

— Интересно, друг, как к тебе попал мой кошелек?

А потом Антон Геннадьевич забирает у дядечки телефон.

— Ты где, падла, живешь?

Плюх.

— А?

— Посмотрите документы его.

Бум, плюх.

— Ты сам до дома дойдешь?

— Я... я не...

Бум.

— Дойдешь, я спрашиваю?!

— Да-а-а.

— Не знаю, на фига вы меня вызвали. Совершенно трезвый, нормальный мужик. Самим не справиться, идиоты?!

Потом Ваня долго думает.

Потом звонит мне и посылает меня на фиг с моим вязанием и всеми моими депрессиями.

Кошка

Кошку я нашла во дворе своего дома. Она была маленькая и совершенно черная, сильно перемерзшая и недокормленная. Это было самое начало осени, и до моего самоубийства оставалась недели две.

Я варю кофе в маленькой турке. На самом деле уже поздний вечер, но я всегда пью вечером кофе, потому что если я буду спать ночью, то ничего не успею: мне нужно учиться, работать и вязать. Приходится чем-то жертвовать.

Кто-то очень громко мяукает во дворе. Я не обращаю внимания, но

мяукания очень горестные и требовательные.

Я иду искать кота во двор. Соседи снизу следят из окна за моими действиями. Обойдя весь двор два раза по кругу, я так и не нахожу кота. Соседи ликуют.

Я поднимаюсь обратно в квартиру, но мяукание становится еще более громким. Возвращаюсь во двор, вооружившись фонариком.

На дне мусорного бака лежит картонная коробка из-под лазерного принтера, заклеенная сверху скотчем. Мяукание доносится как раз оттуда.

Чтобы достать коробку, приходится с ногами залезть в мусорный бак.

В коробке обнаруживается кошка и закрытая банка консервов.

Обнаруженная кошка остается жить вместе со мной, мамой и еще одним котом, которого я привезла из деревни, где живет папа. Хозяева у этого кота погибли, а папа взять его к себе не захотел.

Так мы и живем — я, мама и коты. Я продолжаю не бояться темноты и думать о самоубийстве.

Фонтанка

В моем плане по поводу самоубийства не сходятся концы с концами. Я по-прежнему ничего не знаю по поводу загробной жизни. Я не вполне уверена, что стоит оставлять маму один на один с двумя котами. Я вообще не уверена, что затея с самоубийством так уж хороша.

Ваня сказал, что я дура. Я могла бы поговорить с ним по поводу самоубийства, может, даже он смог бы привести какой-нибудь очень весомый довод против этой затеи. Или, может, он что-то знает о загробной жизни и мог бы рассказать об этом мне.

Но после того самого дежурства Ваня ударился в депрессию. Я бы даже сказала, впал в депрессию так же, как река впадает в море. Разговаривать он не хочет.

Я принимаю решение какое-то время не думать о предстоящем самоубийстве и отправляюсь гулять. Для прогулки я выбираю культурное и красивое место, центр города.

Я и Саша культурно сидим на каменном спуске культурной реки Фонтанки в культурном центре культурной столицы России. Мы мирно пьем «Светлую Балтику» из бутылки и смотрим на красивый закат над Аничковым дворцом.

Саша — моя сокурсница в высококультурном Университете кино и телевидения, где я учусь вот уже второй год.

Саша все время что-то говорит, и меня очень удивляет, как она успевает пить пиво из горлышка, не прерывая своего рассказа. Что именно она говорит, я не очень слушаю, просто слежу за тем, как у нее открывается и закрывается рот, одновременно я думаю о том, что, возможно, все-таки мой план по поводу самоубийства не очень хорош и мне следует еще немного пожить.

— Можно с вами познакомиться?

Сзади нас на спуске стоят два молодых дядечки в спортивных костюмах, так же с пивными бутылками в руках. Выглядят они не очень приветливо, и мы с Сашей начинаем активно собираться домой.

Дядечки спокойно принимают отказ, и я снова поворачиваюсь к речке, по которой идет небольшой катерок, до отказа забитый туристами. Уже осень, скоро сезон прогулок по водам Петербурга закроется.

Потом я даже как-то не успеваю сообразить, как оказываюсь в воде. Когда я уже в воде, вспоминаю, как я туда летела легко. Как будто меня сзади кто-то подхватил и подбросил.

Саша летит следом за мной. Выходит не очень грациозно, но я не успеваю об этом подумать, потому что от проплывающего мимо катера идет волна, и она накрывает меня с головой. А потом я чувствую ногой камни.

«Так вот она какая, смерть», — думаю я, а потом Саша что-то кричит мне в ухо.

Мы долго не можем вылезти из воды, потому что гранитный спуск довольно высокий, а ступенек там нет.

Мне хочется кашлять, потому что я наглоталась воды.

Когда нам удается все-таки залезть на берег, мы сидим на граните и пытаемся отдышаться. К нам подхо-

дит бабушка в белом вязаном берете с батоном в руках. Она отщипывает кусочек за кусочком и неторопливо жует.

Оказывается, бабушка давно уже стоит на спуске и видела наше падение от начала до конца. По ее словам выходит, что дядечки в спортивных костюмах не ушли, когда попрощались с нами, а спрятались сзади и по очереди пнули нас в воду. А потом подхватили оставшиеся на спуске сумки. И только потом ушли, причем довольно быстрым шагом.

Я вспоминаю, что в сумке у меня были и паспорт, и зарплата за август.

— Ну и дела, — говорит бабушка в берете и отламывает еще кусочек батона.

Это была не очень-то культурная бабушка.

Мобильный телефон

Однажды я проснулась и поняла, что сегодня как раз тот день, когда я умру. Я это просто почувствовала. Проснулась я поздно, и солнце светило вовсю. Саша ночевала у меня и спала в маминой комнате. А я делала на кухне бутерброды и думала, что сегодня я умру.

На самом деле планы на день у меня уже были. Я должна была сходить в отделение милиции и написать заявление об утере паспорта. А еще заехать к маме на работу и взять там в долг денег, потому что зарплата осталась в украденной сумке и наверняка дядечки в спортивных костюмах ее на что-то уже протралили. А потом мне нужно было отнести фильмы обратно в прокат. И позвонить маме. И потом еще что-то.

Но я знала, что на самом деле сегодня план совсем другой. Я не сразу свыклась с этим планом и до последнего искала пути к отступлению. Какую-нибудь лазейку. Например, я сказала Саше: «Не уезжай».

Мне казалось, что, если Саша останется, реализоваться планам не удастся.

Так что я сказала: «Что-то мне совсем худо, не уезжай».

Но у Саши были какие-то дела. У нее так же, как и у меня, всегда все очень хорошо с делами, в смысле их как-то много. И только разберешься с одними делами, как появляются новые. Это вполне нормально.

— Мне кажется, я умру, — честно призналась я.

Саша уехала.

Тогда я немного походила по квартире, потом помыла посуду. Потом открыла в комнате разрисованное окно, потому что ночью мы там здорово накурили. Я все еще не хотела так просто отступать и села на пол с мобильным телефонам в руках.

Позвонила маме. («Я приеду послезавтра, ты уж там не умирай».)

Позвонила Ване. («Я сплю, позвони потом».)

Позвонила папе. (Длинные гудки.)

Позвонила любимому преподавателю в университете. (Абонент вне зоны действия сети.)

Позвонила Мирону. («Это кто вообще?»)

Позвонила Ване еще раз. («Как же ты достала со своим нытьем!»)

Позвонила еще кому-то, на самом деле много кому, я уже не помню. Помню только, что сидела на полу и искала лазейку, звонила всем подряд и предлагала встретиться и пойти погулять. Или встретиться и поговорить. Или просто поговорить по телефону, прямо, собственно, сейчас.

План начинал быть идеальным. Оказывается, с делами у всех хорошо, у всех они есть. Я окончательно решила, что пора действовать.

Для начала я выпила несколько таблеток анальгина.

Потом я отключила телефон и проглотила еще немного таблеток.

Потом я разбила стакан, выбрала осколок потоньше и поострее, убрала остальные осколки, чтобы кошки случайно не порезались. Потом подошла к зеркалу в ванной и приготовилась перерезать себе горло. Ничего не вышло, потому что мне стало вдруг очень страшно. Ругая себя за такую глупую трусость, я перешла на руки.

С левой рукой я расправилась довольно быстро и выяснила, что в фильмах о самоубийцах сплошная дезинформация. Резать вены ужасно больно, боль такая, как если потянуть

все мышцы в руке сразу, от локтя до ладони. Самое сложное — это когда уже расковырял кожу и видна черная тугая вена, эту вену перерезать. Или перепилить, как получится. Тогда сначала больно, а потом долго ничего не происходит, и если отвлечься, то даже не замечаешь сразу, как начинает течь кровь.

Я выпила еще несколько таблеток и перешла ко второй руке. Но тут все оказалось гораздо сложнее, я смогла перерезать только кожу, получилась такая щелка, похожая на прищуренный человеческий глаз без ресниц, а вена напоминала маленький черный зрачок. Вскрыть зрачок я так и не смогла.

Тут у меня начался приступ глубокой паники. Я не могу сказать, чего я боялась. Я была в состоянии глубокого первобытного ужаса от происходящего. Потом я немного успокоилась. Потом заплакала. Потом жалобно сказала: «Мама!» Потом я выпила еще немного таблеток.

Дело в том, что пить все таблетки сразу — еще одна ошибка фильмов о самоубийцах. Если проглотить сразу горсть, скорее всего, сработает рвотный рефлекс или еще что-то. Гораздо эффективнее пить по нескольку штук с интервалом хотя бы в десять минут. Таким образом, когда допиваешь последнюю порцию таблеток, первая уже окончательно растворилась и ты начинаешь медленно засыпать.

Когда я допивала четвертую пачку, солнце уже село. Паника прошла, и мне было очень спокойно и как-то уже почти все равно.

А потом случилось то же, что было и с лопаткой, выкинутой в люк в детстве, и с украденным с работы фруктом. Я не понимаю, что это было на самом деле. Мне очень сильно захотелось спать, и я вдруг почувствовала себя бесконечно счастливой. Это было какое-то необъяснимое запредельное счастье. Меня не волновало совсем ничего, ни темнота, ни все остальные мои страхи. Еще чуть-чуть, и пройдет даже невыносимость.

Такого я больше не чувствовала никогда — ни до, ни после, и вряд ли уже почувствую когда-нибудь потом.

Хотя доктор однажды пояснил мне, что это, скорее всего, было из-за таблеток.

Но я была очень счастлива.

А потом я заснула, и все померкло.

Маскировка

Я уже три месяца живу в психиатрической больнице. Рената по-прежнему показывает мне свой альбом, и иногда я хожу гулять до окошка и обратно. Мама приносит мне сигареты, но медсестры их забирают.

Сигареты здесь выдают порциями — три штуки в день.

Мама принесла мне «Парламент». Выдали уже «Петр I», и вместо трех у меня получилась одна, потому что меня просили поделиться, а отказать больным несчастным людям я не могу.

Последнюю оставшуюся сигарету мы курим напополам с Ренатой, стоя в туалете. Плачу я уже реже, потому что, во-первых, у меня уже нет сил, а во-вторых, я вдруг осознала, что человек в принципе очень живуч и может привыкнуть почти что ко всему, и даже, наверное, к психиатрической больнице.

Выписывать меня никто не собирается. Врач говорит маме, что прогресса нет. Папа не приходит, зато однажды вместе с мамой пришла моя сестра и сказала мне, что я самая большая дура, которую она когда-либо видела.

«Я всегда подозревала, что ты сумасшедшая», — признается Василиса.

Маму ее мнение касательно моего психического состояния расстроило, а я миролюбиво промолчала. Можно, конечно, было сказать, что обычно психические болезни передаются по наследству, и в таком случае, скорее всего, у Василисы с головой тоже не все в порядке, особенно учитывая, как она назвала своего сына, но едва ли мне по силам произнести такую длинную речь. И я молчу.

Хотя я начинаю опасаться, что из-за моего постоянного молчания мне могут приписать в диагноз еще что-нибудь, например аутизм.

Непонятно, какой день недели, непонятное время суток. Я стою у окошка с белой решеткой и плачу. На этот раз я плачу из-за того, что вдруг понимаю, что Рената находится здесь уже в общей сумме пять лет с недолгими переменными выписками, а бабушка из нашей палаты, которой я помогаю обедать, вообще уже восемь лет и такими темпами я вполне могу провести у этого окна всю жизнь.

Ко мне подходит медсестра. Эта медсестра хорошая, она не относится ни к одной из трех групп медсестер, которые я про себя составила.

Первая группа — медсестры, которым все равно.

Вторая группа — медсестры, которые верят в Бога и изо всех сил стараются спасти наши сумасшедшие души. Поэтому они заставляют нас молиться перед едой, радуются, когда раз в неделю в отделение приходит батюшка, и ставят за нас свечки в церкви.

Третья группа — злые медсестры. Они отбирают сигареты и еду, которую нам приносят родственники, кричат на нас и никогда не приходят, когда их зовешь.

Медсестра, которая подходит ко мне, добрая. Именно она отвела меня в отделение, когда я осенью приехала сюда на «скорой».

— Ты хочешь выйти отсюда? — говорит она.

Я долго молчу, потом киваю.

— Пока ты не перестанешь плакать, тебя не выпишут, — говорит медсестра.

Она добрая, но я понимаю, что не могу вспомнить, как ее зовут. Здесь никого не интересуют такие мелочи, как имена. Мой врач мне так и не представился, хотя, если вдуматься, мы провели с ним уже столько времени, что стали как минимум близкими знакомыми.

— Ты должна показать, что тебе лучше, — говорит медсестра. — Это самое важное.

— Но мне не стало лучше, — возражаю я.

Медсестра молчит и смотрит в окно. Она тоже понимает, что лучше здесь не стало еще никому. И вряд ли когда-нибудь станет.

— Что мне делать? — расстроенно спрашиваю я.

— Сделай вид, что ты поправляешься, — советует она, а потом идет к Ренате, которая что-то громко кричит в палате.

Я несколько дней обдумываю ее слова и решаю, что другого выхода у меня все равно нет. И тогда я берусь за дело.

Для начала я вызываюсь мыть в отделении полы. Я рассказываю, что раньше я работала уборщицей и очень люблю мыть полы. Мой рассказ занимает минут десять и отбирает у меня много сил, но в итоге мыть пол под присмотром медсестры мне все-таки разрешают.

Я мою полы, иногда я падаю, но в целом выходит неплохо, и медсестры остаются довольны. Еще я пытаюсь делать по утрам зарядку, эта идея очень нравится Ренате.

— Так можно сохранить фигуру! — радуется Рената.

Правда, из этого ничего не выходит, по крайней мере, у меня. Мытье полов забирает все мои силы, и на физкультуру их просто не остается.

Теперь я хожу в большой зал смотреть телевизор. Но все-таки я решаю, что всего этого недостаточно для того, чтобы выздороветь, и тогда я прошу маму принести мне тетрадь.

Тетрадь я превращаю в дневник. Поучается у меня не сразу, буквы расплываются, и почерк стал совсем уж неровным. Иногда я пишу печатными буквами, потому что мне очень важно, чтобы до врача дошла информация, содержащаяся в моем дневнике. Каждый день, когда ко мне приходит врач, я даю ему на прочтение мой дневник. Он читает и помечает что-то в своем блокноте. Врач говорит мне, что я молодец.

В дневнике я изо дня в день пишу о том, как сильно я раскаиваюсь в своем самоубийстве. А еще о том, чем я хочу заняться, когда выйду из больницы. Я очень хитра и изо всех сил маскируюсь.

Я пишу, что на самом деле я хотела умереть понарошку. Чтобы напугать Ваню. Я очень стараюсь быть искренней и дружелюбной.

Через полтора месяца меня выписывают.

Вязание

«Когда ты выйдешь, ты захочешь сюда вернуться», — сказал мне доктор.

Я тогда, как обычно, миролюбиво промолчала. Вполне может быть, что сумасшествие заразно и, если долго работать в больнице, можно и самому заболеть. Казалось, что все легко и просто. День выписки приближается, и я считаю в столбик сначала часы, а потом и минуты до прихода мамы. Она должна принести с собой теплую одежду, уже давно началась зима. Я думаю о том, на сколько выросла кошка. Я чувствую себя почти счастливой и не концентрируюсь на том, что я всех обманула.

Дом. Комната кажется совсем чужой, я открыла на ночь окно, и теперь во время дыхания я вижу пар. Я просыпаюсь очень рано, мама еще не встала, и первое время мне кажется, что я в палате.

Так будет казаться еще очень долго, и будет страшно по утрам. Так остается до сих пор. Главное — свыкнуться и научиться терпеливо пережидать эти несколько утренних секунд: где бы ты ни был, ты думаешь — ты в больнице.

А потом я встаю, и путь из комнаты до туалета занимает очень много времени. Я держусь за стену и иду. У меня кружится голова, и мне кажется, что я не могу управлять своим телом.

Потом — в ванную. Когда я заканчиваю приводить себя в порядок, мама уже встает. Она спит чутко и все время боится, что я снова исчезну из нашего микромира. Я смотрю в зеркало и вижу кого-то совсем мне незнакомого.

Кухня. Мы завтракаем. Я сижу за столом и стараюсь самостоятельно управлять чайной ложкой. У меня получается плохо, когда я сжимаю пальцами ложку, я перестаю чувствовать свои пальцы, и отправлять кашу в рот оказывается для меня не таким уж простым процессом, как кажется на первый взгляд. Время идет очень медленно. Я ем с трудом, мне кажется, что еда сделана из песка, пластмассы, химических красок. Чего-то несъедобного, такого, что желудочный сок едва ли сможет это все растворить.

Идет время. Я курю за кухонным столом. Сначала мне нравилось, что я могу курить много сигарет подряд и никто не будет мне запрещать это делать. Потом мысль приелась, и все снова потеряло смысл.

Я плачу и думаю, что во мне осталось очень мало смысла. Идет время.

Я принимаю горсть таблеток — это обязательное условие моей выписки, испытательный срок.

После завтрака я сплю.

Потом мама пытается уговорить меня выйти на улицу, но я отказываюсь. Мне страшно выходить за пределы квартиры.

Три основных занятия в моей жизни сформировались очень давно, и даже после больницы они остались неизменны. Учеба, сначала в школе, потом в экстернате, потом в университете. Работа. Вязание.

Вязание появилось раньше остальных моих занятий. Иногда мне кажется, что я начала вязать раньше, чем говорить и ходить.

В вязании есть смысл. Прямая ненужная нитка превращается в полотно, обретает формы теплой нужной вещи. Мне нравятся узоры. Мне нравится движение, которое происходит во время протаскивания нитки в петлю.

Теперь я вяжу постоянно и гораздо медленнее, чем раньше. Пальцы плохо слушаются, координация движений такая же плохая, как и фокусировка.

Мне становится страшно.

Я не могу найти в себе смысл. Мне начинает казаться, что во мне совсем нет смысла.

Местная

Парк совсем зарос. Дорожки в нем вечно грязные, независимо от погоды и времени года, потому что под землей бьют холодные ключи. Мои кеды утопают в этой жиже почти по щиколотку, но я иду быстро.

Я держу в руках повод и веду лошадь вперед. Ей не очень нравится идти, с большей охотой она пожевала

бы оставленный нами позади куст. Но я настаиваю, и мы идем.

На лошади сидит молодая девушка в солнцезащитной кепке. Ее друг уехал вперед, он гораздо лучше, чем девушка, справляется с управлением.

— А вы местная?

Девушка хочет завязать разговор, она уже оставила все попытки самостоятельно ехать на лошади.

Она не знает, что я не разговорчива, и ждет ответа.

— Что-что? — наконец говорю я.

— Ну, вы где-то здесь живете, в селе?

Я отрицательно качаю головой.

Мы с лошадью проходим по дорожке вдоль большого заросшего тиной пруда.

— Ее зовут Панда, — говорю я, чтобы не производить на девушку впечатление сельской девочки, страдающей аутизмом.

— Кого? — пугается девушка и перестает поправлять кепку на голове.

— Лошадку, — поясняю я.

Я не знаю, что ей еще сказать.

Сквозь густую листву проходят тонкие лучики солнца.

Случайность

Я стою на деревенской остановке и жду автобус в город. Стою я уже давно и начинаю подозревать, что день сегодня настолько неудачлив, что вполне может статься расписание поменялось и следующий автобус может приехать через час.

Я приехала к папе, а его не оказалось дома. Таким образом, за один день я впустую проездила сто километров, если посчитать дорогу обратно в центр города.

Из парка напротив остановки показывается сначала силуэт лошади с сидящей на ней темной фигурой, а потом, когда лошадь выходит на дорогу, я вижу девочку. Это Маша. Так мы и знакомимся: я спрашиваю у Маши, известно ли ей что-нибудь об изменениях в расписании автобусов.

Маше ничего не известно о расписании автобусов. Маша приветливо предлагает мне покататься на лошадке. Я поясняю, что у меня нет денег.

С тех пор как я вышла из больницы, из трех моих основных занятий (учеба, работа, вязание) я продолжаю активно посвящать время только вязанию, я взяла академический отпуск в университете и не нашла работу, поэтому денег у меня нет. Я все еще думаю, что во мне нет смысла.

Маше не хочется так просто меня отпускать.

— Хозяина нет, — уговаривает она. — Давай кружок бесплатно.

Я думаю над ее предложением и прихожу к выводу, что если уж во мне нет никакого смысла и если я зря проездила сто километров (считая дорогу обратно в город), то можно и воспользоваться щедрым Машиным предложением.

Маша спрыгивает с лошадиной спины, и мы входим по тропинке в парк. Конюшня расположена внутри заброшенного здания.

Это здание было сначала дворцом и принадлежало Петру III, потом оно стало военной базой во время Великой Отечественной войны. Когда здание было базой, там даже провели электричество. Потом война кончилась, этажи обвалились, и остались одни каменные стены. В тот временной период в здании жили бомжи.

А потом здание вместе с парком перешло в собственность рыбхоза и превратилось в склад. А потом там образовалась маленькая конюшня.

Маша помогает мне залезть на свободную лошадь по имени Пандора, а сама снова запрыгивает на свою лошадку. На конюшне живут еще несколько лошадей, но они сейчас на выезде — катают других клиентов.

— Главное — держись ногами и э... управляй как-нибудь ею, — инструктирует меня Маша. — За мной давай езжай, — наставляет она, и ее лошадь снова выходит на тропинку парка.

Сначала мне страшно, и мое лицо выражает глубокое страдание. Я качаюсь в седле из стороны в сторону, и я так до конца и не поняла, как именно и за что нужно держаться ногами. Пандора целенаправленно идет за исчезающей за поворотом Машей, на ходу срывая ртом листья с веток, расположенных на уровне ее головы.

Пандора похожа на жирафа, только шея чуть короче и расцветка у нее однотонная.

— Знаешь, у нас нет постоянного конюха, — доверительно сообщает мне Маша.

У Маши совсем нет друзей, но об этом я узнаю много позже, когда остаюсь на конюшне.

Я киваю.

— Двести рублей в день, — многозначительно добавляет она.

Для Ленобласти это хорошая зарплата.

Капитан Улитка

Мы едем по лесной тропе. Я веду большую группу — пять человек. Таким образом, в нашем выезде заняты все лошади, моя Панда и пять под клиентами. Я еду сзади группы, это мое новаторство — мне кажется, что так значительно удобнее уследить сразу за всеми лошадьми и сидящими на них людьми.

Моя группа — трое молодых людей и две девушки-близняшки. Молодые люди просят меня проехаться быстрее, девушки хором возражают. Я делаю вывод о том, что чаще всего они не приходят в восторг от прогулок на лошадях и, возможно, соглашаются на это в основном из вежливости к своим ухажерам.

Когда просьба проехаться быстрее звучит в третий раз, я соглашаюсь и выезжаю вперед. Перед нами небольшое ровное поле, ям нет, этот маршрут одобрен хозяином конюшни.

— Галоп! — кричу я.

Мы с Пандорой едем очень быстро, так что, когда я смотрю вбок и вниз, стебли травы смазываются перед глазами и образуют золотисто-зеленое пятно.

Когда мы пересекаем поле и въезжаем по тропе обратно в лес, я командую «Шагом», и лошадки идут медленно.

Сзади меня раздаются громкие звуки, отдаленно напоминающие человеческий смех. Это похоже на хихиканье Бивиса и Батхеда из мультика канала MTV.

Молодые люди в восторге. Это был их дружный смех.

— Я ехал на турбоскорости! Да! — радуется парень, сидящий верхом на рыжей тяжеловозке Марте.

— Ты крут! — поддакивают ему друзья.

Снова смех.

Мы проезжаем мимо высоких сосен с зарослями иван-чая у их корней.

— А моя Ира, — парень указывает на одну из близняшек, плетущуюся в конце нашей процессии, — она Капитан Улитка, ха-ха-ха!

Он ликует.

Я вежливо улыбаюсь.

Когда мы возвращаемся на конюшню, я первая спрыгиваю с Пандоры, отдаю повод Маше и бегу к своей группе, чтобы помочь близняшкам слезть с лошадей.

— Спасибо вам! — искренне благодарит парень, который ехал на турбоскорости.

Я прошу его подбросить меня до города.

— Мы на автобусе приехали, — огорчается он.

— Вы же говорили, у вас есть машина.

Я преисполнена наихудших подозрений. В десять вечера автобусы уже не ходят.

На экране мобильника горят зеленые циферки «9-55».

— На вашем сайте было написано, что идет «650» маршрутка. От станции метро «Ветеранов». Про то, как ехать на машине, ничего не сказано! — поясняет парень.

— Мы думали, на машине здесь не проехать, — оправдывается Капитан Улитка Ира.

Я терпеливо киваю и смотрю, как Маша волочит по земле сено на ужин лошадям.

— Позвони хозяину, он подвезет.

Пандора по-дружески кусает меня за рукав свитера.

Корова

Хозяину лошадей за пятьдесят. У него седые волосы и светло-голубые глаза. Он думает, что его никто не понимает, и постоянно об этом говорит. Когда я однажды поделилась с ним своей теорией касательно тем-

ноты, он согласился со мной. Оказывается, он всегда тоже об этом думал. И не мог объяснить другим людям так, чтобы они тоже это поняли и признали.

Я подозреваю, что сумасшествие — это не болезнь, а просто такая ситуация, когда ты что-то понимаешь, а объяснить другим не можешь. По крайней мере, объяснить так, чтобы они это поняли.

Я сижу верхом на полене и ем доширак. Шумно, привезли ребенка с ДЦП, и весь конюшенный персонал участвует в процессе знакомства ребенка и лошади. Маша тоже где-то бегает. Я ем.

Ко мне подходит хозяин, Петр Иванович.

— Привет.

— Здравствуйте.

Он закуривает и внимательно смотрит на то, как я наматываю лапшу на пластиковую вилку и отправляю ее в рот.

— Я давно хотел спросить, у тебя что-то болит? — начинает он.

— Нет, — говорю я.

Мы какое-то время молчим.

— Почему? — наконец говорю я, чтобы что-то сказать и не казаться невежливой по отношению к начальству.

— Ну, у тебя такое лицо. Как будто больно.

На самом деле я терпеть не могу такие разговоры. Даже мама уже оставила попытки выяснить, что у меня на уме. Мне нравится молчать.

— Дело в том... — неожиданно начинаю я и пугаюсь своей неожиданной честности. — Я... просто во мне нет смысла, — заканчиваю я и поворачиваюсь лицом к Петру Ивановичу.

— Какого смысла?

— В том и суть... никакого.

Главное теперь не испортить все окончательно и не заплакать. Я отдаю остатки лапши подбежавшей собаке и ругаю себя за откровенность.

Петр Иванович смотрит на меня так, как будто он нашел на дороге кошелек, набитый деньгами. А потом предлагает поехать с ним в лес после рабочего дня.

И когда мы скачем галопом через поле, за нами увязывается корова. Она тоже изо всех сил старается набрать нужную скорость, но галоп у лошади тридцать километров в час, а у коровы гораздо меньше. Вымя у коровы болтается из стороны в сторону, она наклонила голову и выставила вперед свои рога, а сзади что-то недовольно кричит пожилой пастух.

Жетоны метро

Мы с Петром Ивановичем встречаемся на входе в метро. Вокруг все черно-оранжевое, город, и уже почти ночь. Я жду, когда он пойдет с работы. Мы встретимся, поедем в метро до конечной, там он пересядет в машину и уедет в свое село. А я поеду обратно в центр. Так случается почти каждый день.

Не то чтобы мне очень нравилось ездить туда-сюда в метро. Там душно, и у меня вечно болит голова. Каждый раз я боюсь не успеть до закрытия и остаться ночевать под землей. С осени я вернулась в университет и, чтобы сдать пропущенные экзамены, мне пришлось научиться переписывать конспекты, сидя в вагоне. С делами снова все хорошо, их много.

Но другого способа увидеться с Петром Ивановичем у нас нет. Он обещал придумать что-нибудь еще летом, но пока ничего не изменилось, значит, так и не придумал. Дома у него жена, которая звонит ему примерно раз в два часа, почти так же часто, как мне — мама, и в основном именно поэтому нам приходится прятаться.

В метро мы входим, взявшись за руки. Мне не везет с ростом и с размером груди. Иногда мне кажется, что в пятнадцать лет я перестала расти.

— Посмотри, как все смотрят. Думают, ты извращенка, — шипит он.

У него опять плохое настроение.

— Да нет, они думают, я дедушку везу. В поликлинику, — отвечаю я.

В последнее время я стала больше разговаривать и меньше думать о темноте или отсутствие смысла.

Петр Иванович покупает горсть жетонов и протягивает их мне. Я на-

чинаю думать, что он боится дня, когда я однажды могу не приехать.

На эскалаторе мы целуемся.

В вагоне я достаю из сумки гелевую ручку и рисую улыбающуюся рожицу на подушечке его указательного пальца.

— Что, нашла свою вторую половину? — хмыкает Петр Иванович.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Зачем — я же целая.

Еще одна кошка

Третья кошка в нашей с мамой квартире появляется после моего ухода с конюшни. Я уношу оттуда слепого котенка. Котенок слепой абсолютно — у него нет глаз. Просто дырки-глазницы, а самих глаз нет.

Петр Иванович не хочет отдавать мне котенка. Он жадничает и говорит, что раз котенок был обнаружен на конюшне, он принадлежит ему. Потому что конюшня тоже принадлежит ему.

Котенка я забираю все равно. Его тут никто не кормит, и лошади запросто могут нечаянно на него наступить.

Петру Ивановичу так жаль отдавать котенка, что он с обидой говорит мне: «Ты сломала мне жизнь».

Я не очень ему верю.

Он пытается донести до меня его взгляд на положение вещей.

— Ты меня использовала.

Я не согласна с этим утверждением.

— Нет, использовала. Теперь тебе лучше, и ты меня бросаешь.

Я вспоминаю, как жена Петра Ивановича подарила мне носки. Это случилось в самом начале осени. Она приехала на конюшню. До того дня мы несколько раз разговаривали по телефону, и Петр Иванович как-то давно еще сказал ей, что я так же, как и она, люблю вязать.

И тогда она связала мне носки. Чтобы не мерзли ноги в резиновых сапогах.

Я думаю о том, что все снова сходится на вязании — это так просто: ошибиться и пропустить одну петлю. И тогда цепочки сбиваются, узора не выходит. Ошибаться всегда очень легко. Чтобы исправить ошибку, как правило, нужно распускать вязание до самого первого столбика.

— До свидания, — говорю я.

Петр Иванович молчит.

Котенок мяукает.

Автобус снова приходит не по расписанию.

Я больше не буду вязать

В свой двадцатый день рождения я еду в психиатрическую больницу. Мне не нужно больше приходить туда, чтобы встретиться с моим врачом. С момента выписки прошел почти год. Ухудшений нет, и, наверное, мое выздоровление можно назвать полным.

В больнице я посетитель. Я пришла к Ренате. Ренату никогда никто, кроме меня, не навещает. Я отдаю Ренатины сигареты дежурной медсестре, а еще я даю ей сто рублей, чтобы она давала сигареты Ренате.

Сама я теперь курю гораздо реже. Совсем бросать я не хочу, иногда меня все еще развлекает мысль о том, что я могу курить именно тогда, когда я этого хочу.

Еще я по-прежнему просыпаюсь с мыслью о том, что я все еще в больнице. На самом деле приходить сюда мне нелегко. Но ведь кто-то должен посмотреть Ренатины фотографии в альбоме.

— Меня тоже когда-нибудь выпишут, — радостно говорит Рената.

Я не очень верю в это. По крайней мере, ей нужно перестать коллекционировать фантики, но я пока не придумала, как мне ей это объяснить.

— Скучаешь? — хмыкает дежурная медсестра.

Она помнит меня.

Я отрицательно качаю головой. Я могла бы объяснить ей, хотя бы попробовать, но даже теперь мне иногда больше нравится молчать.

Дело в том, что из больницы нельзя по-настоящему выйти. Если ты попадаешь туда, то так или иначе остаешься там навсегда. Выйдешь оттуда ты уже другим. И какая-то часть больницы будет жить в тебе ровно столько, сколько ты сам уже проживешь.

Нет, я не скучаю по больнице, но иногда мне действительно хочется снова там оказаться. Потому что там у тебя появляется ясность, а вместе с ней и смысл — выйти оттуда. Ты становишься цельным и выходишь. А оказавшись в реальном мире, найти смысл гораздо сложнее. Приходится время от времени вешать себе под нос морковку и идти за ней.

Я пока не разобралась еще со смыслом жизни и так и не поняла, зачем я выбросила в открытый люк свою лопатку. Но смысл в себе я все-таки нашла, и все оказалось проще, чем могло показаться на первый взгляд.

У входа в больницу меня ждет Ваня, и мы идем на автобусную остановку. Дома нас ждут коты, мама и два Васи. У нас будет традиционное застолье с салатом и небольшим, но вкусным тортом. Папа не приедет, но я думаю, что мне вполне по силам позвонить ему и спросить, как у него идут дела. Завтра.

— Давай зайдем в магазин и купим тебе ниток, — предлагает Ваня.

Теперь у меня не возникает проблем с сексом, и, наверное, у нас все хорошо. Ваня закончил университет, но работать в милиции он не стал. Я считаю, что это к лучшему. Спим мы в темноте, но в коридоре горит свет, он виден сквозь щель между дверью и полом, и это является для нас компромиссом.

— Тань! Так что насчет ниток? — напоминает Ваня.

Я улыбаюсь.

— Не надо. Я больше не буду вязать.

И М Е Н А

Денис Осокин
Фото В.Воробьева

СЕРГЕЙ АНАШКИН

Бывальщины/Небывальщины

1.

Я никогда не встречался с Денисом Осокиным. По фотографиям знаю, что он коренаст. Шар головы щетинится рыжим ежиком. Говорят, что бывает язвителен. Для репортеров — закрыт. Потому что застенчив.

Вчитаешься в тексты осокинских книг, сложишь, как паззл, собирательный образ автора. Провинциальный гуманитарий. Писатель-примитивист. Так себя называет сам. <Среднего роста, круглый>. Вечерами — в синей ночнушке (ночная рубаха длинная!) — сидит, сунув ноги в таз, заполненный шишками. Пьет настои из диких трав. Закусывает капустой, квашеной и морской. Ягодой-клюквой. Речной и морской рыбой. Знает наречия финно-угорских народов и польский язык. Похоже, бывал в Румынии, а может, и в Латвию ездил. Если войдет в раж, горланит сербские песни. Пускается в пляс под винтажное финское танго < «первая половина нашего сердца — финская. вторая — балканская целиком» >. По-ребячески влюбчив, до женской ласки охоч. Случаются мимолетные связи. Поэтически сентиментален, полюбовниц — в приступе нежности — любит таскать на плечах. Дважды вступал в брак. Развелся (однажды). Отец малолетней отличницы. Ощущаешь — в череде букв — неотступное присутствие этого человека. Он говорит от первого лица: или «я» или «мы». Читатель — спутник и конфидент, товарищ и соучастник повествователя.

Из официального резюме можно узнать, что писатель Осокин проживает в Казани. Что ему исполнилось тридцать три. Изучал психологию в Варшавском университете. Диплом филолога получил в КГУ. Публиковаться в толстых журналах стал на рубеже нулевых. Лауреат литературных премий «Дебют» и «Звездный билет» (присуждается на «Аксенов-фесте»). Снимает передачи о традиционной культуре народов Поволжья для телекомпании «Татарстан — Новый Век». Сочиняет сценарии, документальные и игровые. Известность — за пределами четко очерченных *литературных* кругов — принес Денису Осокину фильм «Овсянки», экранизация одноименной повести. Сценарий для Алексея Федорченко писал сам.

2.

Тексты Дениса Осокина опознаются с первого взгляда. Еще до того, как прочтешь первую фразу. У них особенный визуальный строй, особая графика. Неширокая полоса букв — точно по центру — разбивает страницу. Течение вербального потока окаймляют пустые поля, необработанное пространство — простор для читательских маргиналий. Целое собрано из автономных сегментов, дробится на островки самостоятельных миниатюр. Пунктир, а не сплошная линия. Автор обходится без прописных литер. На знаки препина-

ния скуп. Тексты свои разбавляет картинками (Word позволяет выклеивать подобные коллажи). Смело стыкует родную речь с иноязычными фразами. Русский литературный текст у Осокина часто становится двуязыким, настойчиво тяготеет к билингве. Параллелизм — в духе академических публикаций фольклора. Польский, румынский, латышский записан кириллицей. Всякий может прочесть привычные начертания, но не всякий поймет, что за смыслы таит в себе череда букв. Секвенция незнаемых слов — при переносе в русское языковое поле — обретает признаки поэтической зауми. «Чужая, непонятная речь — если вслушаться в эти странные звуки — воспринимается как поэзия, как эхо природных стихий», — заметил по поводу Осокина режиссер Алексей Федорченко, знаток и ценитель его книг.

Свои завершенные тексты — без оглядки на их объем — автор привык называть книгами. Он снабжает их фиктивной библиографией: издательство, место публикации, дата. Если верить выходным данным, большая часть этих брошюр появлялась в разных точках приволжской России. На протяжении всей советской эпохи. С начала 20-х — по конец 70-х годов. Немало изданий числятся переводными: с языков народов союзных республик и *братских* соцстран. Автор примеряет литературные маски, множит число гетеронимов. *Книги* его сочиняют красные бойцы 2-й дивизии Азина, гражданин Германии Еужен Львовский, Аист Сергеев и Валентин Кислицын (современники и земляки). Возможно, Осокина вдохновляет пример португальского классика Фернандо Пессоа, который творил от имени нескольких двойников (господ, весьма несходных друг с другом). У каждого из *воображаемых* литераторов имеется собственный послужной список, своя приватная история. Но из-под всех потешных личин настойчиво проступает авторский образ. Лицо самого Дениса Осокина.

Куски чистой прозы свободно чередуются с рифмованными и ритмизированными фрагментами. В ранних книгах Осокина их совокупный вес был сопоставим. С годами одни сочинения стали все отчетливей тяготеть к, собственно, прозаическим, другие же — к стихотворным. Проза при этом сберегала исходную поэтичность, стихотворные секвенции — фабульный пунктир. Из мозаики миниатюр автор складывает циклы коротких новелл или *большую форму* — то, что принято называть рассказами и повестями.

Для записи всех разновидностей текста Денис Осокин продолжает использовать свой стандартный ужатый столбец. Способ записи помогает держать упругость повествовательной формы, ее темпоритм. Задает особую интонацию чтения. Функциональность *трюка* станет наглядной, если выловить из сети книги Осокина, набранные по старинке, в строку (для экономии места, видать). В такой нотации трудней угадать мелодику авторской речи.

Столбец считается прерогативой верлибра. Но форма эта весьма благодатна и для других писательских затей. Она помогает стирать различия между литературными родами. Наглядно демонстрирует проницаемость границ между прозой и поэзией (обыденным и сновидческим).

3.

Форма осокинских текстов воспроизводит нерасчлененность сознания человека, мыслящего мифопоэтическими категориями. Работает на фабульные задачи. На сближение «природы» с «культурой». На стык бытового и потаенного. Огородные пугала в книгах Осокина водят дружбу с медведками, зеркала же предпочитают рыб.

Автор не просто стилизует отдельные сочинения под аутентичный фольклор. Переклички с изустными жанрами нужно искать в поэтике его книг. Осокин пытается следовать логике архаической мысли, воссоздает — в череде столбцов — языческую структуру мироустройства.

Тексты Дениса Осокина можно разделить на три группы. *Фантасмагории* и *гротески* — городские, по большей части, экстраваганцы с участием пре-

странных существ. *Бывальщины* и *легенды* — рассказы о деревенских диковинах, о проделках реликтовых духов. *Исповеди* и *заклинания* — дневниковая проза, кардиограммы растревоженных чувств. Думаю, эту триаду стоит соотнести с трехчленным устройством явленной нам вселенной, характерным для большинства традиционных культур. Нижнему миру подобны вотчины урбанистической нечисти. Среднему — обиталища сельских божков. В верхний — мир благодати — попадают те, кто влюблен.

«Шошо», режиссер Алексей Федорченко, автор сценария Денис Осокин

Между *посю-* и *потусторонним* нет непроходимых границ. < «не ревнивы и ласково-равнодушны друг к другу смерть и жизнь» >. Обиходной реальности вторит инореальность, с миром живых соседствует антимир. Осокин обозначает их цифрами: единица и двойка. Эти слои реальности сообщаются между собою. Человек, по стечению обстоятельств, может стать странником и даже невозвращенцем. < *«единица и двойка — два общежития соединенные жилой перемычкой. мы открываем комнаты»* >. Связь между ними осуществляют посредники-медиаторы: волшебные существа и магические предметы.

Среди них есть и доброжелательные, и вредоносные персонажи. Городская нечисть, по преимуществу, — самки. < *«перемещающиеся мобильно из единицы в двойку — из мира в антимир — и наоборот»* >. Суккубы, манекены, библиотекари (ведьмы, что чахнут над пылью книг). А также горничные — домовые отелей. < *«горничные пусты внутри как резиновые грелки»* >. Отличаются беззастенчивой похотью. Имеют хтоническую природу. Связаны с реками, с сырой землей — с атрибутами *под*земелья и *за*могилья. Для магических манипуляций используют оптические предметы — фотоаппараты и зеркала. Куда благожелательней по отношению к человеку настроены огородные пугала. По преимуществу — парни. Женолюбы-озорники. У них тоже имеется связь с землей: тесно общаются с насекомыми и червячками — палки-остовы воткнуты в грунт. Но пугала добродушнее манекенов. Почва — не только среда для упокоения трупов, она — средоточие плодоносных энергий, созидательных сил. Пугала — забавные идолы плодородия (которые не сознают своей сакральной природы). Встречаются в книгах Осокина и благородные сущности, чис-

тые духи. Скаты — посланцы океанов воображения, анемоны — эманации нежности. < *«анемоны — это не цветы. анемоны — это поцелуи в спину. ну или в ключицу»* >. Подобно суккубам и библиотекарям скаты и анемоны соотносятся с H_2O. Только не с мертвой водой, а с токами эротической влаги. Вредоносные существа заряжены похотью, благие — любовью.

Телесность в осокинских книгах не табуирована. Слияние тел не требует оправданий. Автор без стеснения говорит о разнополом интиме — про набухание плоти, про нескромные ласки, про постельные игры любовников. Са-

«Одя», режиссер Эдгар Бартенев, автор сценария Денис Осокин

мореализация в сексе — выплеск исконных инстинктов, торжество естества. Напрашиваются параллели с фольклорными текстами: с мифологическими и заветными рассказами. Описания эротических сцен в них простодушны и откровенны. Между срамным и приличным непроходимых границ нет, естественное — не безобразно.

Своеобразным фетишем становится для повествователя потаенная поросль — в укромных местах женских тел. < *«что такое волосы как не грубая эротика заставляющая пунцоветь?»* > Одно из латышских пугал упрашивает крестьянку сделать интимную стрижку: оставить лишь вертикальную ниточку пуха, другое — обижается и негодует, когда юная поселянка решает выбрить подмышки. В «Овсянках» мужчины народности меря вплетают разноцветные нити в лобковые волосы дорогой им покойницы.

Осокин любит перечислять названия трав, писать о дарах приволжской природы — про клюкву, целебные сборы, настои из дикоросов. Про *запах жизни* — аромат растений. В русских обрядовых песнях шелкОвая трава нередко уподоблялась девичьим волосам. А само женское тело — речному потоку. Глаза — это белы камушки, слезы — речная вода, ключевая вода — кровь, плоть — бела рыбица. Любовные акты в книгах Осокина частенько случаются у реки. Во́ды — прибежище рыб, реинкарнаций умерших, текучее *ино*пространство. Берег — черта перехода, линия стыка различных реальностей. Мерянские мужики — герои «Овсянок» — входят в своих жен, будто ныряют

в реки. Соитие заменяет собой языческий ритуал. < *«Для удачной сексуальной жизни совершенно необходимо практиковать контакты на земле: на холмах — в лугах — на песке — на осенних листьях — где угодно» /»земля всегда женщина. неважно какого рода имя ее в языке. и есть ли вообще в языке категория рода»* >. Мать-земля — в аутентичном фольклоре — еще одна ипостась женского естества. Метафора детородного лона, средоточие тайных, магических сил.

4.

Денис Осокин — из тех современных писателей, чей образ мысли свободен от атавизмов имперской ментальности. В *книгах* его не сыскать *мегаломанских* идей: тоски по великой *державе*, рассуждений о мессианском предназначении нашей *отчизны* — окрашенных пафосом, ностальгией или ехидной иронией.

В текстах, конечно же, поминаются столичные города — Питер, Москва и заграничные мегаполисы. Но место им — на периферии сюжета. Реперная точка, центр обжитого мира — Казань. По соседству — земли большого Поволжья: Нижний, Вятка, Уржум, Нея. К северу — поселения коми, кочевья ненцев, Югра. На западе — Балтия, Чехия, Польша. Южнее — *«смертельные уголки Балкан»,* Карпаты и Придунавье. Такая *не*Западная Европа — логичная рифма к простодушным пространствам российской провинции. Образы европейской периферии, будто мозаика, собраны из кусочков воспоминаний, из впечатлений ребенка 80-х — о завозных диковинах: фильмах, игрушках, книжицах.

Гонор столичного жителя Осокину чужд. Чуждо и самодовольство писателя-краеведа. Широта кругозора — уважение к дальним краям — отличает его сочинения от *почвенной* прозы. Кто-то видит в российской провинции только задворки страны, полосу беспросветной чернухи. Злой *антимир* (см. фильм Сергея Лозницы «Счастье мое»). Для Дениса Осокина эта земля — средоточие *нормальной*, самодостаточной жизни. Поле взаимодействия древних традиций, конгломерат автохтонных культур. Особое, метафорическое пространство. Автор чтит потаенные свойства российской глубинки: неброскую красоту, достоинство — без гордыни, магию — в повседневном быту. Все настойчивей обращается он к этнографическим темам: к обиходу марийцев, коми, татар, к наследию древней народности меря, давно ассимилированной русскими. Отталкиваясь от местного материала — поверий, обрядов, легенд, — он создает поэтический *миф* о глубинной России. *Этно* при этом остается *осокинской* литературой. Рассказы про ритуалы марийских жрецов, про мерянскую похоронную церемонию, про духов коми, лесных и домашних, — тексты современного автора. Не перепев — на письме — корневого фольклора, не протокольная запись аутентичных действ. Оригинальный *конструкт*, а не дотошная *реконструкция*.

В текстах Дениса Осокина легко отыскать следы перекрестных влияний. Фабульные мотивы ранних его книг — двоемирие, зловещие чары искусственных женщин: манекенов, кукол и прочих *дублеров* людей, магическая власть линз и зеркал — перетекли из темника романтической прозы. Из гофмановских фантасмагорий, из сочинений русских неогофманианцев 1920-х годов (на ум приходит проза Александра Чаянова, писателя, одержимого темной *силой* полированного стекла). *Примитивистский* способ письма заставляет вспомнить об опыте ОБЭРИУтов — о минимализме хармсовской прозы, о лубочных эффектах ранних стихов Заболоцкого (лучший сборник которого назывался, кстати, «Столбцы»). Наив — *оптический* инструмент литератора, особый остраняющий фильтр, что снимает автоматизм восприятия. Размывает резкость контраста, сокращая зазор между различными пластами реальности, между стилистическими рядами: заурядным/диковинным, примелькавшимся и экстраординарным.

К середине нулевых писательская манера Осокина претерпела заметные трансформации: мрачноватый гротеск (с элементом потешной мистики) эволюционировал в *полихромный* магический реализм. В новых повествованиях о *чудесах* российской провинции появились переклички с текстами Маркеса, Павича и даже Амоса Татуолы. Автор сберег исходный — мифопоэтический — склад мышления, но картины *сопредельных* реальностей стали объемней и многомернее, образ его тварного мира обрел законченные черты.

Своим самым любимым автором Денис Осокин называет Федерико Гарсиа Лорку. Такое сближение поначалу представляется странным. Обитатели глубинной России мало похожи на андалусийских цыган. Так и тянет списать этот выбор на некие сентиментальные воспоминания (о любовных томлениях, о декламации рифм под луной). Но если отвлечься от поисков внешнего сходства, можно увидеть внутреннее родство. Вероятно, Осокина привлекает в Лорке его поэтический реализм, взгляд на поэзию как на кровоток жизни — сущностную субстанцию повседневности. Позаимствовав из арсенала романтических штампов идею вольной цыганщины, тот радикально переосмыслил ее, создал собственную легенду о *колдовской* натуре испанской глубинки. Цыгане Лорки, хранители экстатических практик, духа duende, исконного *самосознания* древней страны — собратья по вере российских язычников-меря.

Разнородные тексты Осокина, если читать их подряд, рождают ощущение цельности и единства — суверенной и по-своему гармоничной *действительности*. Мир его неразделен с мифом. Этот *мир*, а не частности фабульных построений пытаются уловить и перенести на экран режиссеры-экранизаторы. Задача не из простых. Автор пренебрегает дотошностью в описаниях пейзажей, предметов, фигур и моторики своих персонажей. Книгам Осокина недостает *фотографической* наглядности (если сравнивать их с прозой *бытописателей*). Визионерские образы возникают из негаданных семантических стыков, из пересечений метафор, из столкновений словесных фактур.

5.

Имя Дениса Осокина — сценариста, редактора и режиссера — указано в титрах двух десятков телевизионных программ. С 2003 года он делает «Солнцеворот» — цикл передач о традиционной культуре народов Поволжья. Я натыкался на них случайно в эфире компании ТНВ, смог опознать и посмотреть фрагменты лишь трех-четырех его видеофильмов. Автор — с оператором и звуковиком — отправляется в краткосрочную экспедицию, в один из реликтовых уголков многоязыкого Татарстана. Цель — запечатлеть деревенский праздник или сезонный обряд. В каждой программе представлен живой фольклор какой-то одной этнической группы: удмуртов, чувашей, луговых мари, кряшен, бесермян, каратаев (субэтносы марийцев, татар и мордвы). Есть среди них стандартные телевизионные очерки — с пояснительным нарративом за кадром, с самодеятельными хорами сельских старух, что поют — со сцены совхозного клуба — старательно и горделиво. Есть и эссе, близкие по структуре мозаичной осокинской прозе. Череда визуальных миниатюр: интервью, хроники ритуальных действ, портретные кадры, натюрморты и пейзажи. Реальность — врасплох, цепочка необязательных вроде бы ассоциаций.

В кино впервые попробовал силы в том же 2003 году. По его сценарию был снят короткометражный фильм «Одя». Осокин до сих пор вспоминает об этой работе Эдгара Бартенева как о *любимейшей* адаптации своих сочинений. Сценарий вырос из *кинорассказа* — одного из сегментов книги «Фигуры народа коми». «Одя» — быличка, короткий отчет о встрече человека и демонов. Девочку похитили духи леса. Возвратилась невесть откуда три года спустя. Родители умерли вскоре. Выросла, сохранив странность повадок. Засиделась в девушках, замуж никто не берет. «Фигуры народа коми» — цепочка повест-

вований о магической повседневности старожилов дальней деревни Пожья, что на реке Вашке, притоке Мезени. Состав *книги* воспроизводит структуру этнографического сборника, разножанрового фольклорного свода. Собрания сказок, песен, поверий, примет.

Сценарий, точнее «Сцены к фильму по книге «Фигуры народа коми», раз в десять пространней исходной миниатюры. Записан фирменным осокинским столбцом. Задуман как россыпь микросюжетов, сцен-образов, как горизонтальный срез обихода удорских коми. Фабула нелинейна, повествовательная конструкция приспособлена к вероятным трансформациям. Сегменты достаточно автономны, эпизоды не спаяны намертво. Связь — ассоциативна. Есть шанс поменять их местами, или — при необходимости — расщепить на более мелкие сюжетные единицы. Текст Осокина принципиально *открыт*, предполагает различные варианты интерпретации. Он указывает в ремарке: фильм можно снимать весной, а можно и осенью, только это будут картины, несходные по интонации. Одя здесь не столько *действующее* лицо, сколько персонаж-медиатор. И, кстати, единственный человек, кого автор называет по имени.

Осокин пытается разъяснить постановщику свое понимание материала: в кадре должен отобразиться *зачарованный* мир, проявиться сновидческая реальность. Непонятно — кто из героев спит, кто мертв, кто пьян мертвецки, кто грезит спьяну. <*«сон — брат смерти. спящий человек почти что мертвый — принадлежит антимиру больше чем миру»* >. В ремарках намечены ракурсы съемки, композиция кадра и звуковое сопровождение сцен. Автор то и дело упоминает о субъективной камере <*«показать заведомо не-человеческий взгляд»* >. Взгляд без смотрящего маркирует присутствие мелкой нечисти, домовых и лесных духов. Сонорная палитра включает в себя короткие фразы на удорском наречии, невнятное бормотание, храп, смех, свист, скрип, стук.

«Овсянки», режиссер Алексей Федорченко, автор сценария Денис Осокин

И множество оттенков молчания: безмолвие во время труда, молений, любовных ласк.

Нарезка жанровых сцен < *«дети собирают перья/радость детей от половодья/неожиданное оцепенение — от ветра от осени/дети рассматривают убитого зайца лежащего на столе: глаза животного — глаза детей»* > перемежается с секвенцией натюрмортов. Уликами какого-то ритуала. < *«Ножи — ножницы — иголки большие со сломанными ушками — рыболовные крючки — пешни — шила — гвозди — косы — спицы — вилки — веретена — бритвы — заколки — ободки — броши»* > на дне болотца лежат. Где у жителей Пожьи обряд, а где обиход? Граница размыта. Лодки на Вашке, посещение кладбища в половодье, утопление комьев талого снега в реке — буквы набухают водой, влага сочится из текста. < *«в доме где есть люди неожиданно падает ведро с водой из-под умывальника — видно как разливается вода и выкатывается ведро»* > Порезвился, видать, какой-то из низших духов.

Фильм Эдгара Бартенева компактнее осокинских «Сцен». Режиссер произвел рекомбинацию эпизодов, перегруппировку микросюжетов. «У нас было шесть неполных коробок пленки, эпической картины на этом не снять» (из интервью постановщика). Многое так и не попало в кадр. От монтажной секвенции «птицы», заявленной на бумаге (птицы повсюду: в небе, в кастрюлях, на руках у людей), в фильме остался лишь финальный фрагмент: деревенский магазин — утка на голове продавщицы. Но главное расхождение с первоисточником — отказ от *явных* мотивировок. Смысловые взаимосвязи — в череде образов — зритель должен выискивать сам. Бартенев изъял *затравку* повествования: быличка о похищении девушки лесовиками в фильме не излагается вовсе. След от нее — *странности* Оди: особая, свойская связь героини с удорской тайгой, с деревьями, травами и грибами. «Приблизившись к границе чудесного, мы не хотим ее нарушать никакими объяснениями» (из авторского синопсиса).

«Одя» — одна из самых оригинальных лент нулевых. Не оцененная по достоинству. В фигурах народа коми, в *сценах* зачарованной повседневности, перенесенных Бартеневым на экран, современники не смогли разглядеть прорыва в *ино*реальность. Начало минувшего десятилетия — время экспансии идеологии Doc. Ожидания *просвещенной* публики были связаны с различными изводами нео- и гиперреализма. Магический реализм находился вне рамок этой системы приоритетов, формирующей тренд. Игровая короткометражка (с участием непрофессиональных актеров) создавалась на базе Санкт-Петербургской студии документальных фильмов. Простодушные зрители поспешили зачислить «Одю» в разряд *неформатного* неигрового кино. Фильм — по прихоти случая — попал в чужеродный контекст. И режиссер не спешил разрушать заблуждения[1].

Денис Осокин — сценарист нескольких документальных лент, снятых кинокомпаниями Казани и Екатеринбурга. Для уральской студии «29 февраля» был написан сценарий «Заря-14». Режиссер Влад Воробьев сделал по нему среднеметражный фильм «Ю. Река. Яха»(2006). Автор задумал своеобразное роуд-муви: перемещение по Печоре с посещением населенных пунктов на ее берегах. Из точки отправления ракеты «Заря», города-тезки реки, что в республике Коми, — в точку прибытия, Нарьян-Мар, столицу Ненецкого АО. Осокину прежде не приходилось бывать в тех суровых краях, он не видал упомянутых им селений. Полагался на силу воображения: < *«так и сидел над картами — хоть глотай их»* >. Вывел для постановщика поэтическую формулу Печоры: «вода / ивняк / песок / ельник / небо». Центральным персонажем картины назначил само речное суденышко < *« нашу 'зарю' называть транспортом — грубая очень ошибка. она — абсолютно живое существо (...) культ ее на*

[1] См. Бартенев Эдгар: «Не говорить больше, чем говорит кадр». — «Искусство кино», 2004, № 8.

Печоре — безусловен и очевиден. при этом печорцами не вполне осмысленен. своим фильмом мы (...) ловим и додумываем его проявления» >.

В тексте — эскизные абрисы фабул, каждой деревне — свой микросюжет. Село Усть-лыжа < *«невозможно красивое место. люди бегут на 'заря' — /мчатся верхом и песчаным низом. двухсотлетних/бабушек несут — а некоторые из них летят сами» >*. Село Щельябож < *«раннее утро. жалобные крики. спящая деревня. кто-то/ зовет 'зарю'. галечный хруст. выстрел. силуэт 'зари'. /5 утра. 'заря' отправляется. сонные лица фантастичны» >*.

Режиссер Влад Воробьев рассказывал мне, как был поражен визионерским даром Осокина: многое из того, что *представил себе* сценарист, он смог отыскать в повседневности старожилов Печоры. Фильм воспроизводит *пунктирную* структуру сценария. Но поэзию потеснила добротная публицистика: фокус с магией, растворенной в быту, сместился на социальные неурядицы. Функция ретрансляции смыслов в этом кино отдается обыденной речи. Фонограмма — нарезка коротких синхронов. В финале из череды монологов режиссер монтирует вербальный коллаж: по фразе от каждого говорящего. Собирает мозаику из голосов — совокупный портрет печорского люда.

Денис Осокин взял за правило участвовать в отборе натуры для лент, которые затеваются по его сценариям. Во время съемочного периода — выезжать в экспедиции вместе с творческой группой. Влиять на селекцию материала. По словам Алексея Федорченко, экстерьер для «Овсянок» они находили вместе: «Мы поехали по маршруту, описанному в повести. Я сидел за рулем. Все — как в книге. Не было только мертвой женщины, да клетки с птицами».

Повесть «Овсянки» — дорожный дневник, хроника перемещений на геленвагене из Костромской в Нижегородскую область. Из города Нея — к излучине Оки, в Мещерскую поросль (окрестности Горбатова). Речь, как водится у Осокина, от первого лица. Рассказ ведет некто Аист Сергеев. Провинциальный мечтатель. Одинокий мужчина сорока с чем-то лет, страдающий каким-то *несахарным* диабетом: мочиться приходится, до обидного, часто (тема воды — как без нее!). Работал фотографом на Нейском бумажном комбинате. Вообще-то < *в нее бумкомбината нет. долго собирались строить — да так и не построили* >. «Овсянки» — посмертные записки повествователя. Автомобиль рухнул с моста, ушел в пучину где-то под Кинешмой. Утопленник, отыскав на речном дне отцовскую пишущую машинку, отстучал свои тексты на водорослях и на боках рыб.

Сюжет «Овсянок» основан на авторском допущении: древний финно-угорский народ меря (аборигенное население европейской России) не растворился бесследно среди пришлых славян, а, утратив язык, смог сохранить свое самосознание и архаические культы. Будто до сих пор совершают меряне языческий похоронный обряд: кремацию трупов на берегах священных для них рек. Подобные ритуалы и нынче практикуют приверженцы индуизма. < *«часто жгут по-тихому своих мертвых. и это правильно. кладбища у нас полупусты там лежат в основном приезжие. в загсе потом верят на слово(...) лгать — например укрывая преступление — самый чудовищный проступок: лгун прикрывшийся похоронами мери очень скоро и мучительно умрет» >*. Повествователь — этнический меря. Его соплеменник, директор бумкомбината Мирон Алексеевич, в соответствии с давним обычаем, должен предать огню тело свой супруги Татьяны. Он просит у Аиста помощи в транспортировке трупа, содействия в обсустройстве погребального костра. Герой берет в дорогу клетку с парой овсянок. Эти невзрачные птицы — вестники *перехода*. < *«безусловен магический проводниковый потенциал» >*. Выясняется, что девичья фамилия покойной Татьяны была Овсянкина. Во время движения к месту кремации вдовец, Мирон Алексеевич, говорит со спутником о *срамном*, об интимных играх с любимой. Денис Осокин изобретает для этих бесед специфический термин — *«дым»*. *Дымить* — вспоминать моменты сек-

суальной близости с умершим, еще не прошедшим последнее таинство. Возникает неслучайная перекличка значений: кремировать труп — дымить. Дымит — сжигающий. После церемонии похорон — золу и обгоревшие косточки погружают в воды реки — мерянские мужики ищут плотских утех. Совокупление со случайной партнершей — ритуальное действо, очистительный акт. Соки жизни призваны смыть отметины смерти.

Сценарий в целом воспроизводит композицию повести. Внутренний монолог превратился в закадровый текст. Диалоги скупы, одиночные реплики — редкость. Действие течет линейно, однонаправленно, подобно времени или реке. Вставных фабул немного — вторят основному сюжету: Аист вспоминает кремацию матери, читает стихи отца, который был наивным мерянским поэтом. Речь *повествователя* разбивают инструкции сценариста: протокол внутрикадровых действий, описание внешности персонажей. < *«мирон алексеевич такой же как аист — совершенно незапоминающийся. только постарше»* >. В заглавии каждого эпизода — название поволжского городка. < *мы должны показывать реальную трассу из неи до горбатова — через кадый, кинешму, юрьевец, пучеж, балахну, нижний новгород, богородск — ее живые привлекательные для нас моменты* >. Сцена автомобильной аварии в сценарии не прописана вовсе. О ней сообщает голос рассказчика. < *мы разбились с мироном алексеевичем на обратном пути. овсянки помогли нам в этом. бросились с поцелуями в глаза водителю* >.

В повести, да и в сценарии, Аист Сергеев — герой-созерцатель. Профессия — фотограф — говорит о складе характера. Фиксирует движение событий, но не определяет его. По настоянию продюсера этот образ подвергся коррекции. «История в книге размыта: едут в машине два мужика и мертвая женщина, на заднем сиденье, ничего их не связывает, кроме общей мерянской крови. В фильме отношения между людьми должны быть более внятными», — говорит Игорь Мишин. Была придумана *драматургическая* подпорка — намек на влюбленность Аиста в покойную супругу Мирона. Женщину тоже, видать, тянуло к этому человеку. Но *соединиться* им было не суждено. В кино — по сравнению с повестью — заметно сместились смысловые акценты, логика судеб основных персонажей стала иной. Не нашлось в режиссерском сценарии места для сновидений Аиста — повествователю грезилось путешествие в забавную *ино*реальность: то ли вещие образы, то ли веселый абсурд.

Творческий метод Дениса Осокина можно именовать по-разному — поэтическим, магическим и даже языческим реализмом. В одном из текстов этого автора я натолкнулся на странное слово — сакрореализм (от стыка *сакральное* и *реализм*). Задачу свою определяет просто: запечатлеть < *«реальность — которая есть хоть ее и не видно»* >. Видит чудесное и с повседневностью связей не рвет...

ДЕНИС ОСОКИН:

«Стало быть, убираем любую суету»

БЕСЕДУ ВЕДЕТ СЕРГЕЙ АНАШКИН

Денис Осокин

Сергей Анашкин. Как вы пришли к фирменной форме записи: «ужатый столбец», минимум знаков препинания?

Денис Осокин. Эту манеру письма я себе не придумал вдруг. Она формировалась в процессе моей личной исторической грамматики — на стыке 1990-х и 2000-х. Появившаяся как раз в это время книга «Ангелы и революция: рассказы для города Вологды. Вятка. 1923», за которую мне дали премию «Дебют», с которой примерно начинается моя актуальная литература, была написана еще по школьным правилам. Но я в ней уже вовсю сомневался, испытывал дискомфорт. В журнале «Знамя» в 2002-м «Ангелы» были опубликованы в этом школьном виде. Но когда в 2003-м я готовил тексты для своей большой книги, которую взялось выпустить издательство «НЛО», я привел «Ангелов» в соответствие со своими личными правилами, окончательно сложившимися к этому моменту. Филологи и все, интересующиеся историей русского языка, помнят эти прекрасные термины: падение редуцированных гласных, утрата категории двойственного числа, упрощение глагольных форм прошедшего времени, отмена, наконец, букв ер и ять. Исторически исчезало все, что нецелесообразно. Примерно так же и у меня падали заглавные буквы, исчезали красные строки, выравнивались строчки по ширине, ужималась полоса набора текста, упрощалась пунктуация. Исключительно ради моего желания сделать художественный текст предельно очищенным от суетности, от инерции. Чтобы глаза не дергались вверх-вниз. Чтобы буквы в начале предложений не таращились по вертикали, чтобы не дергали запятые (запятые у меня заменились горизонтальными тире). Чтобы текст

не был изъеденным по бокам. Чтобы было много воздуха — и за счет этого много пристальности к произносимым словам. Чтобы каждый пунктуационный знак ставился, исходя исключительно из необходимости понимания смысла, — я называю это облегченной пунктуацией. Я решил для себя лет в восемнадцать-двадцать, что художественная литература должна стремиться к сакральному крику — к личной песне, к магическому окликиванию, к молитве. Стало быть, убираем любую суету — на всех уровнях. Сначала на смысловых — потом на графическом. С книги «Барышни тополя. Нови-Сад. 1927» (январь 2002) по сегодняшний день я пишу именно так: ужатый столбец (степень ужатости определяется в каждом конкретном случае) — выровненный по ширине — с примерно равномерным заполнением строк словами — без заглавных букв — с облегченной пунктуацией. Очень нехитро. И с того времени вопрос графики для меня закрыт. Я не верю своим глазам, когда кто-то приписывает мне графические эксперименты, новаторство, игру с формой в стародавнем духе начала XX века. Я недоумеваю. Это как сказать, например, спокойно плывущей рыбе: ну ты чего дурачишься, кого хочешь удивить своими плавниками, жабрами, чешуей?

«Овсянки», режиссер Алексей Федорченко, автор сценария Денис Осокин

С.Анашкин. Как вы определяете жанр своих книг? Сборники текстов, неканонические новеллы? А если выбрать метафору — лоскутное одеяло, система зеркальных проекций, литературная инсталляция? И проза ли это? Повествовательная проза ненавязчиво и ненатужно переходит в верлибр, стих, в рифмованную прозу.

Д.Осокин. Свои тексты я называю книгами. Или еще точнее — книжками, книжицами. Сегодня их у меня сорок семь. Лучшая метафора из найденных давно: книги-четки. Их можно перебирать. Каждая косточка-глава, косточка-новелла имеет самостоятельный, красивый и ценный смысл — при этом сами полные четки, конечно же, красивее и ценнее. Литературная инсталляция — нет. Рифмованная проза — такого не было никогда (не понимаю в упор, откуда некоторые читатели это видят). Но согласен с тем, что работаю на пограничье прозы и поэзии. Не слишком разделяю внутренне эти понятия. Моя литература для меня — мастерская по изготовлению нашейных, налобных, наножных, наручных, поясных украшений — закольцованных, округлых. А все украшения, как известно, происходят из охранной магии. Поэтому и не ук-

рашений вовсе — а живых и действенных сакральных предметов. Это по форме — и по результату. С точки зрения же процесса, — это личное художественное исследование интересующих меня энергий и вещей. Точно так же, как в науке. Только методы не научные, а художественные.

О жанрах. Цитирую свое предисловие к «НЛОшной» книге «Барышни тополя», серии «Soft Wave», 2003 года:

в 'барышнях тополя' двадцать самостоятельных книг. главный их смысл — художественное исследование действительности: взять интересующую категорию предметов или их конфигурацию — и к ним отнестись — и выдать результат.

предложенная литература делится надвое — примитивизм и литература для мертвых.

термин примитивизм — не нов для обозначения конкретного направления в искусстве — особенно в живописи. примитивистская эстетика мила и нежна — происходит наполовину из фольклора наполовину из городской грусти. примитивистский текст несколько меньше похож на художественное исследование и может быть действительно лишь отчасти является таковым. прежде всего — это радость. основные образцы литературы примитивизма это книги — 'ангелы и революция', 'верхний услон', 'подзорная труба', 'суккубы', во многом — 'огородные пугала'.

литература для мертвых (иначе — тополиная литература) — прямая попытка прочувствовать механизмы взаимодействия между миром (миром №1 — единицей) и антимиром (миром №2 — двойкой). тополь здесь взялся исключительно из одной субъективной аллегории — когда-то вдруг показалось, что картина полета тополиного пуха в месяце июне являет идеальную модель существования мертвых среди живых. мертвые среди нас точно так как тополиный пух — когда он летит и стелется. мир и антимир пребывают в контакте как воздух летних солнечных улиц (мир №1) и тополиный пух (мир №2). отсюда тополь и все его производные — условно но крепко — связались со смертью: тополь (он же — осокорь) превратился в первый пароль приближающий к двойке. мертвые (дети тополя) — в двойке не главные и не одни — просто их там очень много. в двойке и пограничье кого только нет: наркоматы — пугала — зеркала — библиотекари — балконы... список огромен — и будет продолжен в новых книгах. тополиная литература не ради мистики — ради вдумчивого волшебства.

есть еще детская литература — в чистом виде ее представляет лишь ' история риты — таксы и человека (детям)' — но планов много. детская литература не выделяется в третье направление потому что она — почти механическое соединение литературы для мертвых и примитивизма.

сказанное — условнейшая система координат. как-то надо объяснить отдельные заглавия.

'анемоны' — вне этой системы. 'одя' — сценарий фильма.

С того времени примитивистских книг не прибавилось — наверное, мне достаточно и написанных. Тополиные книги пишутся понемногу. Детские чаще планируются, чем возникают.

Но самое главное, что изменилось, — возникло направление, которое явно стремится к тому, чтобы быть обозначенным как третье. Подходящего названия для него у меня нет. Это книги о реальности-мечте. Заветные этические? Книги, в событийную реальность которых мне необходимо верить! Фантастические, нежные — и я готов воевать за то, что все это правда! Книги такие, как «Ящерицы набитые песком», «Новые ботинки», «Ветлуга», «Овсянки», «Ожидание Ольги», «Скаты», «Огородные пугала с ноября по март»... Кстати, режиссер Федорченко чаще всего интересуется именно этими книжками — и называет свои фильмы по ним «сказками для взрослых» («Новые ботинки» превратились в фильм «Шошо», теперь появились «Овсянки», «Ящерицы набитые песком» мечтаются нами как анимационный фильм). Такими вот были «Анемоны» — еще в той книге, в 2003-м, не нашедшие себе места в системе координат «примитивизм — литература для мертвых».

С.Анашкин. Зачем потребовались библиографические мистификации: указание издательства и года выпуска книг?

Д.Осокин. Все это сведения, имеющие отношение к заглавию. И я поступаю так далеко не всегда. Все зависит от того, что за личность герой-автор. Если нужно добавить энергетики его времени (если оно не совпадает с нынешним), добавить энергетики среде его обитания — я делаю это. Если не нужно — не делаю. Мои книги могут называться:

Сборник пролетарской поэзии. Сарапул. 1924;

Небесные жены луговых мари. Уржум. 1930;

Ребенок и зеркало: истории зеркал города Усть-Сысольска. Сыктывкар. Коми книжное издательство. 1956;

Огородные пугала с ноября по март. Перевод с латышского. Алуксне. 1973;

Половая связь Еужена Львовского с зеркалом. Перевод с немецкого Дениса Осокина. Заснитц. 2005;

но могут и

Библиотекари. Казань. 2002;

Сухая река. Казань. 2004;

Ледянка. Зима 2008.

Отличница. Казань. 2009.

С.Анашкин. Что заставляет вас раздваиваться, подписывать книги разными именами — быть то Денисом Осокиным, то Аистом Сергеевым?

Д.Осокин. Я не раздваиваюсь и не растраиваюсь. Герой-автор в художественном исследовании — главный мой инструмент, главный метод и техника безопасности. Если он ярко выражен, если называет себя по имени и сообщает, что пишет вот эту книгу, — тогда я, конечно же, ставлю его имя в титуле. И так бывает не слишком часто! Из сорока семи написанных мной книг три принадлежат Валентину Кислицыну («Верхний Услон», «Подзорная труба», «Верхний Услон плюс Франция»), одна — Еужену Львовскому («Половая связь Еужена Львовского с зеркалом»), одна — Аисту Сергееву («Овсянки»). Все остальные подписаны Денисом Осокиным. Правда, многие из них отодвинуты во времени — что помогает думать о необходимой разнице между лично мной и героем-автором конкретной книжки.

А то, что я сейчас в электронной почте пользуюсь ящиком Аиста Сергеева, — так это оттого, что в последнее время мне не нравится смотреть на себя в зеркало. Хорошо, если это временно. Плюс чтобы обмануть демонов, пустить по ложному следу. А друзья — они знают, как меня зовут.

С.Анашкин. Ваш первый опыт работы в кино — фильм Эдгара Бартенева «Одя». Был ли написан литературный сценарий («атмосферный», без детализации) или делался поэпизодный план? А может, сценария, как такового, не было вовсе?

Д.Осокин. Отправной точкой, энергетической концепцией был мой рассказ «Одя» — на полторы странички. Когда заявка (заявкой и был этот рассказ) наша прошла, когда мы уже съездили с режиссером на разведку на коми реку Вашку в поисках наших героев — я расписал «Сцены Оди» — текст на 36 страницах — банк всех возможных, желаемых сцен будущего двадцатиминутного фильма. Из этих сцен мы выудили потом с Эдгаром примерно одну двадцатую часть — и сложили в план съемок — уже когда ехали в поезде «Санкт-Петербург — Сыктывкар» со съемочной группой на Удору. Оператор Николай Волков читал полный банк сцен. Главной моей задачей было собрать все известные мне ключи, все пароли к задуманной теме и показать их режиссеру. Ничего не забыть. Эдакий колчан стрел в режиссерское сердце. Пусть теперь выбирает самые острые. Соотносит со своими. И палит в зрителей. Ага. Задача сценариста — посильнее ранить режиссера. Чем больше этих ран, чем сильнее режиссер кровоточит — тем вернее успех. Я и на последовавших картинах работал и работаю так же.

С.Анашкин. В какой степени герой, от имени которого ведется повествование, перенимает ваши черты?

Д.Осокин. Все герои-авторы моих книг очень похожи на меня — но атмосферно. Событийно, так чтобы один в один — никогда. Каждая книга — эдакий половичок, сделанный вручную на ткацком станке, — нитей цветных так много, и тому, кто им пользуется (то есть читателю), невозможно знать, откуда что вплелось: что тянется из жизни автора, что из желаний, что из горечи и огорчений, что из ликований и встреч. Например, чудесная декабрьская книга-мечта «Ветлуга», где герою так уютно, так красиво, так хорошо, является острейшей, веселой тоской моей по тому, чего катастрофически нет в моей жизни. Это если иметь в виду явленные там буквально образ жизни и бытовые условия героя-автора. Из всех своих героев-авторов я ему больше всего завидую — и хочу так жить! Однако, с другой стороны, все это у меня есть, и даже больше. Мой мир больше сложенных вместе миров всех моих героев-авторов. Моя Ветлуга у меня есть. В смысле моей сердечности. В смысле воздуха, в который я верю, которым дышу.

Идентичен со мной герой-автор лишь одной книги — «Скаты». Эта книга — такой плач художника. Я долго крепился — и позволил его себе не так давно. Это моя тайна — от которой не убудет, а только прибавится, если ее выдать.

Все написанные вещи любимы и дороги — как дети. Но если умереть прямо сейчас, взял бы туда с собой в левую руку книгу «Анемоны» (2002), а в правую — книгу «Овсянки» (2006). И визитку свою несуществующую представляю себе так: одна сторона зеленоватая, на ней написано: «Денис Осокин. Автор «Анемонов»; другая сторона синеватая, на ней написано: «Аист Сергеев. Автор «Овсянок». После этих двух книг я вполне могу удалиться на пенсию как автор. Так чувствую изнутри.

С.Анашкин. Почему основным топосом ваших книг стал Волго-Вятский регион и сопредельные территории северных областей? Отчего не повезло волжской дельте и астраханским степям? Другая природа, другая этнография, гений места другой? Отличные от Мерямаа, заветной страны потерянного племени меря?

Д.Осокин. Средняя Волга плюс Вятка — это мой дом. Поэтому у меня больше всего наблюдений и слуха именно к этой земле — так сложилось. Поэтому описывать здешнее, то, что знаю, — ставлю себе в радостную обязанность. Поэтому книг о здешних энергиях — добрая половина. Но и весь остальной мир, стелящийся во все стороны, ничуть не менее чуток, прекрасен и интересен мне. И другая половина моих книжек и планов это как раз доказывает. Но планов много, а сил мало. Желание ходить по земле неуклонно уменьшается — возрастает желание лечь.

С.Анашкин. Вы занимаетесь традиционной культурой народов Поволжья. На что направлены ваши научные интересы?

Д.Осокин. Я бы очень хотел, но не имею никакого права называть себя ученым, спецом. У меня было и остается очень много планов, связанных с наукой. Но — все они упорно реализуются художественными средствами! И мне остается только одно — быть честным художником. Наука — этнография и фольклористика — остается мечтой. Я очень хотел бы принадлежать к золотой и чудесной бранже российских фольклористов! — ах как сильно! Мечтаю, любуюсь этими путями, этой средой, этой судьбой! Но пока что остаюсь исключительно писателем со Средней Волги. Вдобавок малопишущим и сонным.

ДЕНИС ОСОКИН

утка на барабане

СВАДЕБНАЯ
КОЛЫБЕЛЬНАЯ

ИСПОЛНЯЕТСЯ
НА РУССКОМ И
ЧУВАШСКОМ
ЯЗЫКАХ

У ОВРАГА

МАРТ
АПРЕЛЬ

2009

1

крылья утки на барабане ходят под мартовским пальто как лопатки. потому что маленькие. и пальцы тонкие — как стержни для авторучек. оказывается такие бывают. сейчас крылья спят. пальцы тоже. мы едем в автобусе из поселка староуткинска в поселок селезни. с урала — на смоленско-псковское поозерье. с реки чусовой — на западную двину. первым же вечером по приезде в селезни мы попросим у полярной звезды — дарительницы домов и браков — разрешения пожениться. автобус плавный — почти что пустой. двадцать девятое марта в окнах. мы едем уже второй день. утке на барабане тепло. и мне. утка все это время спит на соседнем кресле. утка спит — а я глажу ее по голове и представляю себе обручальное кольцо на ее безымянном пальце. ну и ну! да оно будет диаметром в глаз утенка! других улыбок и мыслей нет. улыбать-

ся улыбаться этому как можно дольше!
спящую руку держать держать.

2

утка на барабане как словарь областных
гидронимов — такая же небольшая,
такая же бесценная. она писала в
феврале: 'послушай. крутится колесико
в груди. послушай! не случайно
ведь глаза похожи? не случайно
плохо без тебя?' я отвечал ей: 'надо
здороваться с реками! всегда — и со
всеми. жить значительно легче тогда.
видишь реку — сразу же с ней
поздоровайся. если встречаешь одну и
ту же в течение дня — все равно
здоровайся каждый раз. увидишь как
все улучшится.' с уткой на барабане
мы полюбили друг друга сразу же.

3

мы поменялись глазами в конце зимы.
глаза у нас и правда почти одинаковые.
зеленые с коричневым — живые речные
камни. мы обитаем у разных рек —
поэтому и решили что глазами
поменяться нужно. мы с уткой на
барабане могли бы быть новой рекой.
мы оба этого очень хотим. и то
ненаглядное — которое представляю —
крошечное уткино кольцо осторожно
кручу теперь в обе стороны своими
(уткиными-на-барабане) глазами.
любуюсь им и целуюсь с ним. утка на
барабане от этого мягче дышит —
спокойнее спит. сывар — ман лайах ман
хитре ман савнине. спи — моя хорошая
красивая любимая. утка на барабане
наполовину чувашка. ан васка вилем
патне. не торопись к смерти.

4

утка на барабане не знает что такое
мухмурла яшки — похмельный
чувашский суп. утка на барабане зовет
меня воздухом: ты — воздух. ты — мой
родной. во время всего вороньего
марта, который почти что ушел
уже — мы останавливали милицию и
спрашивали: можно нам пожениться?
почему мы отдельно? ну как же
так? они отдавали нам честь и
отвечали: не жалуйтесь — мы за вас.
мы в ответ хлюпали: ох — спасибо.
миленькие милиционеры! — свадебные
кузнецы! скуйте нам обручальные
кольца. свадебные генералы наши —
решительные, важные! пожалуйста
арестуйте на улице утку на барабане —

на другой улице схватите меня — и поставьте нас друг перед другом своей крепкой волей. и кольца наденьте сердито на пальцы нам. и пригрозите расправой — если надумаем сделать хоть шаг друг от друга. с уткой на барабане мы навязчиво и пытливо заглядывали всем милиционерам в лица.

5

они и направили нас напрямую к полярной звезде. без ее утверждения — сказали — с кольцами для вас ничего не выйдет. езжайте к ней из староуткинска в селезни — так как вы граждане россии. соискателям свадеб ей у нас задан именно этот путь. по дороге будьте предельно красивы — делайте лучшее на что способны. если полярная на вас согласится — сбросит вам свадебный уток — набитый вашими будущими адресами, будущими детьми. уток — деревянная штука от ткацкого стана, похожая на утку, с катушкой внутри — ткущий перебрасывает ее из руки в руку и прибивает полотно бердом. на свадебном утке — разноцветные шерстяные нити. получите уток — будете вместе. и разревется и затрясется от радости за вас вся милиция нашего государства — и граничащих с ним государств. а по-другому не женятся. разве вы не знали?

6

утка на барабане — утка как утка, только в пальто. и с платком на шее. еще в черной юбке. без шапки. в теплых бордовых колготках и человеческой обуви. улыбается — и все время спешит. надвигается на меня — смеется — и голову набок чуть. я ее ждал — а она летела навстречу — через трамвайную петлю, полную людей. извиняюще ухмылялась — потому что опаздывала. хрупкая хрупкая теплая теплая! — потому что утка. мы знаем что мы родные. на барабане — потому что насквозь беспокойная, потому что одна: прыгает, вьется, кружится, даже арбуз и тот ест на лету — и барабан гукает. отобрать бы его и зашвырнуть с моста — да смешно уж очень. утка на барабане — тайное имя. я его дал — а она согласна. утка на барабане — значит невеста. утка моя — означает жена. мы подумали и решили: когда поедем — утка на барабане будет все время спать. а я — здороваться со всеми реками выбегающими нам навстречу. и гладить спящую.

7

утка на барабане не цапля — но ловит лягушек. смотри! — я грозился. — буду звать тебя цаплей. какая ж я цапля? — возмущалась она. — разве я хищная? — разве у меня безжалостный острый клюв? — и лягушек ведь я не ем — люблю только! я соглашался — и целовал ее в губы. а она тут же вытаскивала из кармана улыбчивую кругленькую лягушку на нитке — и дарила мне. учила как наматывать нить на лягушиный живот, а конец себе на палец — и дергать так чтоб лягушка подпрыгивала от ладони к земле, от земли к ладони. я пробовал — получалось. так мы и гуляли втроем. по набережным по лестницам по площадям. лягушка верещала, хоть и была из дерева — а мы с уткой на барабане останавливались то и дело чтобы дернуть друг друга за волосы и обняться.

8

утка на барабане! неделю назад в моем городе у моей реки я не мог накачать велосипедные колеса. суббота — выходной день — скоро апрель — и земля просохла — конечно пора начинать кататься! но велосипед не слушался меня. предметы ломаются в моих руках. полярная звезда на меня разгневана. я полтора часа просидел перед ним с насосом — и плакал — и ругал его — и целовал его — все напрасно: фиолетовый велосипед — купленный три года назад к ликованию — не хотел моих рук — у меня не получалось — вся моя сила уходила куда-то мимо. лишь к исходу второго часа — когда я смотрел уже на себя в мокром ужасе — он вдруг поддался — и колеса приняли воздух. я умылся. вышел на улицу. то шапкой то рукавами вытирал глаза. ветер дул резкий сильный. катался катался — а потом грохнулся. из всего что я могу делать — самое главное и постоянное лишь умение здороваться с реками. и вся надежда моя теперь только на то.

9

утка на барабане плакала. лежала со мной — подставляла живот. я касался ее — я гладил. мы представляли себе наш дом. я целовал ее. я на нее ложился. утка на барабане взбиралась

на меня. мы — бедняжки. как хорошо что мы обратились в милицию! сами никак не могли догадаться — что сделать все-таки для того чтобы сложиться в реку — в одну нашу реку. утка думала думала — и придумала что в пути будет спать. это очень хорошо и красиво. я перенесу ее с автобуса на автобус — когда понадобится. прямых ведь не будет. мы очень обрадовались что определились с тем что будем делать в пути. и вот мы едем.

10

спи — утка. я гулял один по последнему льду и спрашивал у рыбаков что они думают об утке на барабане. не провались смотри, — отвечали они. — утка на барабане славная. потеряешь ее — приходи тогда и проваливайся. на льду было много ворон. я им поклонился — собрался было сказать об утке. они посмотрели насмешливо и взлетели: разве не они самые первые увидели всё и узнали про нас? — в начале вороньего времени — на стыке зимы и весны. я сходил со льда — и садился в трамвай. молча покупал билет у кондуктора и понимал что на самом деле рассказываю ему о нас с уткой на барабане! — всё-пре-всё! ты — в словах моих и в моем движении. все что я говорю — тайная речь о тебе. все что я делаю — тайное тебя касание. утка на барабане моя! утка утка! мне страшно что эта песня — все что могу я сделать для нас. сделать из нас. о боги! здороваюсь здороваюсь с реками!

11

эта утиность — живущая в мире! как оставить ее у себя? — как не обидеть? утиные гнезда — утиные глаза — утиные касания. я хочу быть с тобой, утка на барабане! дарить тебе кофты и свитера. готовить тебе тунцов. дышать глубоко — нырять и выныривать — вместе. улыбаться и кланяться полярной звезде. в воду входить бесстрашно — и барабанить если захотим. утиные долгие долгие дни — крепкие как ставни утиные ночи. короткие как выстрелы — если мы отдельно. я знаю, что любишь. ты сейчас спи. ты не оставь нас, утиность, ты пожалуйста только на нас не обидься.

12

спи спи — моя пестрая теплая утка на барабане! ан васка варанма. не торопись просыпаться. писала: 'тянет спину, живот. тошнит. стояла с утра на улице как покосившаяся жердина. не могу ходить. и звонить не могу пока тоже. поцелуй пожалуйста. только не звони! тошнит что не рядом. пропала!' я отвечал: 'постригся. и выгляжу как суданский влюбленный принц! — бритый и желтый. я скоро к тебе приеду. с утиными лапками из латуни и черно-белой эмали на зеленом шнуре на запястье. с белой подушкой набитой октябрьской лиственницей. с куклой-зернушкой с желтыми волосами. с двумя сероватыми утками нарисованными на зеленом камне.' не окажись только формулой. наилучшей формулой — самой родной. будут селезни будут утки на апрельской-мартовской западной двине. а нас так и не будет? и кольца уткоглазого — тоже? здравствуй кама. здравствуй вала. здравствуй вятка. здравствуй мёша. здравствуй большая кокшага. здравствуй волга. здравствуй сундырь. здравствуй, юнга. здравствуй, сура. спи утка спи — спи любимая. эти потоки — уже москва.

13

ты невеста. буду петь нам утиные песни. тихо. удивительно — но родной город утки на барабане совсем рядом со староуткинском, откуда мы поехали. я туда приезжал один раз. утка на барабане давно здесь не плавает. а я приезжал на полдня — чтобы ходить по уткиным углам. сидеть на ее качелях. на бельевых веревках в ее дворах играть эти песни — те что нашел и те что придумал. я не купался тогда в чусовой как это делала маленькая утка на барабане — было холодно и чусовая даже не вздулась. чтобы на главной почте города написать и отправить для утки письмо в полстраницы. чтобы прийти к ее окнам и высмотреть за занавесками уткиных родителей. чтобы пройти в подъезд — поцеловать эту дверь — и шепнуть в замочную скважину: параппан синче кавакал — эпе пит сана юрататап! я люблю тебя очень — утка на барабане! поужинать в кафетерии — и пойти на станцию.

14

здравствуй яуза — раннее утро. спящая утка на барабане теперь угнездилась здесь. мы плавно прокатимся под ее окнами. не просыпайся — я глажу тебя — я рядом. я живу на востоке — и мои реки вчера мы уже проехали. я сам сейчас как река — я теку глазами. высматриваю реки — над ними дым. здороваюсь с ними со всего сердца. ухаюсь в них и бухаюсь. утка кажется видит тревожные сны. она даже вскрикивает. что же это такое? кутаю ее речными глазами, речными ладонями — голову и крылья. я не хочу ее разбудить. полярная! подари нас друг другу! о полярная! разреши нам наш дом! мама. мы не плохие. соедини нас. ведь можно? здравствуй москва. здравствуй алёшня. здравствуй гжать. здравствуй жижала. здравствуй вязьма. здравствуй вопь. здравствуй днепр. и на нем — белый белый — наилучший — в дожде — смоленск. здесь у нас последняя пересадка.

15

утка, для чего нам эти тревожности? радостные и безрадостные тревожности и плачи. куда мы едем? зачем? ты веришь в полярную звезду? я очень. я верю в уток. верю в староуткинск. верю в селезни. я верю во все реки — да. верю в уток от ткацкого стана — в то что это очень хороший предмет, и может быть свадебным. я верю конечно же в наше путешествие. но кажется не до конца. и если полярная нас не примет — я все равно на тебе женюсь. полярная! ты смеешься? хотела услышать как я хвалюсь — так слышь. хотела увидеть как плачу — любуйся.

16

так страшно когда не можешь дозвониться. набираешь набираешь — а там пустота. ходишь ходишь.. возьми трубку, утка.

17

на скамейке на автовокзале в смоленске сижу — а утка на барабане спит у меня на коленях. 'лаз' на селезни подадут через четыре часа. я вытащил из сумки и надел зеленые очки — тоже подарок утки на барабане. мне нравится как мы выглядим. прохаживаются патрули — и кажется нами любуются. так и есть — смоленские милиционеры краешками

глаз приветствуют нас. полярная звезда нас видит — а мы ее пока еще нет — небо серое, светлое. я люблю тебя, утка на барабане. я очень тебя люблю.

18

здравствуй западная двина. просыпайся, утка. вставай на ноги с моих рук. сумки — твоя и моя — на мокрой темной земле. мы на берегу. сумерки. звезд не видно — потому что над нами предпоследние в этом году снеговые тучи. полярная! покажись. подари нам свадебный уток и обручальные кольца! будем стоять и ждать.

п а р а п п а н
с̆ и н ч е
к̆ а в а к а л

пуш уйӑхĕ
ака уйӑхĕ

2009

казань. 29. 09. 2009

Ч Т Е Н И Е

НАТАЛИЯ РЕПИНА

Mal'aria

Этажей на парковке было много, и выезд напоминал погружение в недра земли. Машина спускалась медленно — за поворотом новый поворот, бесконечная спираль с тусклыми лампочками под потолком. Наконец остановилась перед воротами. Они автоматически раскрылись, выпуская машину на улицу.

— Сейчас, погоди, — сказал пассажир. — Все-таки мешает.

Вышел из машины, переложил в багажник сумку, которая стояла у него в ногах. Прежде чем сесть, приостановился и, оглядевшись по сторонам, глубоко вздохнул.

На улице было пасмурно, а потому казалось, что все особенно грязно. Голые ветки, мокрая земля, остатки серого снега.

Водитель опустил стекло, выглянул.

— Помочь?

Вместо ответа пассажир сел на переднее сиденье.

Тронулись.

Вывернули с площадки, поехали по городу.

Москва была неприглядной, как неизбежно бывает в середине весны. Заляпанные машины, лужи, пешеходы в темной одежде, серое небо.

Они выехали на окраину. Водитель рулил, пассажир бездумно смотрел в окно. Водитель холеный, довольный, гладкий, томных округлых форм. Карих тонов. Пассажир — светлый, жесткий, немного неряшливый. Ровесники — лет сорока.

Молчали. По шоссе вырулили за город. Солнца так и не было, стемнело.

Водитель неожиданно засмеялся.

— Ты вышел — я думал, ты как Анечка.

— В смысле?

— Кстати, здесь... вон, где остановка... то самое памятное место.

— Какое? — без интереса спросил пассажир.

— Вот здесь... я тебе рассказывал... я подсадил ее.

— Кого?

— Да Анечку, Анечку.

— А-а-а... — сказал пассажир. Подумал: — Не рассказывал.

— Разве?

Помолчали.

Водитель не выдержал. Начал.

— Значит, еду. Она ловит. Я...

— А ты бомбишь?..

— Ну ты что, — почти обиделся водитель, — просто жалко же, стоит девушка...

— Да неважно, — смутился пассажир. — И?..

— Ну и поехали в Марьино. С Хорошевки — ничего так? Она посидела, потом окно открыла, высунулась. Ну, я мало ли что, дышит. Хотя зима, да?

Пассажир слушал, смотрел в окно. С двух сторон лес, угрожающе темный.

— Потом говорит: «Остановите». Я сначала не понял. Как закричит: «Тормозите, к обочине!» Еле успели — ее вывернуло.

Пассажир повернулся к водителю, хмыкнул. Водитель мимолетно взгля-

нул на него, проверил эффект, опять стал смотреть на дорогу. Пассажир тоже сел ровно, улыбнулся. Водитель продолжил.

— Ну правда, мало ли. Беременная... Отравилась... Минут через пять снова: «Тормозите!»

Пассажир тихо засмеялся.

— Смешно, ага. И так через каждые три километра, наверное.

Пассажир развернулся к водителю, уставился, улыбаясь. Полез не глядя в карман, вытащил сигареты, но не закурил.

Водитель молчал.

— Ну? — подтолкнул пассажир.

У водителя лицо смягчилось, улыбнулся.

— Упрямая. Она, оказывается... У нее был экзамен в этот день... То есть не экзамен, вру, а конкурс, грант давали.

Пассажир закурил, отвлекся на открывание окна.

Пошло жилье. Разваливающиеся, опустевшие деревенские дома, недостроенные коттеджи, изредка замки красного кирпича — в самых нелепых местах, у обочины, например.

— Ну вот... Огромный конкурс. Претендентов! Стажировка в Англии полгода. Гоняли только так, экзаменовали, импортные языки, все такое. И представляешь, подстава, какое-то задание чуть не за два дня ввели. То есть им за два дня сказали. Ничего так, да? Она двое суток не спала вообще, готовила все это...

Он засмеялся.

— Деятельница!

Пассажир смотрел в окно, не реагировал.

— Ну вот. А потом ее стало выворачивать... от перенапряжения, после нервотрепки...

Подрезал ловкач на «девятке» с тонированными стеклами. Водитель стукнул по клаксону.

— Выиграла грант? — спросил пассажир.

— Не-а. Я ей говорю: и чего морочилась? Люблю бодаться, говорит.

Помолчали.

— Она очень упрямая, — с нежностью сказал водитель.

Еще помолчали.

— Любит соревноваться? — спросил пассажир, просто, чтоб что-нибудь сказать.

— Ну да... — отозвался водитель. — А ты не любишь?

Пассажир пожал плечами, промолчал.

Водитель мимолетно глянул на него, но пожатия плеч не застал. Еще помолчали.

— Короче, так и познакомились, — резюмировал водитель.

Пассажир вежливо улыбнулся. Посмотрел в окно.

Водителя звали Олег, пассажира — Кирилл.

Уже в полной темноте они проехали скудно освещенный поселок, свернули у большой вывески «Ресторан «На обочине», 500 м», фары освещали неровную дорогу. Еще раз свернули.

— Где-то здесь, по-моему, — щурясь в темноту, сказал Олег.

— Указателей нет, что ли? — спросил Кирилл. Зевнул.

— Да нет, там хитро, там поворот такой... если через лес, то по проселочной... или крюк делать...

Еще проехали.

— Здесь, что ли? — спросил Олег. — Да, здесь! — И, через паузу: — Кажется...

Кирилл засмеялся, полез за сигаретами.

— Да я всегда засветло еду, а в темноте, блин, ни пса не видно.

Свернули. Некоторое время ехали молча, Кирилл стал поглядывать на Олега.

Машина ковыляла на ухабах, пришлось бросить сигарету, держаться за ручку у окна, потом и упереться в бардачок.

В свете фар показался силуэт.

— О! — сказал Олег с явным облегчением.

Догнали, притормозили.

Бабка, миниатюрная, с прямой балетной спиной и неожиданно крупными и грубыми чертами лица, смотрела без испуга.

— Здравствуйте! На Погодино нам как бы... — полуспросил Олег, перегнувшись через Кирилла — бабка стояла со стороны пассажира. Она улыбнулась.

— Если б вы меня сразу спросили, — сказала доброжелательно.

— Простите?.. — Олег высунулся еще сильнее, Кирилл откинулся назад, с любопытством глянул на старуху.

— Я говорю, если б вы меня сразу спросили, я, конечно... когда сразу, я...

Улыбнулась и посмотрела еще доброжелательнее.

— Фулл крейзи, — тихо сказал Олег. И, громко старухе: — Конечно, спасибо!

Отправились дальше, Кирилл обернулся назад, старушка стояла, смотрела вслед.

Машина отдалялась от нее, старуха смотрела. Машина свернула, свет фар замелькал между деревьями, рассеялся. Старуха помялась, пошла назад — не туда, куда шла.

— А, все! — радостно сказал Олег. — Вон оно!

Ничего особенного, темная дорога.

— Что?

— Вон дерево, такая тройная лира, видел?

Кирилл повертел головой, ничего не увидел.

Но впереди осветился фарами забор, дом за ним — большой, двухэтажный.

Чай пили на кухне, без изысков. Молчали. Олег торопливо глотал, обжигался.

— Тут тебя не потревожат, это абсолютно, — он кивнул на окно. — Идеальные условия.

За окном ничего не было видно, поскольку на кухне горел свет. Кирилл, занятый своими мыслями, машинально проследил за взглядом Олега. Задержал его на окне. Это был стеклопакет, белый, откровенно офисный. В деревянных, обшитых теплой вагонкой стенах он смотрелся довольно нелепо. Плюс офисные же полоски жалюзи.

— Что? — Олег посмотрел на него.

— Нет, так... — Кирилл поспешно отвел глаза от окна.

— Ну что, что?

— Да ничего, говорю.

Олег недоуменно пожал плечами, помолчал.

— Да, сейчас белье тебе выдам! Комнату выбирай...

— Белье не надо, — перебил Кирилл. — У меня с собой. Свое.

— Как хочешь.

Кирилл встал, огляделся. Неловко вышел из кухни. Олег взялся допивать чай. Опять изучающе посмотрел на окно, опять пожал плечами. Пошел за Кириллом.

Тот в другой комнате стоял у стеллажа, перебирал яркие листы — профессиональные фотографии. Обернулся к Олегу.

— Все-таки какая пошлость, да?

— Что именно?

— Ну вот это вот, да? Эти девушки. Кретинки оригинально-типовые. В «Икее», что ли, насовали тебе?

— Это Анечка, вообще, — сказал Олег. — Коллеги сфоткали. Не супер, конечно... Ну, ладно.

Вышел из комнаты. Кирилл беззвучно матюкнулся, бросил фотографии на стеллаж, пошел за Олегом.

— Слушай, — смущенно сказал он, — ну на фига ты сейчас поедешь, переночуешь здесь, отсюда же ближе до аэропорта, в любом случае. Утренний рейс, пока ты домой, пока назад...

— Твори, не отвлекайся. Книжки-то взял с собой? У меня с этим туго.

— Да ладно.

— Что ладно?

— Да какие книги — все в компьютере.

— Короче, если что, звони, я завтра во второй половине уже буду доступен. Анечка прилетит, я ей сразу отзвонюсь насчет тебя, не волнуйся. Да она сюда без меня и не поедет.

Вышли на крыльцо. Темно, безветренно.

Молча пожали друг другу руки.

Олег сбежал с крыльца, сел в машину, помигал фарами, укатил.

Кирилл постоял на крыльце.

Зашел в дом, из кармана своей куртки, повешенной на стул, достал сигареты.

Опять вышел на крыльцо. Закурил.

Темно, безветренно. Полная тишина.

Кирилл огляделся.

Дача была скорее хутором, других домов не видно, за домом вовсе лес. Где-то далеко залаяла собака, чуть подвыла и стихла.

Сильно затянулся, бросил недокуренную сигарету, ушел в дом.

За домом, далеко за лесом, бесшумно и стремительно разгорелось яркое зарево, заняло полнеба, осветило все на участке, как днем. Уже потом его догнал низкий, тяжелый гул.

В комнате зарева не видно, шторы задернуты, свет включен. Гул — фоном, можно и не обратить внимания.

Кирилл подошел к стеллажу, взял фотографии Ани.

Неожиданным ветром приподняло жалюзи. Они зашуршали, окно негромко стукнуло.

Он оглянулся, постоял, прислушиваясь, и, ничего не услышав, кинул фотки на место. Оглядел книги. Корешок к корешку стояли сборники из серии «100 самых...» Оперы, картины, писатели, преступления. Кирилл снял с полки «100 самых известных писателей», брезгливо перелистал, сунул на место. Декоративная тарелка, прислоненная к стенке стеллажа, поехала вниз, скользнула на пол, он не успел ее подхватить. Вполголоса матюкнулся, присев, собрал осколки, огляделся. Ушел на кухню выбрасывать.

Вернулся в комнату, стал застилать кровать.

Запел вполголоса: «Затихает Москва, стали синими дали...»

На кухне постоял у умывальника, повертел в руках пасту и прочее, но умываться не стал.

Лег, огляделся в поисках выключателя. Вздохнув, встал, прошлепал босиком к противоположной стене, щелкнул.

Стало темно, виднее розовое за окном, но внимания не обратил. Прошел обратно, сев на кровати, потер ступнями одна о другую. Лег, накрылся получше, вздохнул.

Опять заволновались жалюзи, стукнули негромко об оконный проем.

Раннее утро, солнечное, совсем безветренное. На застывших деревьях — зеленый пух.

Молодая женщина — та самая, с фотографии — вошла в ворота. Она не обратила внимания на приоткрытое окно, смело прошла в дом. На террасе задержалась у двух больших полиэтиленовых сумок — они стояли в углу.

Миновала комнаты, оказалась на кухне. Остановилась, увидев повешенную на стул куртку.

Пошла назад заглядывать по комнатам и столкнулась у входа с Кириллом. Молча отпрянула, он тоже отшатнулся, машинально сказал:

— Извините!

Она — так же машинально:

— Ничего!

Оба растерянно замолчали. Кирилл спохватился, стал одеваться.

— Вы ведь Аня, — утвердительно сказал он. — А Олег вам не дозвонился.

— Да, наверное.

Аня не стала деликатно отворачиваться, но и не разглядывала. Он занервничал, прыгал, не попадая в штанину, запутался в футболке.

— А я Кирилл... Он меня пустил сюда поработать... Я диссертацию пишу. Я его школьный друг... ну, не друг, учились вместе, вот нашел меня в Интернете, знаете, встретились... вспомнили детство...

Оделся, подошел к ней.

— Да, на него похоже, — спокойно сказала Аня. — Я видела ваши вещи на террасе.

— На террасе?

— Ну да.

Он недоуменно посмотрел на нее.

Пошли на кухню. Сели. Помолчали.

— Позавтракаем? — спросила Аня.

Кирилл помолчал, подумал. Согласился:

— Да, надо бы... на дорожку.

Аня посмотрела радостно, тут же справилась с эмоцией, засмеялась.

— Ну вы что! Ничего себе хозяйка приехала — гостя взашей! Даже не думайте!

— Нет-нет, это вам не отдых будет. Вы ведь на все праздники хотели?

Она сокрушенно кивнула.

— Ну вот. Лучше сразу эту проблему решить. Мы незнакомы, я человек нелюдимый и согласился-то сюда, чтоб в одиночестве побыть, извините.

— Дело в том, что я могла бы уехать, но... — начала Аня.

— Нет, что вы! — испугался он. — Я неправильно это сказал, я...

— Ладно, — перебила и она. — Дело не в этом. Я не могу уехать, и вы не уедете.

— Ерунда... — опять вскинулся он.

— Не уедете, в области авария, шоссе стоит. Я ехала от станции на маршрутке, еле добралась, даже встречная на несколько километров забита.

Он задумался.

— Но вам я тут... как-то не кстати.

Она не ответила, полезла в сумки, стала выкладывать продукты на стол и в холодильник.

— Нет, правда, как отсюда выбраться? — спросил он. — А то меня Олег на машине вез.

— Вы не уедете, — так же спокойно, почти весело повторила она.

Он помялся. Ушел в комнату. Остановился посредине, засунув руки в карманы, стал думать.

Она вошла следом, остановилась на пороге.

— Не расстраивайтесь. Дом, в принципе, большой...

Он вздохнул. Спохватился.

— Да, меня зовут Кирилл.

— Вы уже сказали. Очень приятно. Пойдемте завтракать, — и, не дожидаясь, ушла на кухню.

Там уже все было накрыто, щелкнул выключатель электрического чайника.

Дружно зажевали.

Она повертелась, разыскивая что-то, взяла пульт от телевизора.

— Вы не против? — обернулась к вошедшему Кириллу.

Тот жестом показал: «О чем вы, конечно!»

Включила, щелкнула — ничего, помехи.

— Связь здесь... — с досадой сказала она.

Защелкала дальше, поймала музыкальный канал, тоже с помехами. Выключила звук.

— Пусть мелькает. Чай, кофе?

— Кофе. Я сейчас.

Он нашел сигареты, вышел на улицу. На террасе задержался возле сумок.

Стоял, курил, смотрел на калитку и дорожку, ведущую от нее.

Аня подошла к нему. Постояла молча.

— Неуютный сегодня день, — сказал он.

Она посмотрела быстро, но внимательно, отвернулась.

— Конечно, я вам некстати тут... нагрянула.

— Что вы... красивая женщина не может быть некстати.

Сказал фальшиво, неумело. Смешался, ушел от темы.

— Да нет, как-то... — огляделся, — как будто кто-то смотрит в затылок.

Она удивленно повернулась к нему.

— Кто смотрит?

— Ну, так. По ощущению.

Она улыбнулась.

— А мой приезд проспали...

Пошла назад, остановилась у сумок.

— Это ваши сумки? На террасе? — громко спросила.

— Нет! — не оборачиваясь, крикнул он.

Она аккуратно открыла одну. Судя по реакции, внутри дурно пахло. Зажала нос, наклонилась пониже — лохмотья, почти отбросы. Поспешно ушла в глубь дома.

Он повернулся ей вслед, потом опять стал смотреть на дорожку от калитки.

Аня с резиновыми перчатками в руках зашла в комнату, задела ногой что-то негромко стукнувшее — оказалось, осколок разбитой накануне тарелки. Повертела в руках, глянула на полку, где стояла тарелка. Отнесла осколок на кухню, но не выкинула, безрезультатно пощелкала пультом — везде помехи, и местные тоже с трудом прорываются через них. По-прежнему держа в одной руке перчатки, стала звонить по мобильному и тоже не смогла дозвониться. Обернулась в ту сторону, где стоял Кирилл. Задумалась.

Кирилл вернулся с террасы. Помялся возле Ани, она опять щелкала пультом. Телевизор шипел на все лады.

— Знаете, — решительно сказал Кирилл, — я хотя бы разведаю обста-

новку. Тут, как я понял, до шоссе не очень далеко. Я даже почти понимаю, как идти.

— Ну... как хотите. Вообще действительно интересно, как сейчас там... в смысле, чего ждать.

Он согласно кивнул.

Вместе вышли на крыльцо.

— Смотрите, сейчас по тропинке, потом у поворота дерево такое будет, такая тройная лира....

Кирилл улыбнулся, Аня за компанию — тоже, но остановилась.

— Что?

Жестом показал: «Ничего, продолжайте».

— От развилки — направо, и там уже все время прямо, не перепутаете.

Кивнул, пошел не оглядываясь.

Аня пошла на кухню, на пороге остановилась и наконец обратила внимание на перчатки в руках.

Вернулась к сумкам на террасе и, надев перчатки, понесла сумки в мусор в дальнем углу участка.

— Простите! — ее окликнул вежливый старушечий голос.

Она поискала глазами, откуда он.

— Я здесь! — сказал голос.

За забором стояла вчерашняя старуха.

— Вы не могли бы все-таки отдать мне сумки? Если б вы спросили...

— Это ваши?

— Да! Пожалуйста!

— Пожалуйста, — удивленно сказала Аня, подняла их, чтобы передать через забор, но они тяжелые и забор высокий. Они со старухой подошли к калитке, каждая со своей стороны.

— Вы тоже одноклассница Олега? — улыбнулась Аня.

— Нет, — спокойно ответила старуха.

— Пожалуйста, больше ничего у нас на даче не оставляйте, — подумав, попросила Аня.

— Ладно, — просто согласилась старуха.

Присела, достала из кармана веревочку, перевязала ручки. Надела сумки, перекинув связанными ручками через плечо. Пошла по дорожке.

Аня посмотрела вслед, пошла в дом.

На кухне села за стол, допила холодный чай. Задумалась. Повертела осколок тарелки, опять надела перчатки, полезла в ведро, достала остальные осколки — все они были яркого голубого цвета. Сполоснула под краном и на столе сложила из них тарелку. Одного фрагмента не хватало.

Она пошла в комнату Кирилла, полезла под шкаф, стала шарить. Остановилась, прислушиваясь, бросилась на кухню к мобильнику, но тот молчал. Сама набрала номер, подождала. Положила аппарат в комнате на видное место и продолжила поиски.

Опять прислушалась — звук действительно был. Он доносился из кухни, где сквозь помехи прорвались новостные позывные. Аня пошла на кухню.

Кирилл по тропинке дошел до развилки и наконец увидел дерево, которое имелось в виду — оно действительно разветвлялось почти от земли на три равноценных ствола.

Кирилл постоял, поглазел.

— Ё... твою мать! — закричал кто-то недалеко. — Урод не нашего бога, б...! Я тебе сказала лезть в маршрутку, какого хера не полез?!

На одной из дорожек — наиболее широкой, с колеями от машин, — показался подросток лет четырнадцати. За плечами школьный рюкзак, по-детски яркий. Равнодушно скользнул взглядом по Кириллу, прошел мимо, завернул на тропинку.

Кирилл взял сигарету, закурил. На дороге вслед за внуком показалась бабка с сумкой на колесиках, яростная до того, что уже не могла ругаться.

— К шоссе туда? — спросил ее Кирилл.

Она молча махнула себе за спину.

— Спасибо.

Бабка прошла мимо, свернула вслед за парнем. Обогнала его, зашагала дальше.

— Чего он хотел, бабуль? — неожиданно по-детски спросил парень. Она не ответила, но замедлила шаг и полуобернулась, поджидая, пока он поравняется с ней. Дальше пошли вместе.

Кирилл отправился по указанному маршруту. Было очень тихо, без птиц. Отдаленно послышался вой сирены, стих.

Вляпался в неподсохшую грязь, матюкнулся. Вытер подошву о выступающий из земли корень. Пошел дальше.

Повернул — и стало видно шоссе с машинами. Кирилл ускорил шаг. Чем ближе он подходил, тем напряженнее смотрел на шоссе, которое из-за быстрой ходьбы немного прыгало перед глазами.

В просвет между деревьями все время была видна только одна машина — ярко-красная.

Наконец он вышел на шоссе.

Узкое, по полосе в каждую сторону, оно было забито машинами, которые не трогались с места. Встречной уже не существовало — все машины стояли в одном направлении.

Опять раздался вой сирены, совсем громко: это пыталась пробраться черная «BMV» с мигалкой. Никто ее не пропустил. «Бумер» повыл и стих. Окна в машинах, несмотря на теплый вечер, были плотно задраены. Солнце отражалось в них, и людей в машинах не было видно. Молчаливая, неживая вереница машин с золотыми стеклами.

На дачу он вернулся стремительным шагом, почти бегом. Прошел на кухню. Телевизор работал. Безмятежная ведущая сообщала скороговоркой:

— ...как утверждают компетентные источники, оснований для подобной паники нет, хотя и соблюдение элементарных норм безопасности не повредит. В ближайшее время не рекомендуется открывать окна и без особой необходимости выходить на улицу.

Аня вошла на кухню, на ходу глотнула чаю, кивнула ему на экран.

Собрались уверенно, с напором — путей для отступления не оставили. Заперли двери, окна, хорошенько — калитку, чтоб не прошла сумасшедшая бабулька. За калиткой остановились.

— И куда? — спросил он.

Она немного подумала, покрутила головой. Нерешительно указала:

— Попробуем туда?

— Почему?

— На шоссе бесполезно, наверное?

— Да уж, общественный транспорт тут вряд ли... — сказал он. — И что тогда?

Она решительно двинулась вперед.

— Есть какой-то путь прямо до райцентра, лесом, Олег показывал. Я, правда, плохо помню, но вариантов все равно...

Он пошел за ней.

В лесу припекало, было душно, влажно и очень красиво: и без того ранняя зелень распускалась на глазах, трава была густая и ровная. Только птиц не было слышно, и ветра не было — свежая неподвижная красота.

Аня шла впереди, он сзади. Шли в ровном однообразном темпе, не разговаривали.

Он смотрел ей в спину, поневоле разглядывал: спутанные легкие кудряшки, шея в вырезе платья, лопатки, слегка выступающие под тканью. Поймал себя за этим занятием, досадливо дернул головой, стал смотреть по сторонам.

Небольшие поляны между деревьями, яркие пятна первых цветов. Тропинка с выступающими, как вены, корнями. Носки его дешевых сандалий. Пятки мягких мокасин, гладкие икры, подол платья, ягодицы...

Он вздохнул, остановился. Аня обернулась.

— Может, отдохнем? — сочувственно сказала она, глядя на его вещи.

Компьютер ощутимо деформировал фигуру, тянул вбок и вниз.

— Мне не тяжело.

— У вас усталый вид.

— Это просто я... перекошен, — сказал он, выпрямляясь.

Она улыбнулась, он догнал ее, пошел рядом.

— А давайте кто быстрее! — вдруг сказала Аня.

Он даже остановился.

— Что?

— Ну, кто быстрее. Вон до того поворота. Если вы не устали, конечно.

— Зачем?

— Ну... просто так.

Он растерялся, не ответил, она быстро пошла вперед.

— Аня!

Остановилась выжидающе.

— Куда мы идем?

— Вы же знаете: мы не знаем! — и улыбнулась собственному каламбуру.

Он подошел к ней.

— Ерунду мы затеяли, нельзя идти наугад.

Она подумала.

— Не совсем же наугад. Давайте еще немного. Попробуем все-таки найти тот объезд, про который Олежка говорил...

— А если не найдем?

— Тогда назад.

— Назад?!

— Скоро темнеть уже начнет, и что мы тогда? — спокойно сказала Аня.

— Ну, может, мы к этому времени...

Он не договорил — у Ани зазвонил мобильный.

Она поспешно стала рыться в сумке, одновременно отворачиваясь от Кирилла и отходя на несколько шагов. Он удивленно взглянул на нее, тоже отвернулся, зачем-то подошел к дереву, потрогал ствол, посмотрел наверх, на прозрачную в солнечных лучах зелень. Услышал Анин голос, спокойный и приветливый:

— Да, дорогой! Ты долетел? Все в порядке?.. Да у нас тут... А я на даче!.. Ну так вышло, вот заехала... сюрпрайзом!.. — Она засмеялась — видимо, это старое рекламное слово имело для обоих особое значение. — Да-да, мы познакомились, конечно!.. Олеж, скажи мне, помнишь, ты показывал...

Кирилл обернулся к Ане, знаком показал: «От меня Олегу привет» — она кивнула, — опять повернулся к дереву. Почти сразу услышал тревожное:

— Алло, алло!.. Олеж!.. Алло!

Она подошла к нему.

— Опять «поиск сети».

Он сочувственно кивнул.

— У вас тоже?

— У меня нет мобильного, — отозвался Кирилл. — Пойдемте?

— Как это?

Он пожал плечами. Пошел вперед. Она догнала, пошла рядом.

— Вы не любите технику?

— Да нет. Компьютером же пользуюсь.

— Тогда почему?

— Ну... как-то он меня раздражает.

— Почему? — настойчиво спросила Аня.

— Просто мне кажется, это бесцеремонно. Тебя ловят ночью, в дороге, посреди важного разговора или, простите, в туалете.

— Но можно же отключить, — удивленно сказала Аня.

— А зачем тогда его заводить?

Она растерянно промолчала. Он улыбнулся в ответ.

— Как Олег?

— Долетел нормально. Простите, я привет не успела передать. И дорогу не узнала.

Опять взглянула на телефон, с досадой сказала:

— Ну что за!..

— Да, не удалось поговорить, — сочувственно сказал он.

Аня неопределенно кивнула, точно дело было не в этом.

Они пошли дальше, но почти сразу он услышал неразборчивый тонкий женский голос, интонации похожи на плач, тихое причитание. Остановился. Аня тоже.

Переглянулись, пошли вперед быстрее, теперь он опередил ее.

Голос перестал быть слышен, остановились, вновь услышали, уже ближе. Опять пошли, заглушая его звуком шагов, тропинка свернула. Он увидел первым, буквально налетел.

Сбоку от дороги, чуть в глубине — двое. Она стояла у дерева, лицом к стволу, за который держалась, полуобернувшись к мужчине. Красное пьяное лицо, бессмысленно радостное. Темные брюки спущены, валялись у щиколоток, на них — светлая тряпочка трусов. Белая студенистая попа казалась огромной. Мужчина был тщедушным, бестолково суетился рядом, хватался за брюки, начинал расстегивать, отпускал, приникая сзади к женскому телу. Она опять что-то быстро и невнятно заговорила, отвернулась. Он прижал ее к дереву, дернул тощим задом. На Кирилла с Аней они не обратили никакого внимания.

Кирилл опомнился, обернулся на Аню.

Она шла назад по дороге. Он поспешно догнал ее.

Теперь двое у дерева обернулись на них, женщина засмеялась.

Миновали поворот и смогли остановиться.

— Неизвестно что! — он достал сигареты, закурил. — Ну и?.. Назад идти или что теперь? Переждать, пока они...

— Да назад, наверное, — спокойно сказала она. — Похоже, мы так действительно только заблудимся...

— Может, у этих дорогу спросить? — ухмыльнулся он. Получилось пошло.

Аня серьезно на него посмотрела, не улыбнулась в ответ.

Пошли.

— Я читал, что радиация обостряет эти самые инстинкты, — сказал он, не глядя на Аню.

— Почему радиация?

— Не знаю, вот как-то она так на организм воздействует, что высвобождается дополнительная... э... энергия. Определенного рода.

— Нет, почему вы решили, что эта авария связана с радиацией?

— Ну вы даете! — Он даже остановился. — А с чем еще?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Мало ли... Чего-то взорвалось, может, пожар сильный был. Какие-нибудь химические продукты загорелись. Или газ... Смотрите, какие!

На поляне, мимо которой они шли, — россыпь необыкновенно ярких, почти синих перелесков. Она метнулась к ним, присев, стала рвать, собирать букет.

— Может, не надо? — Кирилл подошел, встал над ней.

Она подняла голову.

— Почему? Из-за радиации?

Засмеялась.

Вернулись домой в сумерках. Дверь террасы была открыта, они ускорили шаг.

На террасе — бабулькины пакеты.

Кирилл снял с плеча компьютер, поставил сумку. Взял пакеты.

— Куда их?

Что-то грохнуло в отдалении — не то выстрелы, не то петарды. Оба машинально посмотрели в сторону, откуда доносилось, конечно, ничего не увидели.

— К забору, туда, — Аня махнула рукой.

Подхватила его вещи, отнесла в «его» комнату. Сама пошла на кухню. Он вошел вслед, устало сел, подвигал чашку на столе.

— Сейчас я сделаю поесть, — сказала Аня.

— Может, форточки откроем?

Она обернулась от плиты.

— Вы что, не помните, по радио сказали — нельзя!

Бабахнуло еще несколько раз подряд, глуше за закрытым окном.

Взяла пульт, пощелкала — везде помехи.

— Ну Аня! Мы с вами весь день проходили на открытом воздухе.

— Мало ли... Сходите на улицу!

— Если на улицу можно, почему форточку нельзя...

Остановился, посмотрел на нее внимательно. Она отвернулась, улыбаясь.

— Очень смешно, — пробормотал он. Поднялся со стула. Она быстро взглянула на него, подошла к окну, дернула ручку, распахнула его настежь, повернулась к нему.

— Да?

Но его уже не было в кухне.

В лесу было темно. Крупный лохматый пес, постоянно пригибаясь к земле и вынюхивая что-то, трусил по тропинке. Остановился, изогнулся и яростно куснул себя в спину, потом, присев, почесался и потрусил дальше.

Кирилл сидел в комнате, смотрел в экран компьютера. На кухне работал телевизор. Аня постукивала посудой.

Звук телевизора мешал Кириллу. Он пару раз досадливо обернулся в сторону кухни на особенно активную рекламу. Остановившимися глазами смотрел на экран, пока не поймал себя на том, что напевает только что прозвучавшую назойливую мелодию. С досадой прикрыл крышку ноутбука.

Пошел на кухню, остановился на пороге.

— Вам телевизор не мешает? — обернулась к нему Аня.

На столе перед ней лежала склеенная тарелка, а еще тюбики, брикетики, непонятные палочки с железками и лопаточками на конце.

— Нет, что вы, — сказал Кирилл, разглядывая композицию.

Реклама закончилась, Аня взяла пульт, пощелкала, нашла еще рекламный блок. Ненадолго сконцентрировалась, опять взялась за тарелку. На месте склеек теперь были причудливые толстые швы, каждый фрагмент — бывший осколок — она красила в свой цвет. Реклама кончилась, она опять схватила пульт, нашла другую:

— Хоть телевизор заработал...

— Странный у вас выбор, — сказал Кирилл, кивая на экран.

Аня взглянула на него и выключила звук.

В наступившей тишине стали слышны далекие отголоски нестройного пения. Потом донесся женский визг и хохот.

Она прислушалась, передернула плечами, взяла тарелку.

— Как вам? — спросила она. — По-моему, еще лучше стало.

— А что, она была разбита? — фальшивым голосом поинтересовался Кирилл.

Она быстро взглянула на него, отвернулась.

— Ну да.

Кирилл встал, нервно заходил по кухне.

— Разбитое вроде нехорошо, — сказал он. — А вы еще и оформили склеенное.

— Мне все равно, что оформлять, — спокойно сказала Аня.

У нее зазвонил мобильный. Она взглянула на определившийся номер, поспешно ответила:

— Алло, да!

Захватив тарелку, пошла с телефоном в комнату Кирилла.

Он достал сигареты, пошел на улицу.

Проходя мимо своей комнаты, услышал Анин голос. Она говорила очень тихо, он не стал задерживаться и подслушивать. Услышал только:

— Ну что я могу сделать?!. И я тоже, очень...

На крыльце присел на ступеньку, закурил. У забора зашуршало. Кирилл всмотрелся в темноту: что-то темное копошилось у сумок.

— Эй, кто там? — негромко сказал он.

Тишина.

— Вам что там надо, э? — уже громче крикнул он.

От пакетов отделился маленький темный силуэт, протрусил на середину участка, ближе к крыльцу, и в свете фонаря оказался собакой — крупной деревенской дворнягой.

Она стояла молча, выжидающе смотрела на Кирилла, потом перевела взгляд на что-то рядом с ним.

— Это кто такое? — Аня подошла неслышно и стояла чуть сзади, тоже смотрела на собаку.

— Вот пришла, — ответил Кирилл.

— Сейчас я ей поесть... — вскинулась она.

— Подождите!

— Что?

— Не надо!

Она остановилась, вернулась.

— Почему?

— Тогда не уйдет.

— Ну и...

— Ну, и что с ней тогда?.. Давай, давай, шагай!

Кирилл сделал движение вперед, топнул ногой. Собака слегка отпрыгнула в сторону и вновь остановилась, выжидательно глядя на них.

— Да ладно вам, — нерешительно сказала Аня.

— Вы с собой ее возьмете? — спокойно спросил Кирилл. — Я не возьму. Ну, фу, фу, уходи давай.

Пес повернулся, пошел с участка. Задержался у пакетов, принюхался, потрусил дальше.

— Я чего хотела попросить, — сказала Аня, проводив пса взглядом. — Я на втором этаже лягу, можете посветить?

— Конечно, — он поднялся.

Она дала ему фонарь.

На лестнице было темно. Она поднималась первая, взяла его за руку, светила то вперед, то ему под ноги, то по сторонам.

— Аккуратно, здесь щель такая... вот здесь, между стеной и лестницей... мы не рассчитали, когда строили, такой зазор неудачный...

Кирилл все-таки оступился, схватился за лыжи, торчавшие из «зазора». Они поехали в руках.

— Тихо, тихо! — Аня повернулась, взяла его за локоть.

— Ничего! — он высвободился, пошел сам.

Дошли.

— Светите.

Она дала ему фонарь, вместе с рукой направила на замок. Поковырялась и открыла.

Заскрипела дверь, светя перед собой, вошли в темную комнату.

Аня стукнула по выключателю.

Ярко осветилась большая комната — она занимала весь второй этаж. Вагонка, шторы в пол — вишневая органза. Подвязанные портьеры. Атласное покрывало на кровати. Металлические стеллажи. Абстрактные картинки в стеклянных рамках. Как будто здесь побывал «Квартирный вопрос».

— Атас, — шепотом, почти беззвучно сказал Кирилл.

— Нравится? — обернулась к нему Аня. — Гонялись с Олежкой по всей Москве. Как вспомню... Надо только встряхнуть.

Она раздвинула шторы, открыла окно, сдернула покрывало и, перебросив его за края на улицу, стала энергично встряхивать.

Вдалеке опять грохнуло.

— Помочь? — вскинулся Кирилл.

— Нет, спасибо!

— Хозяева́! — донеслось с улицы. Женский голос.

Аня втащила покрывало, выглянуло в окно.

— Да?

— Санэпидстанция, открываем!

— Что?

— Дверь откройте, что я, орать тут буду?!

Они переглянулись, поспешили вниз.

На пороге Кирилл задержался, еще раз оглядел «великолепие». Сокрушенно покачал головой.

На кухне «санэпидстанция» обосновалась серьезно. Пила чай. Объясняла.

— Значит, провизию заготовить на три дня, воду тоже. Фортки не открываем, — она оглянулась на закрытое окно, удовлетворенно кивнула.

Основательная, веселая, такая здоровая, что никакая радиация не возьмет.

За окном бабахнуло.

— А что это, кстати... — начал Кирилл.

Она не слушала.

— Когда район эвакуировать начнут, за вами заедут, ждите, значит, здесь... Это... еще рекомендуется влажная уборка, как можно чаще...

— Что значит «как можно чаще»? — не выдержал Кирилл.

— Да хоть без остановки! В очередь с супругой!

— Это не супруга! — поспешно сказал Кирилл.

Аня насмешливо улыбнулась.

Тетка пожала плечами, подобрала губы, помолчала. По очевидной ассоциации добавила:

— Что в деревне сегодня творится!

— Что? — спросил Кирилл.

— Ничего, то самое, — многозначительно сказала она. — Как с цепи сорвались, все пере...лись — вот, стихи получились!

Она стыдливо и кокетливо засмеялась.

— Вроде все вам рассказала... А!

Повозилась в сумочке, достала бумажные пачки.

— Вот... йод, по шесть таблеток. Йодированные таблетки.

— Йодированные? — Кирилл повертел пачку в руках. — Первый раз вижу.

— А такой, обычный, нельзя пить? — с любопытством спросила Аня. — Если развести?

Тетка пожала плечами. Поднялась уходить. На улице опять бабахнуло.

— А что грохочет, кстати? — спросил Кирилл, передавая таблетки Ане.

Тетка уже была в коридоре, они пошли за ней.

— Так отстреливают!

— В смысле? — спросили оба, неожиданно дружно.

Тетка прошла террасу, спустилась с крыльца.

— Кошек-собак не держим? А то ликвидировать!

Пошла не оборачиваясь.

Аня взглянула на Кирилла. Хотела что-то сказать, но удержалась.

Пошла на кухню.

Кирилл остался на пороге, смотрел вслед тетке.

Та на ходу достала из сумки листок с адресами, вывернулась, чтобы раз-

глядеть, что там написано — в ее распоряжении был лунный свет и фонарь над террасой. Задрала руку с листком кверху, поворачивала к свету так и сяк, сама вертелась, это было похоже на странный вальс.

Утром Аня драила пол на кухне, Кирилл вытирал пыль в своей уже вымытой комнате. Зашел сполоснуть тряпку.

— Сирень распускается, смотрите, — сказала Аня. — Надо же, как рано.

В окна лезли ветки сирени с еще не раскрывшимися, но уже наполненными цветом гроздьями.

— Красиво как, да? — она кивнула на окно.

Полюбовалась и опять принялась за пол.

— Надо бы окна тоже протереть, — спокойно отозвался он.

Ушел в комнату, неловко протиснувшись между Аней и шкафом. Она сдула кудряшку с лица, улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ.

— А чулан на втором этаже будем мыть? — спросила она.

— А надо?

— Ну не знаю...

— Давайте разберемся: мы с какой целью моем? — занудно сказал он.

Она заулыбалась, оперлась на швабру, послушно спросила:

— С какой?

— Пыль хорошо собирает радиацию. Так, наверное?

— А если она собрала ее в чулане — в комнате опасно?

Он пожал плечами.

— Я не радиолог.

— А кто вы, кстати?

— Гуманитарий.

— А точнее, извините?

— Филолог, — сказал он и ушел обратно в комнату.

Аня опять принялась за мытье.

— Аня, надо бы вещи собрать, чтоб быть готовыми, когда приедут! — крикнул Кирилл из комнаты.

— Успеем! — крикнула Аня, не отрываясь от мытья. — Пять минут, чего там! Кирилл, вынесите, пожалуйста!

Кирилл вернулся, взял ведро с грязной водой, пошел на улицу.

Она включила телевизор, пощелкала, нашла рекламу.

Вошел Кирилл, чуть расплескал на пороге чистую воду, увидел экран, улыбнулся. Поставил ведро.

— Нет, давайте дальше, на террасу! — сказала Аня.

Выключила телевизор, пошла вслед за Кириллом, несущим ведро, тоже улыбаясь, сказала ему вслед:

— Вы напрасно, кстати, улыбаетесь. Что такого, если я люблю свою работу.

— А вы... — начал Кирилл.

— Я графический дизайнер. Оформляю рекламные ролики. А что, Олег не говорил разве?

— Да нет вроде... — задумался Кирилл. — Вроде нет...

— Странно.

— Нет, точно не говорил, — старательно вспоминал Кирилл. — Он сказал только, что вы любите соревноваться.

Аня перестала улыбаться.

— Так сказал?

— Ну... как-то так.

Аня состроила недоуменную гримасу и принялась за мытье. Кирилл пошел в комнату. Некоторое время они молчали.

— Ну... да, наверное, — наконец тихо, сама себе сказала Аня. И, повысив голос, в сторону комнаты: — Ну и что? Это как относиться. Есть работа. Есть игра. Понимаете? — она повысила голос, повернулась в сторону комнаты, потом опять принялась за мытье, разговаривая скорее с собой. — А разница? Везде соревнование, везде победители, стремление быть лучше. Понимаете? Ну, и можно, значит, к работе, как к игре, относиться. Не согласны?

Она не видела, что Кирилл выглянул из своей комнаты, остановился на пороге террасы. Стоял, улыбался, смотрел на нее. Она не глядя продолжала:

— И потом, что я могу сделать — мне интересно, чем это плохо, я не понимаю. Мне скучно в гостях может быть, потому что я не понимаю, зачем столько времени говорить ни о чем, в общем-то. Ничинают спорить о последнем фильме. А чего о нем спорить — он от этого ни лучше, ни хуже не станет, я не понимаю. Или рестораны

там, или еще какие... мероприятия. Олежка сначала обижался, потом привык. Я могу из гостей сбежать, домой поехать эскиз делать. И что? Это что, стыдно — любить работу больше, чем развлечения? Кому-то нравится мяч гонять или в шахматы там, он хочет всех обыграть. А я хочу в своем деле быть таким же чемпионом. Чем это не игра? Ну, наши ролики сегодня помнят — завтра нет. И что? Из таких мелочей, между прочим, жизнь формируется, если хотите. Вот так по кирпичику. Вы не согласны? Кирилл!

Она наконец подняла голову от мытья и неожиданно встретила взгляд в упор глядящего на нее Кирилла. Растеряно разогнулась.

— А что... вы все время здесь стояли? — смущенно спросила она.

— А вы с кем разговаривали? — улыбнулся он.

— Ну да... — она повозила шваброй по полу. Вскинулась: — Что ж мы таблетки-то!

Метнулась на кухню. Кирилл, улыбаясь, посмотрел ей вслед. Взял ведро, понес его выливать.

Он успел сделать несколько шагов. Переваливаясь на неровных колеях, из леса с грохотом выскочила грязная желтая «Газель», затормозила у ворот.

Кирилл сделал шаг к воротам, потом метнулся назад, бесполезно крикнул в сторону дома:

— Аня!

«Газель» нетерпеливо загудела, дверь водителя приоткрылась, выглянул усатый крепыш.

— Ворота открой, епть! — закричал он.

Кирилл выплеснул грязную воду, бросил ведро, подскочил к воротам, торопливо завозился с задвижкой.

В дверях террасы показалась Аня, скрылась в глубине дома. «Газель» проехала в глубь участка, развернулась.

— Пять минут! — закричал водила.

Кирилл заглянул внутрь.

Машина была переполнена. Не только сесть, но встать в ней было негде. Между сиденьями стояли вещи, на них тоже сидели, кто-то стоял, согнувшись и упираясь рукой в крышу. Выходить, кроме водителя, никто не стал.

— А мы куда же? — растерялся Кирилл.

— Да хер его знает, куда, — сказал водила. — Вещи где?

Кирилл побежал к дому. Оттуда уже выходила Аня, тащила сумку. Он выхватил у нее сумку, побежал к машине, остановился перед ней — втиснуться было некуда. Поставил на землю, сказал Ане:

— Я сейчас!

Помчался к дому, вбежал в комнату, стал заталкивать вещи в сумку, разворошил постель, стал снимать белье, потом бросил. Затолкал вещи как мог и, не застегивая сумки, побежал к выходу. Навстречу попалась Аня.

— Вы дверь закроете? — спросил он.

— Конечно. Вы все взяли?

— Да! — крикнул он уже с улицы.

Подбежал к машине.

Попытался втиснуться внутрь, но едва поставил ногу на ступеньку, как изнутри донесся возмущенный гул.

— Да вы ох...ели, что ли, как сельдей сюда, — запротестовала бабка в толстом пальто, сидящая с краю.

— Правда, ну куда вы лезете, в самом деле, — женщина поинтеллигентней.

— Ну, а как же нам ехать? — спросил Кирилл.

Не стал лезть сам, поставил сумку на верхнюю ступеньку.

— Да как хочешь, мать твою! — небритый мужик уперся ногой в сумку, не пуская ее дальше.

— Вы что! — Кирилл возмущенно обернулся к водиле, который курил недалеко от него. — Товарищ водитель, скажите им, что это такое.

— А я чего, — сказал водила. — У меня чего — «Икарус»? Езжайте следующим, вроде еще будет.

Кирилл молча и яростно полез в машину. Тут и в него, и в сумки уперлось уже несколько рук.

— Давай его, нечего! — вступили из глубины салона.

— Давай, давай!

Ему удалось влезть на первую ступеньку, но держаться было не за что, а сопротивление стало таким яростным, что он, пошатнувшись и чуть не упав на спину, спрыгнул на землю.

Аня уже стояла около водилы.

— Аня, я не знаю, что делать, — растерянно сказал Кирилл. — Звери какие-то.

— Ага, еще и баба с ним, — сказал тот же небритый.

— Да ладно, — вдруг кокетливо отозвалась Аня. — Обидно, что не ваша баба? А?

Кирилл удивленно взглянул на нее.

— Иди ты в жопу, — стушевался мужик.

— Вот ты напугал меня, — засмеялась Аня. — Послал — не дойти, да? — Она повернулась к водиле, который, ухмыляясь, слушал их. Спросила: — Что, совсем беда?

Тот мотнул головой на салон.

— Не видишь?

— А рядом с вами?

Из двух мест рядом с водилой было занято только одно.

— Со мной... — замялся водила. — Со мной — это такое дело. Мне еще чинов из поселка забирать. Их на крышу?

— Да бросьте, их, небось, уже на «меринах» увезли давно, а народ мается. Чины, они знаете, где уже сейчас.

— Не говори, — сказала бабка в пальто. — Как сельдей.

Водила задумался.

— Ну возьмите, — Аня даже слегка подтолкнула его плечом. Он качнулся и довольно ухмыльнулся. — Возьмите. Мы худенькие, влезем.

— Чего, мужик плохо кормит тебя? — спросил водила, открывая дверцу. Мотнул головой пассажиру, чтобы тот вылез.

Сонный парень в накинутом на голову капюшоне спрыгнул на землю. Аня стала карабкаться на его место. Водила подсадил ее, довольно откровенно хватая за ягодицы. Аня, игриво улыбаясь, хлопнула его по руке.

— Да не, где надо, упитанная, — сказал водила.

— И полапает заодно, — выглянул из салона небритый.

Кирилл попытался встать между водилой и Аней, но тот уже отпустил ее, подавал сумку. Повернулся к Кириллу, подмигнул ему.

— Командир, плохо греешь бабу! Чего она у тебя худая такая? И мерзлая! — Крикнул Ане: — Давай, ближе ко мне двигайся! Я тебя согрею!

Аня улыбнулась, взяла сумку, чуть подвинулась к водительскому сиденью.

— Теперь чего, ты давай, — сказал водила парню в капюшоне. И Кириллу: — Это брательник мой, не ссы.

Парень влез на сиденье, придвинулся к Ане.

— Ну давай! — сказал водила.

Кирилл поднял с земли сумку и, не говоря ни слова, пошел назад, к дому.

— Э! — закричал водила. — Ты больной, что ли?

— Кирилл! — Анин голос.

Он не оборачивался, шел к дому.

— Кирилл, ну вы что? — Аня догнала его, взяла за запястье.

Он аккуратно высвободил руку.

— Аня, все в порядке, я поеду следующим рейсом.

— Да каким рейсом, Кирилл?!

Он остановился, не глядя на нее, в землю сказал:

— Аня, езжайте, со мной все будет в порядке.

Быстро пошел к дому.

Аня, помедлив, пошла назад.

Дойдя до террасы, Кирилл увидел, что она заперта.

Было слышно, как хлопнула дверца «Газели», она завелась, тронулась с места.

Кирилл спустился со ступенек, стараясь не смотреть в сторону уехавших, обогнул дом, подергал дверь. Там тоже было закрыто.

Он поставил сумку, опустился на ступеньки.

Из-за угла дома появилась Аня. Подошла, встала над ним. Спокойно спросила:

— Что случилось?

— Почему вы не уехали? — спросил Кирилл угрюмо.

Она не ответила, открыла дверь, внесла сумку внутрь.

Он остался сидеть на ступеньках.

Спустя несколько мгновений, Аня появилась на пороге.

— Выпить хотите?

Он повернулся, внимательно посмотрел на нее.

— Хочу.

«Газель» вырулила на дорогу — ту самую, на которую выходил Кирилл. Машин на ней стало немногим меньше,

но они уже двигались — очень медленно, как в плотной московской пробке, но двигались. «Газель» сунула нос перед зазевавшейся машиной, стала встраиваться. Парень в капюшоне включил радио, сел поудобнее.

Сидели на кухне. Пили красное вино. Аня подцепила с тарелки кусок сыра и, жуя, подошла к чайнику, нажала кнопку. Он невольно проводил оценивающим взглядом. Налил себе и ей. Она, не оборачиваясь, сказала:

— Простите, я весь сыр съела. Очень сыр люблю.

— Ешьте на здоровье. Я к нему равнодушен.

Она вернулась к столу.

Взяли стаканы.

— Может, на брудершафт? — сказала она. — Мне кажется, мы тут вечность уже.

Кирилл замялся.

— Я... не готов.

Она удивлено посмотрела на него.

— В смысле.

— Ну, я как-то не могу.

— Что вы не можете?

— Так сразу — я как-то не могу. Извините. Это только уважение, не подумайте ничего такого.

Она пожала плечами, выпила. Он тоже.

— И как нам теперь жить, Кирилл? — спросила она.

— Я постараюсь, — отозвался он.

Она засмеялась.

— Да нет. Я про то, как нам теперь отсюда. Еда кончается. Можно, конечно, в деревню сходить, но там вряд ли что осталось.

Он налил еще полстакана, проглотил, уставился на нее потяжелевшим взглядом.

— Пожалуй, нам пора остановиться, — аккуратно сказала она, глядя на стакан.

— Нет ничего ужаснее фразы «а не много ли ты пьешь», знаете?

Она смешалась, взяла пульт, пощелкала по неработающим каналам. Вскинулась:

— Что ж мы йод!.. — Захлопотала, принесла таблетки, налила воды: — А ваши где?

Он пожал плечами.

— Сунул куда-то.

— А сколько их... — спросила по инерции, потом остановилась: — Вы не будете, что ли?

Он помотал головой.

Она молча выпила две таблетки, спросила сама себя:

— Или три?

Кивнула, выпила третью, он иронично наблюдал за ней. Она задумчиво повертела пачку в руках. Надорвала еще одну, потом остановилась.

Он не выдержал.

— По шесть.

— Смеетесь?

— Да по шесть, говорю вам!

— Отравить хотите?

Она заулыбалась, а он обиделся.

— Вы в своем уме?! — встал, пошел в свою комнату.

— Кирилл, да вы что? — удивилась она.

Пошла за ним.

— Конечно, шесть, я вспомнила, вот, смотрите, я пью, ну Кирилл, ну вы что?

Остановилась в дверях. Он уже уткнулся в компьютер.

— Кири-илл, — кокетливо протянула Аня. — Ну простите глупую шутку, хотите, я еще шесть выпью, а?

Он молчал.

— Кирилл!

Тишина. Она, улыбаясь, смотрела на него.

— Ну хорошо, а хотите, выпью живой йод?

Метнулась на кухню, нашла в холодильнике маленький пузырек, поспешила с ним обратно.

— Смотрите!

Он не повернулся.

Она стала отвинчивать крышку, внимательно глядя на него. Он стучал по клавишам. Она наконец сказала:

— Кирилл, я пью!

Посмотрела на пузырек. Задумалась, быстро покосилась на Кирилла. Поднесла пузырек к губам, отдернула. Кирилл отвлекся и наблюдал за ней поверх экрана ноутбука. Опять поднесла, стала медленно закидывать голову...

Он бросился к ней, уронив компьютер.

Выбил пузырек из рук — темная струя поползла по Аниному подбородку, дорожка из капель мгновенно про-

явилась на сарафане, пузырек завертелся на досках пола, выплюнув остатки.

— С ума сошли?!!

Кирилл стоял напротив Ани, испуганно и зло смотрел на нее. Она растерянно взглянула в ответ. Осторожно высунула язык — на него тоже попало — приложила к нему тыльную сторону ладони и тут же отдернула: сожгла. Вытерла подбородок и размазала невысохшую струйку.

— Это вы... с ума... — сказала немного шепеляво: наверное, было больно.

— А вы что?! — он очень разозлился, почти кричал.

— Да я не собиралась, просто...

— Что «просто»?

— Хотелось вас как-то... растормошить... А то вы все время такой невозмутимый...

Он продолжал яростно смотреть на нее, постепенно осознавая смысл слов и остывая. Наконец сказал почти иронично:

— Ну? Растормошили?

— Ага, — она опять аккуратно дотронулась до подбородка. — А вы что, решили, что я правда пить собралась?

— Кто вас знает, — пробормотал он, отвернувшись. Но смутился. Поднял ноутбук, стал вертеть в разные стороны: не сломал ли. Опять забарабанил по клавишам наугад, лишь бы не смотреть на нее.

— Слушайте, больно! — недоуменно сказала она, опять дотронувшись до языка.

— Так вам и надо, — еще тише пробормотал он.

Она услышала, подобрала пузырек с пола, молча вышла из комнаты. Он посмотрел вслед, растер ладонями лицо, опять уткнулся в компьютер, но, пару раз стукнув по клавишам, бросил это дело, расстроенно уставился в окно.

Вскочил, пошел на кухню.

Она стояла у плиты.

— Дайте, — вошел решительным шагом. — Дайте посмотреть.

Подошел к ней, взял обеими руками за голову, повернул лицо к себе, провел пальцами по верхней губе, осторожно перешел на нижнюю, обожженную. Чуть отодвинул губу вниз.

Аня смотрела ему в глаза. Он тоже взглянул на нее. Застыли.

Зазвонил телефон.

Она поспешно высвободилась, засуетилась.

— Откуда, где? Где?

Он подал ей звонящую сумку. Вышел из комнаты.

Пока она рылась в сумке, телефон смолк.

Нашла его, посмотрела, кто звонил.

Равнодушно отложила телефон в сторону.

Кирилл в своей комнате ходил из угла в угол.

Аня появилась на пороге.

— Наверное, уже поздно, — сказала она.

— Ну да, — отозвался Кирилл, не глядя на нее.

— Спокойной ночи?

— Спокойной! — браво отсалютовал Кирилл.

Она вышла. Кирилл сделал несколько шагов вслед, но остановился.

— Спокойной! — тихо передразнил он сам себя: и слова, и жест.

Опять заходил из угла в угол. Сел.

Стало слышно, как Аня поднялась наверх. Ее шаги. Стук переставленного стула.

Он вышел на кухню. Сложил посуду в раковину. Включил воду, но мыть не стал, выключил. Выпил еще. Приоткрыл дверь кухни — на полу в маленьком предбаннике лежал квадрат света со второго этажа.

Он сел к столу. Прошел в комнату. Вернулся на кухню. Опять вернулся в комнату и стал стелить кровать. Сел на кровать в одежде, потом вскочил и выключил компьютер. Опять сел. Наконец медленно встал, подошел к выключателю и выключил свет. Выглянул в окно как раз в тот момент, когда еще один квадрат света — из Анино-го окна — исчез с темного газона.

Кирилл стал считать вслух:

— Один, два, три, четыре, пять...

Дошел до двадцати, перешел на шепот, пошел на кухню и, перестав считать, тихо открыл кухонную дверь.

Прислушался.

Сверху не доносилось ни звука.

Кирилл стал тихо подниматься по лестнице. Остановился нерешительно, пошел дальше. Оступился, но удержал равновесие. Поднялся на один пролет, остановился на площадке. И пошел назад.

В комнате у Ани зазвонил телефон. Послышался ее голос:

— Алло?.. Привет!..

Кирилл остановился, стал слушать.

— Никак не можем выбраться!.. Тут авария у нас какая-то... Нет, Павел не доехал... Да у меня здесь все равно Олежкин... алло!.. я говорю, Олежкин гость... Что?.. Дура!.. — она засмеялась, потом кокетливо сказала: — Ну... ничего себе так, вполне... алло!.. Погоди, сейчас!..

Анин голос на последних словах стал ближе. Кирилл заспешил вниз. Оступился. Закачался, схватился за лыжу — та поехала вперед. Ее пришлось отпустить и сделать шаг вперед.

Нога попала между ступенями и стеной.

Аня остановилась на площадке наверху.

— Алло!.. Так слышно?

Кирилл сел на корточки, стал тащить ногу.

— Тут лучше ловится, я еще сейчас спущусь... Что?.. Обидно, засели, я теперь на презентацию не успею из-за этой... Да, мне кажется, ерунда все это... Алло!.. Алло-о!..

Кирилл скорчился и затих, стараясь не дышать. Послышались шаги. Кирилл задергал ногой, опять затих, схватился за голову. Шаги стихли.

— Давай, я перезвоню!.. Что?.. А, ну ладно тогда... Да нет, не волнуйся, все нормально. Что-нибудь придумаем. А у вас ничего не слышно?.. Ну, вот и я думаю, это паника просто... Ага... Ну ладно, ага, давай, пока.

Шаги стали удаляться. Скрипнула дверь наверху. Кирилл тихо засмеялся.

Продолжая смеяться, рванул ногу из щели и тут же зашипел от боли.

В деревне было безлюдно. Отсутствие людей не портило пейзажа — напротив: нежная зелень на дорогах, распускающиеся цветники во дворах, кое-где через забор тянулся жасмин, нежно розовел шиповник. Они обошли трупик собаки на дороге — Кирилл не удержался и наклонился.

— Не наша, — не оглядываясь, сказала Аня.

Дальше шли молча. Кирилл прихрамывал, шел немного сзади.

— Это глупо! — раздраженно сказал он. — Деревня пуста, а магазин работает?!

— Давайте хотя бы посмотрим!

— Что посмотрим, зачем!

Она не отзывалась, шла впереди.

Он остановился, посмотрел вслед — легкая фигурка, кудряшки. Как будто она не потеет, никогда не натирают туфли, не чешутся комариные укусы.

— Хорошо, давайте посмотрим! — пробурчал он.

Поплелся за ней. Все равно магазин уже был виден впереди.

За ним, у самой дальней избы, шевелилась какая-то жизнь, кто-то двигался: лошадь, корова, человек — не видно.

— Слушайте, а о чем ваша диссертация? — вдруг обернулась она.

Он не ответил.

— Кирилл!

— А что? — неохотно спросил он.

— Ну, так.

— О Тютчеве.

Она помялась.

— Можете как-то... я не знаю... не в двух словах, конечно, но...

— Зачем вам?

Они дошли до магазина. Сорванная дверь висела на одной петле. Одно окно выбито. Они остановились, посмотрели друг на друга.

— Может, там что-нибудь осталось? — спросила Аня.

— Мародерство предлагаете? — брезгливо спросил он в ответ.

Она вошла. Помедлив, он вошел следом.

— Ну так что, расскажете?

Она осматривала магазин.

Губки для чистки обуви. Карманные зеркальца. Из еды — вздувшиеся пакеты молока, пара заплесневевших буханок, увядшая зелень, дрожжи.

— Зачем, я не понял.

— Хочется же понять, что у вас на душе.

Они аккуратно прошли по битому стеклу. Аня взяла хлеб, покрутила в руках.

— Не вздумайте, — сказал Кирилл.

— Да, наверное, — она положила его назад. — Ну что, это тайна такая?

— Вам не будет интересно.

— А вы попробуйте.

— Если очень хочется что-нибудь взять, рекомендую зеркало, — не удержался он, глядя, что она взяла теперь упаковку дрожжей.

— Такая страшная?

Подошла к разбитой витрине, попыталась заглянуть в лежащее там зеркальце.

— Нет, почему, вы красивая, — зло сказал он.

Отошел в сторону. Она посмотрела вслед.

— Ладно, возьму зеркало!

— Я пошутил! — сказал он от дверей.

Она остановилась, посмотрела на него.

— Хорошо, — высокомерно и по-прежнему раздраженно сказал он. — У Тютчева есть такое стихотворение, «Mal'aria».

— Малярия?

— Именно так. Mal'aria — по-латыни «зараженный воздух». Он написал его об эпидемии чумы в Риме. «Все та ж высокая, безоблачная твердь, / Все так же грудь твоя легко и сладко дышит, / Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет, / Все тот же запах роз, и это все — есть Смерть!..» Вот об этом. Понятно?

— Понятно.

— Что вам понятно?

Она не ответила. Прошла за прилавок, присела и скрылась за ним.

— Это у меня на душе, если интересует, — сказал он в направлении прилавка. — Два мира. Бездна — и живописный покров над бездной.

Она вынырнула из-за прилавка.

— Два мира — два детства, — сказала она через паузу. — Два кадетства...

Пошла вдоль прилавка.

— Совершенно верно. Очень точно.

Она заглянула за полуотворенную дверь подсобки. Он завелся, не ждал наводящих вопросов.

— Когда грохнуло в восемьдесят шестом, очевидцы вспоминали, что все было потрясающе красиво, как никогда: зелень, цветы такие, небо голубое... Но только ни к чему нельзя было прикасаться, понимаете? Цветы — рвать и нюхать, на траве — сидеть... Понимаете?

Она вынырнула из подсобки.

— То есть вернемся — помоем чулан?

— Да, можно, — сказал он со все возрастающим раздражением. — Можно и так понять. Но я не про это.

— Кирилл, я пошутила.

Он коротко и зло кивнул.

— Так вот, — он все равно решил договорить, говорил все быстрее и агрессивнее, пошел за ней, зашел за прилавок. — Ладно трава — на остановках нельзя было садиться, на них, кстати, в первую очередь, они же собирают очень хорошо это дело, железные скамейки, понимаете? Все собирает эту гадость, все ей пропитано, все вокруг и все, вы понимаете меня?!

Он достал сигареты, остановился прикурить. Не получилось.

— Да.

Он швырнул неприкуренную сигарету на пол.

Она удивленно посмотрела на него.

— Да нет, я правда поняла, Кирилл, — сказала Аня.

— Что вы поняли?! — закричал он. — Что вы можете понять? У вас органа такого нет, которым понимают подобные вещи! Не входит в комплект!!

— Кирилл, вы что? — изумленно спросила Аня.

— Я — ничего! Вот вы — что?! — он подошел к ней вплотную. — Вас чем-нибудь можно вообще пронять, задеть, а?! Вас что-нибудь трогает? Или кто-нибудь?! Ваш неиссякаемый позитив вообще можно нарушить чем-нибудь? Хотя бы оскорблением?! Вас хоть что-то в себе не устраивает, а?!

Он достал сигарету, руки дрожали. Налетел неожиданный порыв ветра, хлопнул входной дверью. Сигарету задуло. Аня сделала руки ковшиком. Ковшик обнял его руки.

— Не дотрагивайтесь до меня!! — закричал он.

Отпрянул в сторону, почти отскочил. Налетел на витрину.

Оба замерли.

С ужасом, как бы приходя в себя, он посмотрел на нее.

Аня тяжело вздохнула и вышла из магазина.

Дверь закрылась за ней.

Он не стал догонять, стоял, смотрел вслед. В разбитой витрине запоздало упал кусочек стекла.

Стемнело, когда Аня вернулась на дачу. Дверь террасы была открыта, но на этот раз бабулька не покинула свои пакеты — смирно сидела, прислонив их к ножке стула.

— Что вы здесь делаете? — устало спросила Аня.

— Я здесь живу, — спокойно ответила бабулька. — Это мой дом. Я родилась здесь.

— Ну как вы родились, — Аня присела на соседний стул. — Мы эту дачу только лет пять как построили.

— Если бы вы сразу спросили, — традиционно отозвалась бабулька.

— Пожалуйста, уходите, — сказала Аня. — Здесь живу я и мой муж Олег.

— Нет, — спокойно сказала бабулька. — Здесь я живу.

— Светало... — задумчиво, самой себе сказала Аня. — Вечерело... А они сидели на террасе и вели диалог... Что вам дать, чтобы вы ушли? Денег? Или еды?

— Еды, — сказала бабулька.

— Как просто, — сказала Аня и пошла на кухню.

Быстро нарезала бутербродов, отдельно положила зелень, прибавила пакет сока.

Бабулька внимательно следила за ней.

— Пойдет? — спросила Аня.

Бабулька молча протянула руку, взяла пакеты.

— Приду завтракать, — сказал она, — раз вы меня домой не пускаете.

Аня молча села на стул, устало махнула рукой: «делайте, что хотите». Включила телевизор.

Бабулька ушла.

На террасе переставила пакеты в угол, достала из них свернутые тряпочки и удалилась.

Аня смотрела на экран телевизора. Зевнула и потрясла головой, прогоняя сон. Взяла со стола кусок сыра. Отправила в рот. Кончился рекламный блок. Она взяла пульт, пощелкала, отыскивая еще рекламу.

Было темно, но Кирилл все еще оставался в магазине. Он сидел в подсобке — там остались кресло и небольшой столик.

Наконец он встал, перешел в основное помещение, подошел к окну.

Было совсем темно.

Он вышел из магазина.

Дома наполовину погрузились в туман. Небо же было ясное; в нем неподвижно стояли отчетливые крупные звезды, и пряничный месяц возвышался над ними.

Кирилл остановился, огляделся.

Вдалеке звякнуло чем-то жестяным.

Кирилл пошел на звук.

К счастью, фонари еще светили. Через некоторое время он различил невнятное шевеление возле крайнего дома. Вроде черная тень отлипла от дома и скрылась в глубине двора. Опять звякнуло чем-то жестяным.

Кирилл медленно двинулся к этому дому, и чем ближе он подходил, тем явственней слышался жестяной звук — как будто пинают пустое ведро.

Потом звук прекратился — Кирилл был уже недалеко от дома, и в ясном лунном свете стало хорошо заметно, как из глубины двора вышел мужчина и остановился у ворот.

— Здравствуйте! — сказал Кирилл.

Мужчина не отозвался, но и не ушел.

— Простите, вы не подскажете, — подходя ближе, опять заговорил Кирилл, — как до какого-нибудь населенного пункта добраться? Где тут есть, вообще, райцентр какой-нибудь или я не знаю?

Он подошел уже так близко, что человек стал хорошо виден. Это был молодой парень лет двадцати пяти, очень некрасивый.

— Помогить... га... тать... — тихо и неразборчиво сказал он.

— Что, простите? — Кирилл невольно вытянул шею вперед и так, с по-гусиному вытянутой шеей, подошел к парню.

— Помогить оргазм испытать, — очень быстро сказал парень и придвинулся к Кириллу.

— Господи помилуй! — ошалело сказал Кирилл и, поспешно отступив назад, быстро зашагал прочь.

Сзади послышались шаги.

Парень заговорил очень быстро и очень тихо, почти неразборчиво:

— Я тебь больн не сделаю, я счас подойду тольк, смотри, тебь возьму, а ты мень тоже здесь, смотри...

Кирилл ускорил шаг, парень не отставал.

— Иди ко мне, я тебь больн не сделаю, я тебь вот тут...

И он, подскочив ближе, скользнул ладонью Кириллу между ног.

Задохнувшись от отвращения, Кирилл повернулся и, не глядя, ударил в направлении парня.

Тот успел отскочить и засмеялся.

Кирилл отвернулся и почти побежал вперед, парень не отставал, продолжая быстро и неразборчиво говорить.

— Отстань от меня, сука! — закричал Кирилл, приостанавливаясь и тут же припуская по дороге. — Я не знаю, что с тобой сделаю!

— А я не боюсь тебь! — радостно сказал парень. — Давай, ударьть хочшь? Давай!

Кирилл остановился и с отчаянием опять махнул кулаком в направлении парня. Удар пришелся куда-то в лоб.

— А! — коротко выдохнул парень. — А-а-а, еще, помогить!..

Он подскочил к Кириллу и, повторяя на одной ноте протяжное «а-а-а», приник к его телу, цепко и метко орудуя руками.

— Сво-о-о... — застонал Кирилл, пытаясь оттолкнуть парня, который, как кошка, цеплялся за его одежду, руки, тело, рвал брючный ремень, лез за воротник.

Наконец он уперся парню рукой в лицо и из последних сил толкнул его от себя.

Они оба качнулись вперед, но Кирилл удержался на ногах, а парень, выпустив его, сел на землю. Он тут же попытался встать, но Кирилл, громко выдохнув, ударил его ногой под подбородок. Парень упал. Кирилл рванул с места, споткнулся, несколько шагов пробежал, почти падая, но вновь удержался на ногах и понесся вперед.

Деревня кончилась, он, всхлипывая, побежал по лесу, ломая ветки, путаясь в кустах, спотыкаясь о корни. Наконец лес стал таким густым, что бежать дальше стало невозможно. Кирилл упал на колени и зарыдал громко, по-театральному, навзрыд.

Рано утром в лесу было тоже очень красиво: лимонное солнце, капли росы на траве, легкая голубоватая дымка между деревьями. По-прежнему очень тихо и безветренно.

Кирилл был в сандалиях, и не только носки — низ брюк намок от росы. Он остановился; пошатываясь на одной ноге, расстегнул сандалию и снял носок. Ссадина посинела и немного опухла. Снял второй носок, чуть не упав. Смятые мокрые носки сунул в карман куртки.

Пошел, продираясь сквозь кусты — ни дороги, ни тропинки.

Неожиданно очень близко проревел мотор, как будто на большой скорости пронеслась машина.

Кирилл остановился, оглядываясь.

Неуверенно шагнул в сторону от своего маршрута — вроде маячил какой-то просвет в той стороне.

Он прошел несколько шагов, и звук повторился, теперь медленнее и тяжелее, как от грузовика.

Кирилл пошел быстрее и увереннее, и действительно деревья как будто расступались перед ним, а дорога становилась все виднее и виднее.

С трудом продравшись сквозь изгородь из кустов, он шагнул на шоссе.

Оно было пусто, и в обе стороны, насколько хватало глаз, тянулось ровной просекой в густом зеленом коридоре.

Он сделал несколько неуверенных шагов в одну сторону, но остановился. Постояв немного, пошел в другую сторону. Опять остановился.

Впереди — там, куда он собрался идти, показалась точка машины. Она быстро увеличивалась, приближаясь. Кирилл остановился, не двигаясь, смотрел на машину.

Когда она была совсем близко — это оказался кокетливый красный кабриолет с открытым верхом, — он поднял руку. Но машина, в которой ехали две девушки с киношно развевающимися длинными волосами и шарфами, пронеслась мимо, не останавливаясь, и уже после того, как она промчалась мимо, до Кирилла долетел их легкий звенящий смех.

Он пошел вслед машине. Она быстро удалялась, скоро превратилась в точку и исчезла в конце коридора.

Кирилл не прошел и пятисот метров, как вдали — там, куда умчались веселые девушки, — показалась новая точка.

Она оказалась белым мини-вэном наподобие маршрутного такси. Кирилл опять поднял руку, и на этот раз машина затормозила.

Это действительно была маршрутка — с номером на лобовом стекле и названиями пунктов. Кирилл подошел к двери, на ходу шаря в карманах, но остановился.

Зашел со стороны водителя — пожилого сумрачного кавказца — и сказал:

— Я заблудился. У меня нет денег.

Кавказец молча мотнул головой в сторону салона.

В салоне ехала спокойная воскресная публика: пожилая пара с садовой утварью и похмельный парень, напряженно моргающий заплывшими глазами. Кирилл сел рядом с дедом в парадном пиджаке. Сидел, смотрел в одну точку. Дед достал из-за пазухи свернутую вчетверо бумажку, прочитал и положил назад. Посидел немного и опять достал бумажку. Кирилл скосил глаза на листок. Увидел, что это свидетельство о смерти.

— Скажите, — тихо спросил он, — а маршрутка куда идет?

— На «Щелковскую», — сказал дед.

— Как на «Щелковскую»? В Москву, что ли?

— В Москву.

Кирилл невольно оглядел пассажиров. На него никто не смотрел. Супруги тихо разговаривали, парень дремал.

Вечером въехали в город.

Москва преобразилась. Она была ослепительно красива. Вечернее оранжевое солнце, распустившиеся листья, свежие газоны, яркие цветы. Не менее яркие вывески мелькали по краям шоссе. Рекламные щиты, названия магазинов. Люди в разноцветной одежде.

Кирилл смотрел перед собой.

Поздним вечером он подошел к подъезду старого пятиэтажного дома. Дворик был забит дорогими иномарками, на лавочке пили пиво два пожилых мужчины в плащах и тапочках на босу ногу. Над ними склонился довольно крупный жасмин, покрытый белыми цветами. Небольшая клумба даже в темноте играла разноцветными тюльпанами.

— Добрый вечер! — сказал им Кирилл.

— Приветствую! — сказал один и поднял вверх бутылку.

Второй близоруко сощурился и, наклонившись к первому, вопросительно шепнул ему что-то.

— Киря, с пятого этажа, — громко ответил первый.

Тогда второй тоже поднял свое пиво — правда, Кирилл этого уже не видел. Он зашел в подъезд.

Громоздкий железный лифт довез его до четвертого этажа — дальше надо было подниматься пешком.

Наверху, на длинной площадке, вмещавшей две квартиры, курила старуха. Седые пряди, выбившиеся из пучка, висели вдоль лица. На ней было пестрое пончо, из-под которого виднелась рука на перевязи.

— Привет! — сказала она хриплым низким голосом.

Кирилл молча кивнул ей и позвонил в дверь.

— Ключ, что ли, забыл? — спросила женщина.

Кирилл так же молча кивнул.

Старуха раздавила сигарету в консервной банке и ушла в свою квартиру.

Кирилл позвонил еще раз. Защелкал замок.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти. Она удивленно нахмурилась, уви-

дев Кирилла, но, ничего не спрашивая, отступила в глубь квартиры, пропуская его внутрь.

Кирилл прошел, устало снял обувь, хотел идти дальше, но спохватился, схватил сандалии, прошел с ними на кухню, на ходу доставая из кармана носки, оторвал от пачки мешок для мусора и кинул туда и сандалии, и носки. Снял куртку, кинул следом. Стал раздеваться дальше, заталкивая вещи в мешок.

— Кирилл, что случилось? — спросила женщина. — Где сумка, компьютер?

— Мариш, потом, — сказал он. — И не подходи ко мне. Это опасно. Что здесь говорят?

— Что говорят?

— Об аварии.

Он разделся догола, завязал верх мешка узлом, пошел в душ.

— Какой аварии? — спросила Марина, останавливаясь у двери ванной.

— Проехали, — донеслось из-за двери. — Все потом. Я устал. Я шел пешком от «Щелковской».

— Да почему?!

— У меня нет денег.

— Тебя обокрали? С тобой все в порядке?! Кирилл!

В ванной зашумела вода.

— Неизвестно что! — сказала Марина.

Приподняла мешок, поставила назад. Пошла на кухню, но, постояв в недоумении, опять вернулась к ванной.

— Кирилл! — сказала она.

Он не ответил.

Кирилл стоял под душем, яростно мылился, смывал, опять намыливал мочалку и тер себя изо всех сил.

Ночью в глубине двора, у ограды, он выкопал небольшим железным совком яму, насколько возможно глубокую, и отправил туда мешок. Засыпал землей, потопал сверху как следует. Пошел к подъезду. В свете фонаря деревья у подъезда казались сделанными из золота.

Утром солнце пробралось сквозь плотные шторы, легло на пол яркими полосками.

Кирилл открыл глаза.

Повернул голову. Марина не спала. Почувствовав, что он проснулся, тоже повернулась к нему. Сделала движение встать.

— Подожди, не надо, — сказал Кирилл.

Удержал ее, уже севшую в постели, за руку.

— Я бросил в лесу женщину, — ровным голосом сказал он.

— Что?! — повернулась Марина.

— Там, на даче, была жена Олега. Я ее там оставил.

Марина отвернулась, не глядя спросила:

— Почему ты вчера не сказал?

Он промолчал.

Она вздохнула и опять попыталась подняться.

— Не надо! — торопливо сказал Кирилл.

— Да что, Кирилл, что происходит?! — закричала Марина. — Сначала какая-то мифическая авария, о которой никто не знает! Потом женщина в лесу! Что, я не понимаю ничего!

— Там была девушка, — сказал Кирилл. — Жена Олега. Она не должна была приехать, по крайней мере Олег об этом ничего не знал. Но она приехала. По-моему, она собиралась там встретиться с любовником. Но тут случилась авария — или я не знаю, что там случилось. И я оказался заперт на этой даче. Как я тебе вчера уже сказал.

— Но вместе с ней, — добавила Марина. — Чего ты мне вчера не сказал.

— Вместе с ней.

— Она молодая?

— Лет... не знаю. Тридцать, наверное. Около того.

Марина досадливо отвернулась.

— При чем здесь возраст, — сказал Кирилл. — Она была... такая... легкая. Я не знаю.

Марина взяла с тумбочки сигареты, закурила. Дальше слушала, отвернувшись.

— Это то, о чем я все время думаю, — сказал Кирилл, тоже не глядя на нее. — Легкость. Я не про тебя — я про себя. Понимаешь, она же ненастоящая, если копать. Рекламщица. Обер-

точница. Она... я не знаю, но я уверен... она наверняка думает, что развивает мозг, когда читает какого-нибудь Коэльо... Да хоть Розанова, не важно!.. — Он торопился, подбирал слова, перебивал сам себя, горячился все сильнее, но не мог сформулировать того, что хотел: — Нет, сейчас... У них стеклопакеты — в деревянном доме, понимаешь?! Они думают, что общаются, когда по очереди говорят с подругой: «А я...» — «Нет, а я...» Они поставили свечку в церкви — и думают, что живут духовной жизнью! Твою мать, я не знаю, как это объяснить!! Это все неправда, понимаешь?! Бесконечная гармоничная, легкая — неправда! Жизнеподобие, имитация!.. Я не знаю... Понимаешь, как же мы так себе верим, а?! Почему же мы так себе доверяем, а?!!

Он досадливо замолчал.

Марина докурила, погасила сигарету. Помолчав, спросила:

— Как ты ее оставил?

— Мы пошли в магазин, в деревню, поссорились, она ушла домой, я остался. Потом... не важно, потом заблудился. Только к утру вышел на дорогу, сел в маршрутку. Она ехала в Москву. Я не знаю, как называется место, где мы были. Я не знаю телефона Олега — он на бумажке, остался там, с вещами. Я ничего не знаю, Марин!

— Ты... влюбился в нее?.. — полувопросительно спросила Марина.

— Я не знаю! — с отчаянием выкрикнул Кирилл.

Она вскочила с постели и, решительно подойдя к окну, одним движением отодвинула тяжелую штору.

— Не открывай! — запоздало попросил он.

В комнату хлынул солнечный свет.

Никакой Москвы за окном не было. Буйная и праздничная зелень. Облака черемухи, розовые цветки шиповника под ними, лиловые и белые — сирени. Желтая мать-и-мачеха, миниатюрные красные тюльпаны.

Ярко-синее небо. Ослепительное солнце.

ОПЫТ

Анкета «ИК»

1. В чем вы видите главное отличие современных сценариев от классики — работ Гребнева, Лунгина и Нусинова, Клепикова, Дунского и Фрида, Рязанцевой, Финна, Миндадзе, Габриловича, Шпаликова и других мастеров? В каком направлении, по-вашему, развивается сейчас кинодраматургия (и развивается ли вообще)?

2. Сразу ли вы видите ваших героев в качестве киноперсонажей? На какой стадии работы подключается режиссер? Часто ли совпадает ви́дение режиссера с вашим?

3. Какую роль вы играете непосредственно в процессе создания картины? Как строятся ваши отношения с режиссером?

4. Что вы чувствуете, когда видите воплощение вашего замысла на экране?

5. Сегодня все чаще молодые режиссеры предпочитают снимать картины по собственным сценариям. Как вам кажется, с чем это связано?

НИКОЛАЙ ДОСТАЛЬ

1. Какими бы талантливыми ни были наши классики, раньше они всегда были ограничены идеологическими и цензурными рамками. Сейчас же можно писать о чем угодно, как угодно и, к сожалению, делать это может кто угодно. Здесь есть и положительные, и отрицательные стороны. Появилась свобода в выборе тем, героев, мест действия. Для меня это главное отличие. А в каком направлении развивается кинодраматургия — это уже вопрос не к режиссеру, а к кинокритикам, киноведам и искусствоведам. Я даже не уверен, что она вообще развивается, а уж в каком направлении — тем более. Тут мне сложно дать какой-то комментарий.

2. Конечно, чем раньше режиссер подключится к работе, тем лучше. Например, первый вариант пишет сценарист, а уже на втором варианте подключается режиссер. Разумеется, делать это стоит, только если режиссер чувствует, что это его материал. Если же видение сценариста и режиссера абсолютно не совпадает, то последнему не стоит браться за этот сценарий. Либо надо убедить сценариста, или же себя в том, что какое-то взаимопонимание все-таки есть. Иначе это будет не работа, а конфронтация. Я допускаю совместное написание сценария, и у меня был такой опыт. Недавно, например, мы с Михаилом Кураевым написали сценарий большого многосерий-

«Штрафбат», режиссер Николай Досталь, автор сценария Эдуард Володарский

ного фильма «Раскол». Но в этом случае доля моего участия была минимальной, я выступал скорее в роли отборщика — что-то оставлял, что-то исключал — в основном то, что, как я чувствовал, не сможет полноценно перейти на экран.

3. В процессе создания картины сценарист не играет для меня почти никакой роли. Отношения наши строятся так: я обращаюсь к нему, когда надо изменить реплику, диалог, что-то дописать или убрать, о чем-то посоветоваться. То есть любая инициатива исходит от меня. Но это бывает не очень часто. А потом я показываю сценаристу уже почти готовую картину. Он вынужден соглашаться с такой ролью — ведь он уже отдал свое произведение «на съедение» «вампиру-режиссеру» или продюсеру. Взять, например, мой последний фильм «Петя по дороге в царствие небесное». Кураев увидел уже практически готовый фильм и, посмотрев его, сказал: «Да, Николай, это ваше кино». И из его слов я понял, что не все получилось так, как ему хотелось бы. Я ответил: «Ну конечно, мое, а как же иначе?» Все же режиссер — главный автор и конечный ответчик. Сценарий — это полуфабрикат, всего лишь трамплин, предтеча фильма. Сложно это говорить — многие авторы обижаются, хотя некоторые относятся с пониманием. Часто сценарист создает одного героя, а на экране видит совершенно другого. Но именно таким его увидел режиссер. Это непростая ситуация. Но некоторые авторы с этим мирятся, другие же готовы задушить режиссера за то, что он делает с его произведением.

4. Это связано со способностями, с талантом режиссера, с его умением выстроить сюжет, выписать героев такими, какими он их видит. Он может напи-

сать сценарий для себя или для кого-то другого — такое тоже бывает. Я считаю, это очень закономерный процесс, но и очень индивидуальный. У меня не было случаев, чтобы я снимал исключительно по своему сценарию, но я бывал одним из его соавторов.

Может, это также связано с тем, что режиссер не всегда находит сценарий или автора, который мог бы написать то, что он, режиссер, видит, представляет, чего он хочет. Наверное, если бы он прочитал сценарий, который бы ему на сто процентов понравился, он бы не стал писать сам. Может, есть режиссеры, принципиально снимающие только по своим сценариям, которые считают, что это и есть авторское кино в самом прямом и полном смысле этого слова. Вероятно, они никому больше не доверяют. Я же могу сказать, что не теряю профессионального любопытства и всегда с удовольствием прочитаю и сценарий Юрия Арабова, и работу выпускника ВГИКа, и мое мнение не будет зависеть от их опыта, уровня мастерства и прочих факторов.

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЬДОВИЧ

1. Честно говоря, я, к сожалению, читаю мало современных сценариев, поэтому не могу сказать, в чем отличия. Классические отечественные сценарии «золотой поры» во многом схожи с классическими голливудскими — видимо, какие-то исходные основания были одни и те же: это всегда были вещи, основанные на драматургии характеров. Независимо от того, какой записью эти сценарии записаны, русской литературной или американской в столбик. Кинодраматургия — это вообще консервативная, каноническая форма, в чем и состоит ее прелесть. Для написания сценария, основанного на этих правилах и канонах, заточенного под психологическую драматургию, нужна авторская и продюсерская культура. И, что важно, производственные возможности: потому что достоверность характеров не может сосуществовать с недостоверностью среды, с художественной недостоверностью режиссуры. Если вы пытаетесь сказать нечто убедительное на уровне сценария, у вас должно быть все не менее убедительно и в остальных компонентах, иначе все это становится бессмысленным. С какого-то момента начала выходить на первый план «клиповая» драматургия, то есть драматургия, заточенная под режиссеров, воспитанных на клипмейкерстве. Есть замечательные образцы этого жанра, например, фильмы Гая Ричи или некоторые картины Тони Скотта. Но это, слава богу, не весь спектр.

Наша «новая волна» в каком-то смысле основана на драматургии типа Театра.doc . Я знаю Сашу Родионова, он прекрасный мастер и сотрудничает как с Театром.doc, так и с кинорежиссерами. Но, мне кажется, драматургия Театра.doc в классическом ее смысле не совсем кинематографична. Она способна создать точный убедительный диалог, например, в сериале Валерии Гай Германики «Школа» диалоги, — кстати, многие из них написаны как раз Родионовым — просто отличные. Но так как эта драматургия выросла из документального жанра, из наблюдения и репортажа, она далеко лежит от той канонической драматургии, на которой основан кинематограф. А я все-таки верю в этот канон. Он может быть изменяем до неузнаваемости, но в этом прелесть кинематографа, так же как и других видов искусства, например, оперы. Прелесть — в этом определенном, десятилетиями формировавшемся порядке, который держит зрителя, помогает ему подключаться и сопереживать персонажам. Мне кажется, что в нашем современном кино традиция подобной качественной киносценаристики, за исключением редких случаев, почти утрачена. При этом потеряна не только крепкая профессиональная «мускулатура», но и традиция авторского лирического сценария, который был, кстати, не менее блистательно внутренне организован. Это линия, идущая от Шпаликова, Рязанцевой, Надежды Кожушанной — линия высокопрофесси-

ональная, у нее был определенный импрессионистский, сугубо местный российский колорит, очень ценный. И это тоже уходит, насколько я могу судить.

2. У меня в этом плане один опыт — я всегда работаю со сценаристом с самого начала. В некоторых случаях сценарии, уже после всех переговоров, были написаны авторами самостоятельно, что, кстати говоря, для меня создавало огромные проблемы. Я с самого начала, еще с короткометражных работ, всегда был соавтором сценариев своих картин.

3. У меня был разный опыт. Но если со сценаристом есть какое-то взаимопонимание, доверие к нему, в частности к его вкусу и слуху, то довольно часто возникает необходимость с кем-то посоветоваться, сделать шаг назад и посмотреть на то, что ты делаешь, со стороны. Сценарист в любом случае смотрит материал, я обычно предпочитаю показывать ему все отснятое. Он смотрит различные варианты монтажной сборки. И в этом смысле мнение человека, который находится внутри картины, но при этом фактически в стороне от повседневного съемочного процесса, крайне важно. Каждый сценарист по-

«Мишень», режиссер Александр Зельдович, авторы сценария Владимир Сорокин, Александр Зельдович

разному реагирует на конечный результат нашей работы. Владимир Сорокин, с которым мы сотрудничаем, говорит, что для него это момент, не лишенный определенной магии, — что-то было придумано на бумаге, названо, и вот оно здесь, на экране во плоти — герои ходят, разговаривают. Я думаю, что это, вообще то, волшебство, которое чувствует любой драматург, в том числе театральный. Конечно, все зависит от того, насколько автор и режиссер понимают друг друга.

4. Сам для себя писать сценарии я не люблю. Мне скучно делать это одному. А во-вторых, режиссура — это все-таки профессия интерпретации: должна быть какая-то дистанция по отношению к тому материалу, с которым работаешь. Сценарий все же должен быть чуть-чуть не твоим произведением, а писать его и потом самому воплощать мне кажется немного странным. Хотя бывает и по-другому, естественно. Но для меня лучше хоть в каком-то виде эту дистанцию иметь, чтобы в том материале, по которому снимаю, был не совсем уж «я». Чтоб не совпадать с самим собой.

Я могу понять молодых режиссеров, которые снимают, в основном, по своим сценариям, поскольку профессиональных талантливых сценаристов и всегда было немного, а сейчас реально не хватает. Не хватает людей, которые действительно хорошо владеют пером и при этом тонко чувствуют кинематограф, драматургию, которые — и это обязательное условие — очень насмотрены. Сценарист, помимо того, что должен знать жизнь, уметь писать качественные достоверные диалоги, владеть драматургией, должен еще и представлять, что происходит вокруг — не только в российском, но и в мировом кино. Вообще, любой кинематографист должен быть насмотрен. Кино — серьезное занятие, требующее времени и образования, пусть даже и самообразования.

ГЛЕБ ПАНФИЛОВ

1. Современные сценарии характеризуются, я бы сказал, поверхностным содержанием. Работы перечисленных вами авторов, ставшие классическими, отличались прежде всего содержательностью. И вот тут проходит водораздел — у тех авторов все-таки был углубленный подход к реальности, к героям, иное отношение и к ремеслу сценариста, и к самому кино как к средству воздействия. Вот в чем разница. Мне кажется, современные сценарии отличаются какой-то даже беспечностью, совершенно неприкрытой тягой к развлекательности. К реальному отсутствию мотивировок — это, оказывается, «не важно...». В то время как в серьезном сценарии содержание тем и замечательно, что оно доказано, все, что происходит, — обосновано. Все имеет свои причины, и даже если это немотивированный поступок, все равно понятно, почему он совершается. То есть нет бравады, свойственной современным легкомысленным молодым сценаристам, которые на вопрос «Почему?» отвечают: «По кочану». У серьезных авторов такого подхода нет. Я надеюсь, что у молодых, наиболее способных авторов это пройдет, может, это возрастное, они просто позволяют себе то, чего мы раньше не могли позволить по определению, потому что цена вопроса была высокая. Снимать удавалось редко, хотелось воспользоваться этим моментом и как можно обстоятельнее и глубже высказаться по волнующей нас теме. Что касается вектора развития кинодраматургии, то это, мне кажется, вектор подражания, заданный Западом, прежде всего коммерческим американским кино, в том числе и хорошим, содержательным. Дело в том, что они умеют делать и содержательно, и увлекательно, и качественно.

2. У режиссеров всегда было желание снимать нечто, некую историю, которая их волнует. Иногда у истоков этой истории режиссер встречался с хорошим сценаристом, который его устраивал, они вместе писали сценарий, и потом снимался фильм. А вообще, сценарный период и съемки — это не-

кий единый процесс, который делится на «застольный», действительно очень важный, и собственно съемочный, рабочий. Но по существу это единое целое. Я убеждался в этом неоднократно и считаю, что нет греха в том, что режиссер стремится сам написать историю. Если ему это не удается, умный режиссер умеет найти хорошего сценариста, который помог бы ему реализовать замысел. Это дает хорошие результаты, я рассматриваю, конечно, позитивные союзы. Классический пример — когда режиссеру удается найти сценарий, который его взволновал, пленил, совершенно точно отвечает всем его внутренним запросам и желаниям, и он просто включается и вдохновенно реализует его. Таких примеров немало. Но классической может быть и другая ситуация, когда с первого шага, с первого импульса возникает замысел, который и становится началом будущего фильма. Это происходит в сознании режиссера, который пишет сценарий и потом снимает картину. Бывает, что и сценаристы думают: а почему бы им не снять кино — и снимают хорошие фильмы. Этот процесс тоже имеет место, и мы знаем такие случаи. Например, Александр Миндадзе снимает уже не первую свою картину, он талантливый человек и однажды решил снимать сам. Или, например, Алексей Попогребский. Почему так происходит, я не знаю, думаю, что по той же внутренней потребности, по какой у режиссера бывает желание записать свой замысел, чтобы потом осуществить его в кино. Точно так же и у сценариста. В конце концов, все это очень индивидуально. Фильм рождается по-разному — из сценария, из готового замысла, воплощенного на бумаге, или же из импульса, который становится сценарием, а потом уже фильмом. Причем этот импульс может возникнуть в душе, в сознании режиссера, а может — в диалоге режиссера со сценаристом, и тогда они работают вместе с первого шага. По-всякому бывает, как и все в жизни. Если замысел плодотворный, содержательный, если человек отдается ему и может его реализовать, мы радуемся этому, и в конце концов получается хорошее кино.

Это все индивидуально и начинается очень часто с абсолютной ерунды. Например, я прочитал рассказ Евгения Габриловича «Случай на фронте» в пожелтевшем от времени журнале «Красная новь» за 1939 год. В том же журнале, кстати, оказалась и замечательная повесть «Дикая собака Динго» Рувима Фраермана, которая к тому времени была уже снята Юлием Карасиком. Я позвонил Габриловичу и сказал, что прочитал его рассказ, мне он очень понравился, и я хотел бы, чтобы он написал сценарий. Можете представить себе такое наглое предложение! Он же сказал, что рассказа такого не писал. Я говорю: «Не может быть! Там санитарка, санитарный поезд. Они гуляли с Алешей Семеновым по набережной возле киоска, где продавали сырую воду. Она еще художница, талантливая художница». «Ах, художница!» — и он вспомнил. С этого все и началось. Меня пленила девочка-художница, которая рисовала невероятные, ни на что не похожие и, видимо, ужасные на первый взгляд картины, но очень интересные. И второе — атмосфера. Река, лето, солнце, красноармеец Алеша и девочка, и киоск, где продавали сырую воду. Меня жутко все это взволновало. Низкое солнце, тишина, вся эта бедность, которая окружала людей, — при их радости и внутренней полноте. Любовь всегда остается любовью, если она действительно является таковой. И вот это впечатление и стало началом фильма «В огне брода нет».

Во втором фильме был уже мой сюжет. Я предложил Евгению Иосифовичу историю про «девушку с фабрики». Я рассказал ему про эту девушку, а он говорит: «Ну и что?» Я объясняю: «Дело в том, что ее пригласили сниматься в роли Жанны д'Арк» — «Как пригласили?» — «А вот так. Режиссер случайно увидел ее в самодеятельности и пригласил». — «Это интересно». Всё. Так родился фильм «Начало». Идея «завела» сценариста. И такое бывает.

3. Это зависит от индивидуального контакта режиссера и сценариста. Когда это дружба, такая, скажем, как в моем представлении есть у Миндадзе

и Абдрашитова, то они всегда работают вместе, на всех этапах. Бывает, что автор сценария смотрит картину, лишь когда его об этом просят. Евгений Габрилович увидел «В огне брода нет», когда его вызывали на студию — посмотреть, что там Панфилов накуролесил. То есть он выступал как бы в поддержку режиссера. Хотя если бы не вызвали, он бы с удовольствием посмотрел уже готовую картину, что потом и произошло. В случае с моим дебютом получилось так, что его вызвали, сказав, что я вообще не туда гребу и получается нечто неприемлемое и ужасное. То есть ему сказали, что надо спасать фильм. Слава богу, Евгений Иосифович посмотрел и сказал, что все очень хорошо, что ему все нравится. И это подействовало на дирекцию «Ленфильма», они были очень рады, и я благополучно закончил картину. А вообще, у очень профессиональных, плодовитых и успешных сценаристов не хватает времени отслеживать то, как реализуются их сценарии. Они могут быть увлечены уже другими проектами, им некогда. А бывает, сценарист и режиссер живут фильмом, для них это нечто важное, и тогда процесс идет и развивается в очень тесном сотрудничестве, и, по-моему, это замечательно. По-разному бывает. Как правило, дебюты режиссер и сценарист снимают в очень близком сотрудничестве, потому что для каждого это очень важный и принципиальный шаг. Первый фильм ведь может стать и последним, поэтому каждый отдает этой работе максимум внимания и своей души. Что, мне кажется, очень положительно влияет на результат. Хотя и тут бывает по-разному.

«В круге первом», режиссер Глеб Панфилов, автор сценария александр Солженицын

4. Этот грех был и раньше. Просто раньше режиссеру было труднее получить право снимать по своему сценарию, раньше все контролировалось гораздо серьезнее. Сейчас если режиссер сумел достать хоть небольшие деньги, чтобы снять картину, никому нет никакого дела, по своему сценарию он снимает или по чужому. Раньше все было более жестко, и в этом были свои недостатки, но, возможно, и достоинства. Во всяком случае, пошлости было меньше, я уж не говорю о содержании. Все же всегда ставились вопросы: «Для чего? Что вы хотите сказать?» Сейчас же никто таких вопросов не задает. Если человек достал деньги, он снимает то, что есть. Про что написано, про то и снимает. Ситуация поменялась, и здесь есть свои издержки.

БОРИС ХЛЕБНИКОВ

1. Все перечисленные вами авторы совершенно разные. И современные сценаристы так же сильно отличаются друг от друга. А по большому счету думаю, что в глобальном смысле разницы нет никакой. Какого-то общего вектора в кинодраматургии сейчас я не вижу, думаю, что она движется в направлении, в котором обычно движется драматургия, когда пребывает в некотором сту-

«Свободное плавание», режиссер Борис Хлебников, авторы сценария Александр Родионов, Борис Хлебников

поре, в поиске темы, ее выражения, в поиске героя. Сейчас, когда у драматургии нет какой-то точной цели и многие вещи размыты, она становится немного более формальной. Но этот процесс характерен не только для современности — так происходит всегда, когда общество находится в состоянии поиска. Так что это не относится конкретно к драматургии, просто таково сейчас общее состояние вещей, такой период.

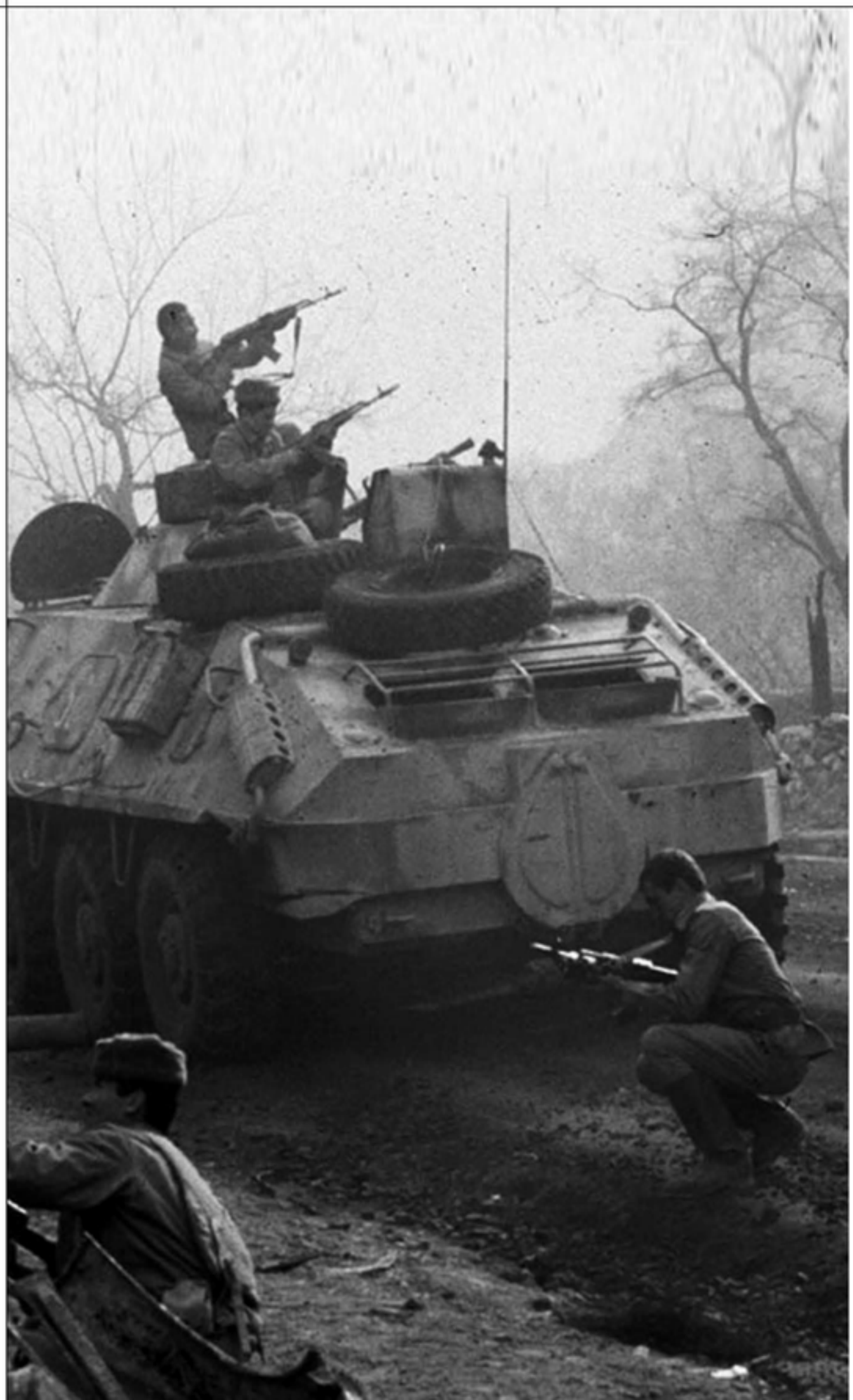
2. Тоже довольно общий вопрос, бывает совершенно по-разному. Мы начинаем обсуждать сценарий буквально с первых фраз, потом я от него «отключаюсь», а сценарист, например, Александр Родионов, с которым я часто сотрудничаю, работает автономно, и мы с ним только иногда встречаемся и что-то обговариваем. Бывает же иначе: есть готовый сценарий, который режиссер как-то перерабатывает под себя.

3. И здесь тоже бывает по-разному. Я знаю, многие режиссеры боятся звать автора на площадку, потому что у него совершенно иное представление об изображении, о героях, о том, как актеры должны их играть. Зачастую это может просто мешать. Но я, честно говоря, стараюсь не бояться и звать Родионова на съемки. Довольно часто наши взгляды на то, как все должно выглядеть, не совпадают, но, тем не менее, его взгляд иной раз побеждает, поскольку оказывается интереснее моего.

Когда сценарист видит результат нашей работы на экране, ему, конечно, нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что он увидел, потому что у каждого абсолютно своя иллюстрация в голове. Для меня намного важнее вторая реакция, поскольку она конструктивная. И дальше, на этапе монтажа можно точно так же заниматься драматургией — скажем, вырезать или переставлять какие-то сцены, сокращать их, дописывать закадровые реплики. Это тоже работа с драматургией, и здесь я, безусловно, всегда с огромным вниманием прислушиваюсь к Родионову.

4. Не знаю, почему. Но, в любом случае, мне кажется, это хорошо.

Ч Т Е Н И Е



ЛЕОНИД КОРИН

Контрабас

Весенний день. Большой городской проспект забит машинами. Выезжаю, пытаясь вклиниться в ряд. Никто не пропускает. Сигналят. Нервничаю, тихо и медленно выезжаю. Потом газую. «Форд» увидел поздно. Растерялся, начал вилять по дороге. Чьи-то руки резко крутанули руль вправо к обочине. Ногами на тормоз. «Форд» пытается уйти от столкновения. Уходит вправо, цепляет машину, потом другую. Встает.

Сижу в машине, смотрю на представителя ГАИ. Тот испуганно на меня. Вылезаю из машины. На крыше значок «У». Смотрю на аварию. Понимаю, что на права не сдал. Гаишник тоже вылез.

Г а и ш н и к. Нарожали уродов. Сел за руль — никому не уступай и будешь всегда прав. Пускай у них голова болит.

Три битых машины стоят. Водители вышли. О чем-то переговариваются. Смотрят на меня. Я на них.

Нас объезжают другие машины. Водители бросают усталые взгляды и пролетают дальше.

Вечером бегу в университет. В парке сидит Батон с компанией. Пьют пиво.

Б а т о н. Коляныч! Сдал, нет? Давай к нам.

Машу рукой и вбегаю в университет. В коридорах никого. Табличка «Деканат». Пытаюсь отдышаться. Стучу и вхожу. Никого не вижу. Кашляю.

Из-за шкафа выходит полная женщина.

Ж е н щ и н а. Больной или пытаешься обратить на себя внимание?

К о л я. Нет, просто бежал. Хотел на права сдать.

Ж е н щ и н а. Теперь, чтобы бегать, тоже права нужны? Хотя в этой стране может быть все, что угодно. Чего хотел?

Женщина накидывает плащ. Она собирается домой.

К о л я. Там у меня долги... Заявление на восстановление.

Ж е н щ и н а. Лучше хвосты, чем рога! Завтра приходи.

К о л я. А сегодня нельзя?

Ж е н щ и н а. Можно, но завтра. (*Расстроенный, разворачиваюсь и иду к дверям.*) На права-то сдал? (*Отрицательно качаю головой.*) Пиши, только быстро.

Довольный, выскакиваю на улицу. Батон все еще здесь. Мимо проходят девчонки.

Б а т о н. Эй, матрешки, как насчет выпивошки?

Девчонки крутят пальцем у виска и уходят.

Подхожу, здороваюсь.

Б а т о н. Сдал? На.

Протягивает бутылку пива.

К о л я. На завтра перенесли. Не, не буду.

Батон показывает на тощего парня.

Б а т о н. Прикинь, его сегодня ночью чуть не прибрали. Расскажи...

П а р е н ь. Утром, человек пять. Менты и военные. Должок Родине надо вернуть. Пока к машине шел, ноги сделал. Волки!

Б а т о н. За свободу. Долги отдают только трусы. На...

Снова предлагает пиво.

К о л я. Я не буду.

Домой пришел сильно пьяный. Сидел в прихожей, пытался поиграть с Платоном. Охотничья лайка, учуяв алкоголь, играть не особо хотела.

На шум вышла заспанная мама. Бросила на меня неодобрительный взгляд. Пытался схватить Платона за хвост. Тот огрызнулся и сбежал на кухню.

М а м а. Иди спи, придурок.

За долгами пришли ранним утром. Дверь открыла Светка — моя сестра. Мама успела крикнуть: «Не надо». Поздно.

Они вошли. Военный майор, участковый и еще два милиционера. Выхожу в коридор на шум. В трусах и майке и все еще пьяный.

М а м а. Он студент. У него отсрочка.

У ч а с т к о в ы й. Его отчислили.

Майор протянул повестку. Я все еще пьяный.

К о л я. Не имеете права... Я написал заявление...

М а й о р. Скворцов Николай Иванович. Собирайся, сынок, армия тебя ждет.

М а м а. Он никуда не пойдет. Он не одет.

М а й о р. Оденем.

М а м а. Он пьяный.

М а й о р. У нас не пьют.

М а м а. Платон!

Платон залаял. Участковый успел закрыть его на кухне. Милиционер схватил меня за руку. Я попытался вырваться, но не смог.

Мама и Светка хотели мне помочь, но милиционеры их оттеснили. Началась свалка.

Военный стоял в стороне и смотрел спокойно на нас.

Когда маму и Светку милиционеры уронили на пол, я успел крикнуть: «Ма...»

После этого участковый толкнул меня. Я ударился головой о косяк и потерял сознание.

Стоим шеренгой в коридоре военкомата. Пятнадцать-двадцать призывников. Из одежды — только трусы. Какие-то военные нас осматривают. Один из них подошел к высокому и стройному юноше.

Ч л е н м е д к о м и с с и и. Рот, трусы.

Юноша открыл рот. Военный посмотрел. Потом юноша спустил трусы. Военный осмотрел и там. Также осмотрел еще трех высоких.

Ч л е н м е д к о м и с с и и. Этих четырех.

К о л я. Вы не имеете... Я... У меня отсрочка... Я студент...

Военные посмотрели на меня.

Ч л е н м е д к о м и с с и и. Остальные дерьмо.

Большой общей толпой вбегаем в вагон. Призывники с рюкзаками, чемоданами, сумками. По краям какие-то военные.

Вечером прибываем в часть. Опять построение в казарме. Опять осмотр военными.

Рядом со мной стоит здоровяк. Справа — лысый и ушастый. Из нас он один коротко подстрижен. Военный указал на него.

П е р в ы й в о е н н ы й. Этого за старшего.

В т о р о й в о е н н ы й. Так точно.

К о л я. Я... Это ошибка. Я успел... Мне домой надо.

П е р в ы й в о е н н ы й. Этого домой.

В т о р о й в о е н н ы й. Так точно.

Военный читает нам присягу. А в это время нас стригут под ноль.

П р и с я г а. «Торжественно присягаю на верность своей Родине — Российской Федерации».

Мы получаем форму и переодеваемся.

Бежим строем.

П р и с я г а. «...Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы».

В учебном кабинете изучаем оружие. На стенах плакаты с оружием.

Сержант разбирает автомат.

Потом очень быстро собирает автомат ушастый.

Потом здоровяк.

Потом с автоматом мучаюсь я. Никак не могу снять крышку. Роняю автомат на пол. Бойцы ржут.

П р и с я г а. «...строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников».

На стрельбище стреляем из автоматов. Рядом ходит сержант.

Поднимаются мишени. Ушастый положил три мишени из трех. Я тоже положил три.

Мне и ушастому сержант вручает снайперскую винтовку с оптикой. Опять стреляем.

П р и с я г а. «Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России...»

Расписываемся за оружие. Получаем бронежилеты и каски.

П р и с я г а. «...народ и Отечество!»

Военный закончил читать присягу.

В о е н н ы й. Вы направляетесь в дружественную Чеченскую республику для помощи в сборе урожая.

Ушастый оценивающе покачал головой.

Р у с я. Круто. Русские едут на войну. Пашка. (*Представился он.*)

Здоровяк вздохнул.

Б а ш к а. На картошку, значит, едем. Федя.

К о л я. Я хочу домой. Николай.

Поздно ночью загружаемся в поезд. Длинная очередь бойцов. Все в полной боевой выкладке. Медленной и тяжелой змейкой вползаем в вагон.

Брюхо вертолета. Спим друг на друге. Нас много, человек пятьдесят. У окна вижу священника. Летит вместе с нами. Увидел, что я не сплю. Окрестил меня. Закрываю глаза.

Если смотреть сверху, то обычное чеченское село выглядит так — одно- или двухэтажные большие дома. Обязательно большой сад и огород при каждом доме. Высокие и красивые заборы. Во дворах стирают и развешивают белье женщины. Там же играют маленькие дети. Те, что постарше, бегают по улицам.

Самое оживленное и многолюдное место — рынок. Здесь бойкая торговля. Вино, хлеб, конфеты, шашлыки, мясо, фрукты. И люди, люди, люди. В камуфляжах, с автоматами. В длинных халатах повседневной одежды. Дети, женщины, старики.

Наш ПВД — пункт временной дислокации — находится на краю села. Здоровый пятачок, изрытый окопами. По краям все в мешках. По периметру — рота охраны и посты в окопах. В центре — здоровенный ангар. Это бывший гараж бывшего ДРСУ — Дорожно-ремонтного строительного управления. Внутри — палатки для проживания. Тут же белая столовая — скамейки и столы. На столах цветы.

Рядом небольшое двухэтажное здание самого управления. Теперь здесь табличка «Штаб». На территории БТР и БМП механики занимаются ремонтом. Между штабом и ангаром находится вольер для собак. Солдаты кормят своих питомцев. В основном овчарок и спаниелей. За границей ПВД — большое поле. Там таблички «Мины». А дальше горы, горы, горы...

Бортовой «Урал» месит грязь и влетает на территорию ПВД. За ним влетает БТР с солдатами на броне. Открывается борт, и я, полузаспанный, вижу поля, массивные зеленые деревья и горы, горы!

Меня толкают, и я чуть не вываливаюсь из кузова.

Нас встречают несколько военных.

Как только встал на ноги, начинается обстрел. Военные тут же куда-то пропали. Из кузова выпрыгнули все. Кто лег на землю. Кто смотрит друг на друга, принимая это за «форму встречи новичков».

Вдруг какой-то усатый военный заорал: «Кольцо держать, сукины дети, кольцо».

Началась паника. Кто-то залег. Я не знал, куда лечь. Везде тела. Стрелять продолжали. Я искал место. Запнулся и упал. Федор, Паша и еще несколько бойцов заняли круговую оборону. Паша подбежал к военному.

Р у с я. Товарищ военный, а где тут русские воюют?

Получил с правой в ухо по каске и тоже лег.

Обстрел прекратился. Опять построение. Военный, который орал на нас

и ударил Пашу, стоял перед нами. В камуфляжной форме и без знаков различия. Он стоял и недовольно смотрел на новобранцев. Кто-то успел испачкаться. Кто-то нет. Я успел испачкаться и порвал штаны.

К у з н е ц (*с недовольной усмешкой*). Шаг вперед, кто был в учебке.

Никто не выходил. Я вышел.

К о л я. Я хотел бы...

К у з н е ц. Шаг вперед, кто умеет стрелять.

Вышел Паша и еще два бойца.

Я сделал еще один шаг.

К о л я. Тут ошибка...

К у з н е ц. Кто кровь видел?

Я остановился. Из строя вышел Федор.

Б а ш к а. Ну, не знаю... Курице там, башку рубил. Мать просила.

Все заржали.

К у з н е ц. Встать в строй, Башка.

Я подошел еще ближе.

К о л я. Я еще на права не сдал...

К у з н е ц. Где твое оружие, боец?

И в самом деле, пока бегал, потерял винтовку. Она валялась в нескольких метрах от меня.

Военный поднял винтовку. Передернул затвор. Вдохнул приятный запах свежей смазки.

К у з н е ц. Неделю дежурства!

Аминат Махмудова стояла у комендатуры. Она ждала своего отца, местного главу. Пятнадцатилетняя красавица с интересом смотрела на то, как в комендатуру входили и выходили вооруженные люди. Мимо проходили местные, здоровались с ней. Она здоровалась в ответ.Перед ней вырос букет цветов.

Р о м а н. Ты прекрасна, спору нет,
Ты, царевна, всех милее,
Всех румяней и белее.

Перед ней стоял молодой срочник Роман. Аминат покраснела и отвернулась.

А м и н а т. Отойди, а то папа опять ругаться будет.

Р о м а н. Возьми букет, царица, а то закричу.

Аминат улыбнулась.

А м и н а т. Кричи.

Появился тот, усатый, который влепил мне наряды. Посмотрел на парочку и вошел в комендатуру.

Роман положил букет под ноги и отошел. Аминат несколько раз оглянулась. Хотела поднять букет, но мимо прошла женщина. Аминат поздоровалась. И отошла от букета.

За столом в комендатуре сидел военный и тоже без знаков различия. Пил чай. Вошел Усатый и начал кричать.

К у з н е ц. Иваныч, какого хрена происходит?!

П о л к о в н и к. Странно, я всегда думал, что полковник обычно кричит на прапорщика, а не наоборот.

Полковник посмотрел в угол. Там сидел Масуд Махмудов — глава администрации села. Прапорщик его тоже увидел.

Масуд улыбался. Он был доволен тем, что ругались военные.

К у з н е ц. Масуд, кто сегодня смену обстрелял?

Он положил на стол мою винтовку.

М а с у д. Не знаю. Мы уважаем русских, но с вашим приходом здесь много бандитов стало. Мы не можем за всеми уследить.

Полковник и прапорщик хотели поговорить наедине. Масуд пил чай и не собирался уходить.

К у з н е ц. Они сюда Большой театр не собираются пригласить послужить?

П о л к о в н и к. Надо будет, привезут и Большой. А ты хотел семейных контрактников?

Масуд допил чай. Поставил чашку на стол и встал.

М а с у д. Скажи своим людям, чтобы оставили мою дочь в покое.

К у з н е ц. Мы за всеми уследить не можем.

Масуд зло улыбнулся и вышел.

Прапорщик в окно видел, как Масуд вышел. Его охраняли три человека с автоматами. Он прихрамывал. Что-то сказал дочери и пошел. Аминат послушно побежала за ним.

Полковник бросил взгляд на снайперскую винтовку.

П о л к о в н и к. Это что?

К у з н е ц. А это Большой театр тебя так охраняет.

П о л к о в н и к. Ну и объясни им, что из этого обычно стреляют.

К у з н е ц. Пока я объясняю, театральное представление кончится. И боюсь, что живых бойцов в зале уже не останется.

П о л к о в н и к. Свободен, прапорщик.

К у з н е ц. Старший прапорщик.

Я пришел в казарму после дежурства. Слева и справа палатки. Тут же нарвался на какого-то здоровяка. Вроде казаха. Налетел на него и упал. Казах перешагнул через меня, вроде как не заметил. Кто-то засмеялся: «Ну, Рамзес дает».

Поднялся, оглядел левую палатку. Человек на двадцать. Двухъярусные кровати. Сверху на досках висят бронежилеты, каски, бушлаты. Автоматы на кроватях. Под койками ящики с патронами. В конце палатки спят офицеры. Отгородились коврами. Стоял у входа и не знал, в какую палатку входить. Вышел прапорщик. Встал возле свободной койки.

К у з н е ц. Иди сюда, боец. Отделение, смирно. (*Все встали по стойке смирно.*) Фамилия?

К о л я. Скворцов, но я...

Прапорщик пошел дальше.

Б а ш к а. Снегирь.

Р у с я. Павел Воробьев. Рост 175. Вес 73. Первый разряд по стрельбе.

Появился еще один худой и высокий.

Б у р я. Буревестник Антон.

К у з н е ц. Да уж, соколы. Вы теперь отделение птиц. (*Антону.*) Принимай пополнение. Объяснишь им все. (*Показал на меня.*) Этот дежурный.

Б у р я. Так точно, товарищ старший прапорщик.

После этого прапорщик вернул мою винтовку. Я взял ее за ствол и уронил. Прапорщик отстегнул магазин. Щелкнул затвором. И только после этого поставил винтовку рядом с койкой.

Поздно вечером Аминат снимала чистое белье с веревки. Нурди — старший брат — сидел в новенькой «Ладе-99». Восемнадцатилетнему Нурди машина отца явно нравилась. Он включал и выключал фары. Вылез. Протер фары, лобовое стекло. Опять залез. Включил очень тихо приемник.

Аминат хотела войти в дом, но услышала разговор отца с каким-то человеком. Говорили по-чеченски. Масуд и его гость сидели на ковре в большой комнате. Пили чай. Гость был ровесником Масуда. Один глаз, видно, из-за травмы, постоянно дергался.

Г о с т ь. Разве я плохой человек?

М а с у д. Нет. Ахмед, ты много сделал для моей семьи, но она еще ребенок. Подожди немного. Русские уйдут...

А х м е д. Русские собаки уйдут, когда я этого захочу. Смотри, чтобы она с ними не ушла.

М а с у д. Этого никогда не будет. Да поможет мне Аллах.

Аминат вошла в дом и прошла к себе в комнату. Зажгла свечку. Стояла перед зеркалом и рассматривала свое молодое и красивое тело.

Вот так прошел первый день в дружественной Чечне. Вечером в казарме разбились на небольшие группы, как в школе.

В соседней палатке Рамзес и его парни. В дверную щель палатки мне их прекрасно видно.

К ним пришел Роман с гитарой. Пел песни. Я лежал на верхней койке. Смотрел в потолок и слушал. Под музыку Буря, он же Антон Буревестник, немного рассказал нам о местной жизни, точнее, службе.

Б у р я. Это Ромыч — через две недели домой. Рядом Рамзес, Черт и Плафон — этим еще долго. Это разведка.

Я опять стал смотреть на разведчиков. Рамзеса — здорового казаха — я узнал сразу. Черт чистил автомат. Плафон забивал рожок патронами, а потом выщелкивал их. Делал он это с закрытыми глазами. Потом снова заряжал. Снова выщелкивал. Паша лежал наверху. Антон внизу. Федор напротив, тоже внизу. Я над ним.

Р у с я. А ты здесь давно?

Б у р я. Тридцать четвертый, нет — тридцать пятый день. Прапорщик, он же Кузнец... Командир разведроты.

Я лежал на койке, зашивал порванный карман у гимнастерки. Обратил внимание на нашивки на плечах. Слева флаг. Справа буквы ВВ МВД, а в треугольнике сфинкс.

Р у с я. А мы кто?

Б у р я. Отделение снайперов.

Б а ш к а. А почему Кузнец?

Б у р я. Ты у него кулак видел? Он пальцами гвозди гнет.

Федор рассматривал свои большущие ладони. Роман прекратил петь. Разведчики легли спать. Совсем стемнело.

Р у с я. А еще кто здесь?

Б у р я. Кинологи, инженерно-саперная рота, хозрота, связь. В общем, здесь все свои.

Р у с я. Круто — это ж целая русская армия.

Б у р я. А в селе одни суки. Без приказа туда нельзя. Уйдешь и башку свою в руках принесешь. Тихо. Старейшина идет.

В казарму вошел Старейшина. Седой, лет под пятьдесят. Он подходил к каждой койке. Поправлял одеяла. Нежно гладил по спинам. Что-то тихо говорил. Считал. Что-то записывал в блокнот. Обойдя всех, бросил последний взгляд на казарму и вышел. Я еще долго ворочался, не мог уснуть на новом месте. В окно пробивался лунный свет.

Утром дежурный всех будил. Никаких криков. Толкал каждого в плечо.

Д е ж у р н ы й. Пацаны, вставайте.

В землю вкопаны две кабинки туалета. Маленькие окна вверху. Туда толпа.

Обычные умывальники-рукомойники. Умываемся. Одеваемся. Завтракаем в столовой.

Построение. Отделение уходит на стрельбы.

Я дежурный. Убираю посуду. Остатки еды собираю в пакеты.

Весеннее солнце пригревает. Два чумазых механика валяются под БТРом. На броне, под надписью «Ниссан», сушится конопля. Если не боятся, значит, командиры не ругают за это.

Несу пакеты с объедками мимо БТРа. Обхожу его с другой стороны. Там третий механик. Что-то пишет на броне. Читаю: «Спартак» чемп...» Выводит белой краской.

Прошел седой Старейшина. Козырнул ему, но он меня даже не заметил. Что-то посчитал про себя и ушел в штаб.

С первого этажа штаба слышу чей-то голос. Кто-то учит английский язык. Военный лет сорока в белом халате доктора высунулся из окна. Глаза красные. Он явно пьяненький.

В р а ч. Хау до ю ду?

К о л я. Ни ферштейн.

В р а ч. А так.

Утром учишь до ю ду,
Вечером портвейн,
Хочешь душу показать,
А тебе нон ферштейн.

Ну как?

К о л я. У меня плохо со стихами.

Врач махнул рукой и вернулся за стол. Опять слышу английский. Прохожу мимо вольера с собаками. Между нами железная сетка. К собакам не подойти. Хотел бросить еду. В этот момент прилетела граната.

Я испугался и сел.

Со стороны вольера подошел хозяин собаки. Смуглый солдат. Поднял свою гранату. Кольцо на месте. Огрызнулся на меня, как делают это собаки. Мне дали понять, что я здесь лишний. Солдат начал гладить собаку. В ответ собака стала лизать ему лицо.

С м у г л ы й. Джек, Джекушка.

Вышел за пределы части. Справа горы. Внизу в поле пристреливают оружие наши бойцы. Посмотрел налево. Большая помойка. Ветер приносит оттуда неприятный запах. Поэтому здесь на посту солдаты в противогазах.

А внизу село.

А вокруг горы, горы, горы...

К обеду вернулись бойцы.

Я накрывал на стол. Расставлял тарелки.

Только сели за обеденный стол, влетел Рамзес.

Р а м з е с. Рота к бою.

Похватали бронники, каски и оружие.

Сидим в окопе. Новобранцы испуганно смотрят друг на друга. У меня вместо оружия в руках миска и ложка.

Выглядываю из окопа. В нескольких километрах от нас часть МВД.

По ним с нескольких сторон стреляют. Хорошо видны взрывы, огонь, дым. До нас доползает эхо взрывов.

Б а ш к а. Пожрать не дают.

Р у с я. Да ты чё. Там русских убивают.

Б у р я. Всех не запакуют.

Из окна штаба доносится рация.

Р а ц и я. Это химики. Нас обстреливают. Если можете, помогите огнем.

Соседи просят о помощи. Прапорщик ругается в штабе.

К у з н е ц. Дай приказ. Пять минут — и мы там. Они же, как на ладони.

П о л к о в н и к. Прекрати орать. Пока я еще здесь командую! А у тебя есть приказ! Домой всех живыми вернуть. У них свои командиры. Мы сообщили. Помощь идет.

Прапорщик выскочил из штаба. Рамзес бросил ему бинокль. Прапорщик вскочил на мешки и стал смотреть. Бросил бинокль. Схватил снайперскую винтовку. Кого-то искал в прицел.

Обстрел прекратился. Поле заволокло дымом. Прилетел «крокодил МИ-24» боевой для прикрытия. Не стрелял, так как боевики ушли. Кузнец опять схватил бинокль.

К у з н е ц. Ты бы еще завтра приполз. Крокодил — ты и есть крокодил.

Полетели «арбузы МИ-8» для перевозки раненых и убитых.

К у з н е ц. Все... «Арбузы» пошли!

Р а м з е с. Краснокожие опять ушли. (*Сплюнул.*)

Старейшина считал вертолеты, которые увозили убитых и раненых. Улетел один. Второй.

С т а р е й ш и н а. Один, два... пять.

К у з н е ц. Заткнись.

Старейшина продолжил считать молча. Записывал в блокноте.

Прапорщик посмотрел на меня.

Я убрал за спину миску и ложку.

Он бросил бинокль и ушел в казарму.

Вечером бойцы Рамзеса курили травку прямо в палатке. Вошел Ромыч. Сделал пару затяжек и подошел к нам.

Федор и Буря играли в карты. Павел чистил винтовку.

Р о м а н. Как жизнь, молодняк?

Р у с я. А чё мы сдулись-то сегодня? Чё не воевали?

Р о м а н. Знаешь, как Кузнец тебя назвал? Руся! А он (*кивнул в сторону Федора*) Башка.

В палатку вошел подвыпивший врач. Подошел к Ромычу.

В р а ч.

Утром учишь до ю ду,
Вечером портвейн с друзьями,
Хочешь душу надорвать,
А друзей уже списали.

Роман взял гитару и запел.

Р о м а н.

Друзей теряют только раз
И, след теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.
А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит...

Роман не допел. Врач что-то повторил про себя и ушел.

Р о м а н. Кстати. Старейшину домой выписали.

Б у р я. Да ладно.

Р о м а н. Пенсия.

Б а ш к а. Дома тепло и кормят.

Ночью пришел Старейшина. Обошел всех. Долго сидел в палатке на стуле. Потом вышел. Стоял и смотрел на горы. В темноте я его не видел, но чувствовал.

Проснулся ночью. Пошел в туалет. Темно. Луна в черных облаках. На ощупь добрался до туалета. Вдруг чувствую, что в соседней кабинке кто-то есть. Ветер отогнал облака. Луна высветила мертвенно-бледное лицо Старейшины. Он висел прямо в туалете.

Я заорал и выбежал.

Вбежал в казарму. Горло перехватило. Кричать не могу. Поднимаю всех. Пацаны хватают автоматы. Выскочил Кузнец. Руками показываю в сторону туалета.

Иду туда. Подхожу.

Оборачиваюсь. Бойцов не вижу. Только тени прыгают туда-сюда. Кузнец положил руку мне на плечо и отодвинул меня.

Дверь туалета открыта. В окошко лунный свет высвечивает мертвое лицо Старейшины. Потом опять темнота. Опять лицо. Опять темнота.

К у з н е ц. Отбой.

Днем сижу у врача. Прапорщик рядом. Врач осматривает горло. Пыта-

юсь что-то сказать. Не могу. От испуга потерял голос.

К у з н е ц. Свободен.

Ухожу на улицу. Слышу их диалог.

К у з н е ц. Врет?

В р а ч. Не знаю. Я же не врач.

К у з н е ц. А кто?

В р а ч. Зубной техник. Могу слепок сделать.

К у з н е ц. Знаешь, где слепок себе сделай?! Чё предлагаешь?

В р а ч. Попугайте малость... А лучше домой. Все домой!

Слушаю их разговор, а сам смотрю, как кормят собак. Довольные псы играют и целуются с хозяевами. Джек прыгает вокруг своего хозяина.

Днем занимаемся физподготовкой на небольшом стадионе на территории части. Кроме нас здесь другие роты.

Кузнец за нами наблюдает.

Бегаем, ползаем, отжимаемся.

Р а м з е с. Один, два, три... Стройся.

Строимся. Выходит прапорщик. Идет вдоль строя. Говорит ровно и спокойно.

К у з н е ц. Сначала бей — потом спрашивай. Второе: стреляй, иначе не сможешь спросить. И главное, в глаза не смотреть (*смотрит мне прямо в глаза),* иначе не сможешь выстрелить. *(Я отвожу взгляд.)*

Потом спарринги. Напротив меня Руся. Рядом два здоровенных парня толкают друг друга в плечо. Вместо того чтобы бить. Рамзес не выдержал. Подбежал. В прыжке ударил кулаком в лицо одному. Тот упал. Потом ударил второго. Тот тоже упал.

Рамзес посмотрел на прапорщика.

Тот кивнул.

Пока я смотрел за бойцами, меня начали лечить. Рамзес ударил в живот. Упал. Сплевываю кровью. Говорить не могу. Мычу что-то. Рамзес надо мной. Слушает: буду я говорить или нет. Опять мычу. Попытался подняться и случайно схватил за жетон Рамзеса. Порвал цепочку. Рамзес поймал и поцеловал жетон.

Р а м з е с. Это только с моим скальпом.

Прапорщик махнул рукой.

В пару встали Башка и Руся.

Р у с я. Русские друг друга не...

Договорить он не успел. Башка ударил с правой. Руся упал. Руся лежал на земле. Держался за ушибленное ухо. Рамзес улыбнулся и опять переглянулся с прапорщиком. Прапорщик подошел к Башке.

К у з н е ц. Сейчас отбой. Ночью будь готов. Пойдешь с нами.

Б а ш к а. Так точно, товарищ старший прапорщик.

Рано утром Рамзес разбудил Башку. Тот спал одетым.

Черт вынес две подушки и бросил их на броню БТРа. На одну уселся прапорщик. На вторую Рамзес. Рядом Черт, Плафон на стареньких ковриках. Башка сел рядом на голую броню. Рамзес ударил автоматом по броне. Поехали.

Туман рассеивается, обнажая дома и огороды. Село спит. БТР прорвал еще несколько метров тумана и встал. Слезают. Дальше пешком. Останавливаются возле дома.

Черт залезает на забор. Собака успела один раз залаять. Из пистолета с глушителем он ее успокоил. Слез. Открыл калитку. Входят. Черт и Плафон — под окна.

Рамзес показал Башке на входную дверь.

Башка у двери. Волнуется. Кузнец ударил его по плечу. Успокоил.

Башка бьет ногой в дверь. Нога проваливается. Он застрял, а дверь не открыл. Рамзес и прапорщик вталкивают его внутрь, ломая дверь.

Шум. Залаяли соседские собаки. Рамзес и прапорщик побежали в комнаты. Выбежала женщина. Хотела крикнуть. Рамзес прикладом в лицо ее успокоил.

Башка плечом вынес дверь в комнату и упал на кого-то. Человек стащил одеяло с лица. Негр.

От испуга Башка заорал.

Влетел прапор. Прикладом вырубил негра.

Рамзес лег на Башку, не давая ему пошевелиться.

Прапорщик осторожно забрал из руки негра гранату. Кольцо на месте. Подмигнул Башке. Только после этого Рамзес встал и поднял Башку.

Из дома вывели двоих боевиков. Второй хромал. Негра тащил Башка. Положили их во дворе. Рамзес обыскал боевиков. Ничего не нашел. Черт вынес из дома телевизор и магнитофон.

Кузнец, выходя из дома, на стене увидел грамоты и призы за соревнования. Здесь же висел свисток. Он взял свисток. Тихо свистнул и забрал его.

Рамзес улыбнулся и похлопал новичка по плечу.

Р а м з е с. Колхоз вышел на тропу войны.

Утро. Я сплю. Буря и еще несколько бойцов проснулись. Буря привязал к моей ноге два провода от «тапика» (полевого телефона). Крутит ручку. Меня бьет током. Я вскакиваю на постели. Кричу: «Мама!» Но голоса нет. Только рот открываю. По мимике всем понятно, что я кричу «мама».

Бойцы ржут.

Буря сидит на кровати. Разглаживает рукой две черные ленточки от морской бескозырки. Вроде амулета. Поцеловал и убрал под подушку. Потом делает ножом насечку на деревянном столбе кровати. Изрезан один столб. Считаю. Тридцать восемь насечек.

Вздыхаю. На глазах слезы.

Днем бегу с мусором. Пробегаю мимо вольера. Солдат нет. Бросаю Джеку косточки.

Возвращаюсь. Косточек нет.

Вбегаю в палатку. Подходит прапорщик и протягивает мне свисток. Я улыбаюсь. Тихо свищу.

К у з н е ц. Громче, боец! Громче.

Покраснел. Свищу со всей силы. Появляется Рамзес.

Р а м з е с. Бледнолицые спят.

В углу спят разведчики. С ними и Федор.

К у з н е ц. Буря, возьмешь Свистка и — в комендатуру. Полковника проводите.

Б у р я. Я с ним не пойду. Его сглазили.

К у з н е ц. Не понял, боец!

Б у р я. А чё... Не успел появиться — обстрел. А Старейшина? И Рамзесу цепочку порвал. Я с ним не пойду.

Р а м з е с. Я пойду. Ромыч...

Подошел Ромыч. Взял свисток. Насвистел какую-то мелодию и повесил свисток мне на шею.

Ромыч бросает на броню подушку Рамзеса. Себе — чистый и новый коврик. Мы с Пашей сидим на голой броне. Выезжаем из части. Мой первый выезд в село. Полковник в штабной машине едет сзади.

Дорога подсохла. Жарко.

Проезжаем дома. Местные жители оборачиваются на нас. Улыбок нет. Что-то кричат на своем. Не понимаю. Женщины стирают, готовят. Отвлекаются на нас. Что-то зло говорят и продолжают свое дело.

За одним из домов вижу какое-то страшное лицо чеченца. Глаз у него дергается. Это Ахмед. Появился и тут же пропал.

Проезжаем дом, где утром Рамзес брал боевиков. Рамзес кивнул на дом Ромычу.

А в доме уже вставляли новую входную дверь. Разбитые оконные стекла меняются на новые.

Остановились. Полковник ушел в комендатуру. Рамзес полез спать в БТР. Паша сидит на броне.

Напротив комендатуры — рынок. Ромыч и я идем туда. Народу много. На прилавках — хлеб, сыр, колбаса, конфеты и фрукты. Ромыч покупает пирожки. Один бросил мне.

Ловлю. Вгрызаюсь в теплый домашний пирог. Аж до слез.

Чумазый мальчишка просит у продавщицы пирожок.

М а л ь ч и к. Дай за рубль. У меня больше нет.

Ромыч бросил и ему.

Р о м а н. На, только фугасы нам не подкидывай.

Мальчишка пирог ловить не стал, и тот упал на землю. Мальчишка и не думал его поднимать, хотя явно был голоден. Продавщица подняла пирог и протянула мальчику. Тот схватил пирог и убежал.

С Ромычем заходим в отделение связи. Оно через стену от комендатуры.

На дверях обращение жителей к президенту Ельцину. Просят навести порядок. Все прочитать не могу.

Поверх несколько других объявлений. Фото пропавших людей. Два молодых человека и девушка. Просят всех, кто видел, помочь. Адреса, куда нужно обращаться.

Вхожу. Ромыч подходит к окну. Молодая чеченская телефонистка ему мило улыбается. Он и ее угощает пирожком.

Р о м а н. Вы также прелестны и румяны, как этот пирожок.

Т е л е ф о н и с т к а. Да что вы, Роман Олегович. Неужели вы нас покидаете?

Р о м а н. О, небеса зовут меня, но вряд ли вас забуду.

Он ей подмигивает, а она поправляет прическу.

Т е л е ф о н и с т к а. Как обычно, через Иваново?

Ромыч посылает ей воздушный поцелуй. В комнате сидят две русские женщины-беженки. Уставшие. Испачканная одежда. Сидят на каких-то тюках с вещами. Кроме них здесь много народа. Тоже беженцы. В основном спят.

П е р в а я ж е н щ и н а. Израиль у всех на слуху. Сколько там погибло — один, два... А тут целый народ вымирает, и никому дела нет. Когда компенсации давать будут?!

В т о р а я ж е н щ и н а. Нас было шестеро. Вечером пришел сосед Муса. В руках автомат. Зачем, говорю, тебе автомат? Мстить.

Женщина больше говорила себе, а не собеседнице. Ромыч начал разговаривать, и они замолчали.

Р о м а н. Мамулька, привет. Как ты?.. Все нормально. Скоро домой... Мама, прекращай. Говорю тебе, я не в Чечне... Конечно. В части, в Иваново. Сидим, курим... Ну, мама... Через неделю дома буду... Нет. Командир сказал, мы никуда не едем. А я тем более. Ну, все, целую.

Ромыч помахал телефонистке. Кивнул мне, и мы вышли. Первая женщина плюнула в нашу сторону. Вторая перекрестила нас. Когда вышли на улицу, Ромка увидел Аминат. Она несла фрукты с рынка. Подбежал к ней, но шел на расстоянии. Роман читал стихи Аминат.

Р о м а н. «Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем». Нет...

Аминат улыбнулась, но вида не подала, что идет с ним.

Р о м а н. «Дембеля, дембеля, дембеля. Улетают в родные края». Я в понедельник улетаю.

После этих слов Аминат чуть не выронила пакет. Он хотел подбежать, но не стал.

Р о м а н. Я могу не уезжать. А могу вернуться.

В это время по главной дороге ехал КамАЗ. Вывозили мусор.

На перекрестке, нарушая все правила, выскочила зеленая «99». За рулем брат Аминат Нурди.

Водитель КамАЗа ушел от столкновения. Вывернул вправо и дал резко по тормозам.

Нурди выскочил. Осмотрел машину. Все в порядке. Стал кричать что-то на чеченском, вытаскивая водителя из кабины.

Сбежался весь рынок. Водителя, русского пацана, вытащили из кабины. Бросили на землю и стали бить. Большая толпа. Мужчины, женщины, старики. Все хотят ударить. Кто-то залез в кабину и угнал КамАЗ. Водителя сунули в машину Нурди и увезли.

Рамзес сидел на БТРе. В руках автомат. Паша ловил в прицел винтовки людей на перекрестке. Механик нашего БТРа посмотрел на эту заварушку.

М е х а н и к. Все, попал пацан. Говорят, в Ханкале БТР в реку рухнул. Ушел влево.

Р у с я. Мы же русские. Надо...

Р а м з е с (*Паше*). Заткнись. (*Механику.*) Уйдешь влево, отправлю на кладбище.

М е х а н и к. Да иди ты.

Механик залез внутрь и закрыл люк.

На другом БТРе приехал Кузнец. Как раз Ромыч вернулся. Прапорщик всех осмотрел.

К у з н е ц. Все целы?

Р у с я. Нет.

Руся зло сплюнул и залез на броню.

Прапорщик посмотрел на меня. Взял мою винтовку. Отстегнул обойму. Патронов там не было.

К у з н е ц. Твою мать... Скоро проверка. По коням.

Возвращаемся в казарму. Наш БТР первый. За нами машина полковника. Замыкает Кузнец на втором БТРе.

Вечером в казарме Черт настраивает телевизор. Рамзес, Башка и Плафон курят травку. Башка перебрался к ним.

Черт поймал какой-то канал. Идет передача о животных. Показывают пингвинов.

Руся собрал свои вещи и переезжает подальше от меня. Подходит Ромыч.

Р о м а н. Ты куда? Будешь? (*Протягивает косяк.*)

Паша бросает вещи на свободную койку. Затягивается и садится. Опять затягивается.

Р у с я. Я с этим уродом жить не буду. (*Это он про меня.*) Чем он стрелять будет?

Б у р я. Он их до смерти засвистит. Соловей-разбойник.

Р о м а н. Ладно, расслабьтесь.

Косяк идет по кругу. Курят все. Мне не предлагают, а я и не хочу. Отвернулся. Смотрю в стену. Царапаю ногтем доску. Заноза. Порвал кожу. Идет кровь. Беру свисток в зубы. Тихо-тихо свищу.

Передача продолжается.

В е д у щ и й. Пингвин-самец вставляет свою теригапудию в клоаку самки.

Бойцы ржут. Травка вставляет.

Паша достает тетрадь. Вырывает листок. Пишет письмо.

Б у р я. Я бы свою теригапудию кому-нибудь вставил. Кому письмишко?

Р у с я. Я тебе сам вставлю, если ты еще храпеть будешь.

Б у р я. Не гони. Я же не баба, чтобы храпеть.

Р у с я. А чё, только бабы храпят?

Б у р я. Они еще и воняют.

Р у с я. Моя не храпит и не воняет.

Б у р я. А ты откуда знаешь? Ты ее уже того? Вот ты сейчас лежишь, и она тоже.

Р у с я. Заткнись, а то ты ляжешь!

Продолжаю сидеть в своем мирке на верхней койке. Из пальца идет кровь.

Р о м а н. Дураки вы, господа гусары. Женщина всегда пахнет домом! (*Читает стихи.*)

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

Туман уходит. Тихо, но село начинает просыпаться.

На крыльце дома — глава села и его сын. Утренний намаз. Оба сидят на небольших ковриках.

Аминат умывается в комнате, налив воду в таз. В воде рассматривает свое отражение. Бьет ладошкой по воде. В волнах исчезает ее отражение.

Утренний намаз заканчивается. Мужчины уходят в дом.

Утром перед проверкой наводим порядок в палатке. Все, даже Рамзес, подметают у своих коек. Чистят одежду, бляхи ремней. Прапорщик идет с большим мешком. Складывают туда все лишнее из тумбочек: ножи, сигареты, жвачки, презервативы. Прапорщик уносит мешок.

Вечером баня. На первом этаже штаба — хорошая финская сауна. Прапор загоняет нас на верхнюю полку и бьет веником. Федор принимает у него веник. Начинает хлестать Пашу. Тот орет. Хочет вырваться. Федор крепко его держит за ногу. Бойцы смеются.

Помылся. Вышел на улицу.

Солдаты моют собак. Те лают, визжат, упираются. Намылили. Обливают водой из ведер.

Вечером все усаживаемся перед телевизором.

К у з н е ц. Час на политзанятие. Потом отбой.

Прапорщик вставляет видеокассету.

На экране русские пленные солдаты. Их бьют. Одному отрезают голову. Стоит мертвая тишина. Слышны только стоны замученных солдат.

У меня слезы.

Смотрю на Кузнеца. Тот отводит взгляд. Забирает кассету и уходит.

Ложимся спать молча. Никто ни на кого не смотрит.

В окно луна.

Буря режет очередную насечку.

Утром построение. Влетает БТР. За ним штабная машина. Выходит наш полковник. За ним в идеально чистой форме — генерал. Светлые волосы, на вид лет пятьдесят. Полноватый. За ним молодой офицер. Генерал даже не посмотрел на нас и пошел в штаб. Стоим. Через некоторое время они выходят на улицу. Идут вдоль строя.

Г е н е р а л. Здорово, бойцы.

Кричим, но не громко: «Авию еаю, трищ енерал».

Генерал подошел к кинологам. Открыл рот.

Г е н е р а л. Что за маскарад?

Солдаты намыли своих собак. Подстригли. Сшили им маленькие походные рубашки защитного цвета. Надели их. А в карманы насовали рожки с патронами. Один даже саперную лопатку привязал.

П о л к о в н и к. Собаки наши боевые друзья.

Г е н е р а л. Может, им еще и боевые платить будешь? Снять.

П о л к о в н и к. Нет. У них свой паек.

Флаг Росси находился возле окон штаба. Генерал это увидел.

Г е н е р а л. Почему не на месте. Поднять.

П о л к о в н и к. У нас договор с местными. Им это не понравится.

Г е н е р а л. Они местные, а мы кто, наемники?

П о л к о в н и к. Никак нет.

Г е н е р а л. Ты думаешь, за такие заслуги меня в Москву взяли? За то, что я каких-то местных слушал?

П о л к о в н и к. Никак нет. Вы воевали.

Г е н е р а л. Вот! А из-за тебя я сюда притащился. Мне это надо? Кругом бардак.

Генерал подошел ко мне и увидел железный свисток. Я его натер до идеального блеска. Он потрогал свисток. Ему это явно понравилось.

Г е н е р а л. Фамилия?

Я откашлялся, попытался что-то сказать. Не смог. Помог мне Ромыч.

Р о м а н. Извините, товарищ генерал. Он всю ночь к вашему приезду готовил номер. Голос сорвал.

Я утвердительно кивнул головой.

Г е н е р а л. Вот, советую всем с него брать пример. Прилежание — залог всего. Просьбы, жалобы есть?

Я чуть в обморок не упал. Хочу пожаловаться. Киваю головой. Что-то мычу, но сказать ничего не могу. Слезы катятся.

Г е н е р а л. Ничего, ничего, сынок. Порядок наведем. Запишите его.

О ф и ц е р. Так точно, товарищ генерал.

Молодой офицер что-то записал. Они ушли.

Когда расходились, получил затрещину от Бури. Руся меня толкнул, и я упал.

Утро. Тишина. Аминат в окно смотрит, как отец и брат молятся. Вдруг эту тишину нарушает гимн России. Масуд вскакивает и убегает в дом.

Музыка гимна течет над селом, забираясь в каждый дом.

А в это время мы стоим на построении в части. Громкоговоритель приделан на крыше штаба. Играет гимн. Офицер поднимает флаг. Флаг медленно ползет вверх по флагштоку.

Старшие офицеры под козырек. Генерал тоже.

Тихо, без желания, говорим слова гимна. Кто как может. Слава Богу, нас не слышно из-за музыки.

Прапорщик и не поет, и честь не отдает. Он смотрит куда-то за ограждение части.

Я отвлекаюсь и тоже туда смотрю. А там поля и горы, горы, горы...

Вечером бойцы ходят строем под окнами штаба. Впереди Кузнец.

К у з н е ц. Левой. Левой.

В окне генерал наблюдает за бойцами. Пьет чай с коньяком.

Я опять дежурный. В штабе у генерала собираю грязную посуду.

Генерал доволен. Смотрит на мой свисток.

Молодой офицер зло смотрит на меня.

Прохожу мимо него. Подножка, и я упал.

О ф и ц е р (*орет*). Встать, солдат!

Генерал поднимает меня. Поправляет мне ремень.

Г е н е р а л. Ну, что ты так на него кричишь. Какой ты там номер хотел сыграть? Сделаешь? А музыка у вас, вообще, есть?

Киваю головой.

Выхожу на улицу. Наши все ходят. Показываю прапорщику, как играют на гитаре, и пальцем в сторону генерала.

Сижу в комнате генерала. Свисток блестит.

Красный нос генерала тоже. Генерал улыбается. Ромыч рвет «Батяня Комбат». Закончил.

Г е н е р а л. Два нормальных бойца на всю армию.

В этот момент слышим кричалку.

К у з н е ц. Ханкала и москвичи...

Б о й ц ы (*шепотом, но все вместе*). Мудаки и стукачи.

Полковник это слышит и выбегает на улицу, показывая кулак прапорщику.

Тот делает вид, что не замечает. Бойцы продолжают ходить строем.

Через какое-то время кричалку повторяют.

Уже сильно пьяный генерал выглядывает в окно. Видит бойцов. Оборачивается в нашу сторону. Смотрит на Ромыча.

Р о м а н. Это они по-чеченски... Кричат, что любят и уважают москвичей.

Генерал закрывает окно.

Утром разношу письма по казарме. Останавливаюсь возле койки Бури. Свищу и протягиваю ему письмо. Буря берет его и уходит. Свищу и отдаю письмо Башке.

Ко мне подбегает Руся. Писем больше нет. Я длинно свищу. Злой Руся меня отталкивает и выбегает.

Утром опять построение. Опять гимн и флаг. Опять генерал. Опять «тянем гимн».

В этот момент со стороны гор кто-то стреляет из гранатомета. Громкоговоритель разлетается на куски. Сбиты и флагшток, и флаг.

К у з н е ц. Кольцо. Занять оборону.

Мы встаем по периметру готовые к бою. Больше никто не стреляет.

Р о м а н. Аллах Акбар.

Генерал испугался и упал прямо в грязь. Его офицер и полковник поднимают генерала.

Г е н е р а л (*орет*). Всех уволю! Всех домой!

Бойцы кричат: «Увольте нас, товарищ генерал. Домой хочу. К маме». Генерала сажают в машину. В сопровождении двух БТР он уезжает.

Ахмед бросил пустой гранатомет. Это он сбил флагшток. Нурди поднял гранатомет и вдохнул запах гари из ствола.

А х м е д. Аллах Акбар.

Он помолился, и они ушли.

После обстрела русской части Нурди вернулся домой вместе с Ахмедом. Гордо прошел мимо отца в дом. Масуд выжидательно смотрел на Ахмеда. Ахмед заговорил первым. Говорили по-чеченски.

А х м е д. Ее опять видели с русским.

М а с у д. Он в понедельник уезжает.

А х м е д. А если вернется?

В дверях стоял Нурди. Ахмед ему улыбнулся.

М а с у д. Хорошо. Все в руках Аллаха.

Днем стою у дверей комендатуры. Люди входят и выходят. Слышу, какая-то девушка-журналистка берет интервью у бородатого чеченца. Он отвечает по-русски.

Б о р о д а т ы й. В лесу было тяжело. Все таскали на себе. Человек, который там не был, не поймет.

Д е в у ш к а. Вы не жалеете, что пошли воевать?

Б о р о д а т ы й. Нет. Я не считаю, что даром воевал.

Д е в у ш к а. Зачем же вы сдались?

Б о р о д а т ы й. Сдаются на поле боя, под белым флагом. Чеченцы складывают оружие.

Напротив комендатуры стал собираться народ. Женщины, старики, дети. В нарядных одеждах.

Д е в у ш к а. Говорят, вы сложили оружие, когда ваших родственников взяли в заложники?

Б о р о д а т ы й. Они помогали мне. Давали еду, кров. Если я бандит,

то и они бандиты. Я вышел, их отпустили.

Д е в у ш к а. У вас теперь прибавилось врагов?

Б о р о д а т ы й. Врагов всегда много. Я их уважаю.

Д е в у ш к а. Как вы относитесь к русским солдатам?

Б о р о д а т ы й. Солдаты, которые пьют водку. Ночью обстреливают села. Это не солдаты. Кого здесь только нет: МВД, ФСБ, ОМОН... А толку? А их знамена: лисы, орлы. Не хватает только водолазов и космонавтов. Я их уважаю.

Д е в у ш к а. В Чечне может быть мир?

Б о р о д а т ы й. Да. Мы, чеченцы, всегда найдем общий язык. И никогда с теми, кто извне. Хозяевами Чечни должны быть чеченцы. Клянусь Аллахом, даже ему было бы трудно отвечать на твои вопросы.

Д е в у ш к а. Спасибо.

Бородатый вышел на улицу. В камуфляже. Плотный, среднего роста, около сорока лет. Рядом охрана с автоматами. Тоже чеченцы.

Когда он увидел толпу чеченцев, которые его встречали, то широко улыбнулся. Они обступили его. Разговаривали по-чеченски. Принимали его, как героя. Поднесли вина. Он отказался. Девушка протянула ему яблоко. Бородатый обернулся ко мне и бросил яблоко. Поймать не смог. Яблоко упало. Когда его поднимал, уронил винтовку, да еще и каска свалилась. Глядя на меня, все засмеялись.

Появился Кузнец. Все это видел. Решил поиграть. Бросил Бородатому гранату. Кольцо не вытаскивал.

Бородатый ее поймал. Охрана передернула затворами. Толпа замолчала. Бородатый взял бутылку с вином за горлышко. Разбил ладонью толстую часть бутылки. Опустил туда гранату и сделал несколько глотков. Чеченцы зашумели и захлопали.

Я стоял рядом. Бородатый протянул бутылку мне. Я взял. В этот момент он вытащил кольцо из гранаты и повесил его мне на палец. Стенки бутылки не давали гранате взорваться. Толпа опять замолчала. Они все отошли. Ждали.

Ко мне подошел Кузнец. Оглянулся на комендатуру. Сжал мои руки в своей и увел за комендатуру.

Сидели в детской песочнице под сгоревшим грибком. Я держал бутылку с гранатой. Кузнец пытался вытащить. Порезался. Пальцы большие, не влезают.

Толпа за нами наблюдала.

Тогда я довольно легко вытащил гранату из бутылки и зажал. Кузнец снял кольцо с моего пальца. Руки у него дрожали. Еле вставил кольцо. Убрал гранату в карман. Немного посидел. Встал и повернулся к чеченцам. Взял у меня из рук бутылку. Залпом выпил и разбил бутылку о землю.

Толпа зашумела. Бородатый засмеялся. Помахал своим рукой. Прыгнул в джип и уехал.

Рано утром общий сбор. Сидим в полной боевой. Вбегает Кузнец.

К у з н е ц. По коням.

Загружаемся на БТРы. Поехали. Вдруг Буря спрыгивает с БТРа и бежит в казарму. Встали.

Возвращается с ленточками — амулет на счастье. Убирает во внутренний карман.

Прапорщик показал ему кулак. Выдвигаемся. Проезжаем утреннее село. Пустые дворы. Заборы. Дома.

Выезжаем на горную дорогу. К нам присоединяется еще несколько танков и БТР. Идем одной колонной.

Уже днем въезжаем в разрушенный город. Целых домов нет. По развалинам ходят местные. Зло смотрят на нас. На шум из подвалов выбирается еще народ. Все грязные. Дети. Женщины, старики.

Вижу мальчика, лет восьми... Рядом тележка — в ней гильзы из-под патронов. В руках самолетик. Мальчик играется с ним. Самолетик летит, и из него вылетают гильзы, как бомбы, и падают на землю. Мальчик встречается со мной глазами, проводит рукой по горлу.

Едем дальше. В грудах кирпичей лежит венок и ленточка: «Погибшим товарищам. Простите, что не успели. Пермский ОМОН».

Пацаны смотрят друг на друга. Становится хреново.

Выезжаем из города. Разъезжаемся. Танки налево. Мы направо. Встаем.

К у з н е ц. Рота, окопаться. Занять позиции. Рот закрыть. И не курить. Рамзес.

Уходит куда-то с Рамзесом.

На соседней высотке находятся контрактники. Вижу танки.

Смотрю в оптику. Внизу три дома. Какие-то люди в военной форме с автоматами и пулеметами. Женщины варят обед. Мужчины разговаривают. Нам их даже слышно.

Руся наблюдает в оптику за боевиками.

Р у с я. Фрицы шашлык жрут.

Б а ш к а. Домой бы. Жрать охота.

Б у р я. Русь, знаешь, почему тебе писем нет?

Р у с я. Ну...

Б у р я. Их Рамзес читает. У него бабы-то нет.

Р у с я. Гонишь?!

Руся ловит в оптику Рамзеса. Тот что-то пишет на бумаге, используя спину Черта, как стол.

Возвращаются прапорщик и Рамзес.

К у з н е ц. Отбой. Возвращаемся.

Злой Руся вскакивает.

Р у с я. Да это хрень какая-то!

Ловит в прицел боевиков. Они спокойно собрались и длинной вереницей уходят в горы.

К у з н е ц. Отставить. Домой.

Р а м з е с. Краснокожие опять перехитрили бледнокожих.

Сонные и уставшие, забираемся на броню.

В части сразу же в столовую. Злые, грязные и голодные. Работаем ложками, как сумасшедшие.

В палатке спим прямо в одежде.

Днем Аминат мыла посуду, когда вошел отец. Он долго на нее смотрел. Подошел и поцеловал в лоб.

М а с у д. Ты знаешь, что я тебя люблю?

А м и н а т. Да, отец. Я ничего не сделаю против вашей воли.

М а с у д. Русский завтра уезжает. Попрощайся с ним, но чтобы никто не видел.

А м и н а т. Я не знаю...

М а с у д. Напиши ему.

Аминат улыбнулась и обняла отца. Отец увидел, как она обрадовалась, и сжал кулаки от злости, но вида не подал. Аминат поцеловала его и убежала.

Роман стоял возле комендатуры, когда мальчишка бросил ему записку. Он прочитал. Понюхал ее и убрал.

А днем Роман сидел в маленьком брошенном доме на краю села.

Из окна хорошо была видна наша часть.

Аминат долго выбирала, что надеть. Крутилась перед зеркалом. Оделась и попыталась выйти. Дверь была заперта.

А м и н а т. Отец. Нурди, это ты? Открой. Мне надо уйти.

Нурди подошел к двери с той стороны.

Н у р д и. Русский хочет домой. Ахмед его отвезет. Скоро их всех увезут.

А м и н а т. Нурди, Нурди. Отец...

Нурди улыбнулся и ушел.

Аминат вылезла в окно на крышу. Спустилась по лестнице и выбежала на улицу.

Ахмед видел, как к заброшенному дому бежала Аминат. Он спрятался. Дождался, пока она вбежала в дом. Закрыл за ней дверь.

Три боевика Ахмеда начали обстреливать часть. Сидели они под домом, где находились Аминат и Роман.

Ахмед стоял в стороне и наблюдал.

Со стороны части охрана ответила пулеметным огнем.

Мы сидим в окопе. По нам стреляют. В ответ Рамзес стреляет из подствольника. Попадает точно в окно.

Плафон и Черт ударяют друг друга по рукам.

Огонь прекращается.

Выдвигаемся к дому. Перебежками и ползком. Кузнец впереди. За ним Рамзес, Башка и Черт с Плафоном. Мы идем за БТРами.

Прапорщик добирается до дома. От взрыва вышибло дверь. Он туда заглядывает.

Мы подходим. В дверном проеме вижу убитого Ромыча. Он прикрыл со-

бой Аминат. Лежит на ней. Мертвы оба. Но главное — оба улыбаются.

Из села бежит Масуд.

Прапорщик пытается вынести Ромыча на улицу. Тот намертво сжал руку Аминат в своей руке. Лицо в крови. Кузнец еле разжимает руку.

В дом вбегает Масуд. Бросается к дочери. Она улыбается ему. Она улыбается всем.

Масуд на руках выносит ее на улицу. За ним прапорщик выносит Ромыча.

На улице Масуд и прапор, продолжая держать детей на руках, поворачиваются и смотрят друг другу в глаза.

После Масуд уходит.

Прапорщик кладет Ромыча на броню, БТР медленно едет.

Из села к нам уже бежит народ.

Мы уходим за БТРом. Первым идет прапорщик. Рамзес и его бойцы нас прикрывают.

Уже летит вертушка. Рамзес и Башка грузят Ромыча в вертолет.

Кузнец стоит рядом.

Смотрит на меня.

Я отвожу взгляд.

Днем, в казарме, Руся держит под прицелом винтовки Рамзеса.

Р у с я. Сука. Отдай письма.

Руся орет. Губы и руки дрожат.

У Рамзеса разбита губа. Течет кровь. За Рамзесом Плафон и Черт направили автоматы на Русю.

Б у р я (*орет*). Придурок, я же пошутил.

У Башки в руках пулемет. Переводит с разведчиков на снайперов, не зная за кого встать.

Р у с я. Она не твоя, сука...

Рамзес достает нож. Руся приставляет ствол винтовки к сердцу Рамзеса. Руки дрожат.

Р а м з е с. Скво пахнет мочой и спермой. Чужой спермой!

Р у с я. Отдай, сука, завалю...

Руки дрожат. В этот момент вбегает прапорщик. Рамзес говорит тихо.

Р а м з е с. Кузнец... Что мы здесь делаем? Живем, как крысы. Жрем, как крысы. Где великая война? Где бой? Один на один.

Рамзес улыбается.

В этот момент я вхожу в казарму. Медленно иду и тихо свищу.

Руся не выдерживает. Опускает винтовку и убегает.

Рамзес бросает нож. Он втыкается в гитару Ромыча. От удара рвутся струны.

Утренний намаз. Масуд, сын и Ахмед молятся в доме Масуда. У стены стоят автоматы.

Днем на окраину села выезжает БТР. На броне разведчики. Нурди выскакивает на зеленой «99». БТР уходит от столкновения. Съезжает с дороги на обочину и подрывается. Машина уезжает. Никто из села сюда не бежит. Закрываются ставни и двери.

Мы прилетаем на место подрыва. Вижу Рамзеса. Он ползет. Ног у него нет. Оторвало взрывом. Рядом с ним Плафон и Черт. Черт держится за голову. У Плафона по щеке течет кровь. С ужасом смотрю на безногого Рамзеса.

Кузнец кладет голову Рамзеса себе на колени.

К у з н е ц. Батыр, все будет хорошо. Держись.

Р а м з е с. Краснокожие опять на коне.

К у з н е ц. Батыр. Батыр...

Батыр умер.

Ночью Кузнец с разведчиками брали в доме боевиков. Прапорщик показывал Федору на входную дверь. Тот не успел к ней подойти. Черт из гранатомета выстрелил в окно дома.

Плафон дал по другому окну. Потом бросил в окно гранаты. Взрывы. Дом загорелся. Женщина попыталась выскочить из горящего дома. Но Черт дал очередь, и она упала.

Кузнец и Башка лежали на земле. Прапорщик ругался.

Днем едем в комендатуру. Сижу на броне. Проезжаем мимо дома, который взорвали разведчики. Дом уже восстанавливают. Новая кладка из кирпичей. Двери. Окна.

Кузнец и Башка переглядываются.

В комендатуре стоят по стойке смирно Кузнец и Башка. Рядом ходит полковник. Злой и весь красный.

В углу сидит Масуд.

Полковник останавливается рядом с Федором. Вытирает платком вспотевшую залысину.

П о л к о в н и к. Рассказывай. Соврешь, отдам под суд.

Федор смотрит на Масуда. Потом на прапорщика.

Б а ш к а (*заученно*). В дом войти не успели. Они себя подорвали сами.

П о л к о в н и к. Масуд, разберемся. Если врут, накажем.

Масуд зло смотрит на полковника, встает и выходит.

Полковник кладет листок бумаги на стол.

П о л к о в н и к (*Башке*). А теперь правду.

К у з н е ц (*Башке*). Выйди.

Башка выходит.

П о л к о в н и к. Какого хрена...

Я стою у дверей комендатуры.

Башка вышел на улицу. Подошли Буря и Руся. Дали ему закурить.

Б у р я. Ну чё там?

Р у с я. Не ссы, русские своих не бросают.

Башка бросил сигарету и залез в БТР. Бойцы за ним.

Вышел Кузнец.

Все уставились на него. Он улыбнулся. Все расслабились. Прапорщик залез на броню и ударил прикладом по люку.

К у з н е ц. Домой. (*БТР поехал.*) Стой.

Я на БТР сесть не успел.

Все смотрят на меня.

Я на них.

Прапорщик мне посвистел, передразнивая, как я тихо свищу в свисток. Бойцы засмеялись. Я запрыгнул на броню.

Днем Черт и Плафон собрали свои вещи. Прыгнули на броню, и их увезли. С нами они не прощались. Мы смотрели, как они уезжали. Подошел прапорщик.

К у з н е ц. Переводят в другую часть. (*Башке.*) Остаешься за старшего. Жди пополнения.

Башка хотел что-то сказать, но не смог. От волнения заплакал. Прапорщик хлопнул его по плечу и ушел.

Утром иду в туалет и обалдеваю. В середине нашей части, на месте нашего «стадиона», стоит большой шатер-палатка. Рядом две командно-штабные машины. Ходят солдаты. Огораживают КШМки сеткой. Выставляют свою охрану. Разворачивают в них какие-то антенны.

В казарме общее построение. Пришел даже полковник.

К у з н е ц. У нас гости. Это временно. Вопросов не задавать. К ним не ходить. А лучше сделать вид, что их здесь совсем нет. Все понятно?

Б о й ц ы. Так точно.

Лежу на кровати. Буря смотрит телевизор. Башка и Руся играют в карты.

Я в окно наблюдаю за соседями. Военные ходят из машины в машину. В руках какая-то аппаратура, антенны, рации.

Стою у сетки. За ней шатры. Выходят два здоровых бойца. Один несет два мешка с мусором. Второй везет на телеге два бачка с фекалиями. Ставят передо мной. Беру мешки. Подходят наши.

Р у с я. Эй, корешок. Дай прикурить.

Солдаты молча закрывают ворота.

Р у с я. Да ладно, чё вы. Все же свои. Вы чё, спецы какие?

Подошла охрана. Три бойца. Щелкнули затворами.

Р у с я. У меня тоже такой есть. Смотрите, мошонки себе не прострелите.

Буря смотрит на мусор и телегу.

Б у р я. Да, и дерьмо у них тоже специфическое.

Проснулся утром. Вышел и опять удивился. Шатров нет. Ограды нет. Люди тоже исчезли. В центре только мешки с мусором и баки с фекалиями.

Вечером смотрим телевизор. Ведущий рассказывает о точечном ударе федеральных войск в Чечне. Убили какого-то важного полевого командира и все его окружение.

Б у р я. Дерьмо, дерьмо, а стрелять умеют.

Руся приносит видеокассеты. Смотрим фильм «Голубая лагуна». На

экране целуются обнаженные мужчина и женщина.

Я лежу на койке. Смотрю в окно. Темно. Вижу только силуэты. Они стоят в ряд. Штаны спустили.

Б у р я. Русь, знаешь, кого в снайперы берут?

Р у с я. Художников и пианистов...

Б у р я. И онанистов. Глаз кривой, зато рука сильная.

Руся заржал.

Б а ш к а. Да заткнитесь вы.

Тени стояли в ряд. Каждый думал о своей женщине.

С утра зарядил дождь. Опять сидим в палатке в полной боевой выкладке. Буря делает насечки уже на второй стойке кровати.

Вбегает Башка.

Б а ш к а. Рота, по коням!

Под проливным дождем садимся на БТР. Буря выносит подушку. Башка садится на нее. Руся и Буря на ковриках. Я на голой броне. Выезжаем. Первый БТР не заводится. Тогда второй подъехал, уперся в него и подтолкнул. Протащил его три метра, и тот тоже завелся.

Дождь прекратился. Опять поля. БТРы месят грязь дорог. Поздно вечером проезжаем один дом. По периметру двора горят газовые горелки, что придает дому зловещий средневековый вид.

Утро. Спим под БТРом.

День. Остановка. Занимаем позиции. Мы на возвышенности. Дом внизу.

Башка собирает коноплю. Она здесь растет везде.

Мимо нас старик чабан проводит отару овец. Его никто не останавливает.

Ч а б а н. Сынки, курево есть?

Руся протягивает пару сигарет. Потом отдает всю пачку.

Ч а б а н. Страшно, сынок, в человека-то стрелять?

Р у с я. В русского страшно, а так нет.

Старик уходит.

Откуда-то появляется вечно пьяный капитан-медик.

В р а ч.

Пришел старик. Просил курить,
А мы ему хотим вломить,
На что земля чужая нам,
Ведь все мы будем там.

Р у с я. Да идите вы, товарищ капитан, со своими стихами.

Он еле сдерживается, чтобы не покрыть его матом.

Капитан уходит, продолжая читать.

В р а ч.

Иди ты на фиг, капитан, такой мотив.
Иди ты просто, капитан, и будешь жив.

Прибежал Кузнец.

К у з н е ц. Башка, Буря, со мной. Свист, Руся, прикрываете. Начинаем.

Р у с я (*все еще не веря*). Ну, ну... «Он сказал: поехали. Он махнул рукой...»

Огнеметчики открыли огонь.

Потом пошли прапорщик с бойцами. Обстрел прекратился, и бойцы вошли в дом.

Ловлю в прицел. Прапорщик выходит из дому. За ним женщина и мальчик лет пяти. Оба очень напуганы. Больше в доме никого нет.

Прапорщик машет нам руками.

Все мы спускаемся к дому. Кругом солдаты. Техника.

Мать и сын стоят в стороне.

Солдаты ругаются. Курят.

Мальчик смотрит на меня.

Я на него.

Вдруг кто-то начинает отбивать лезгинку. Мальчик танцует. Танцует, чтобы скрыть свой страх перед врагами. Танцует, потому что он мужчина. Солдаты хлопают. А он танцует.

Кто-то дает автоматную очередь. Садимся на БТР и уезжаем.

Мальчик смотрит нам вслед. Мама кладет ему руку на плечо. Он руку сбрасывает. Уже большой. Смотрит нам вслед.

А там в горы, под алый закат, уходит военная колонна.

Вернулись в часть. Сразу же построение. Полковник и прапорщик проводят обыск. Выворачивают вещмешки. Добрались до Башки.

Башка снимает вещмешок и достает оттуда коноплю. Она слиплась в один брикет.

П о л к о в н и к. Расскажи-ка мне, боец, на что это похоже?

Башка смотрит на прапорщика.

Потом на бойцов.

Опять на полковника.

Б а ш к а. На траву, товарищ полковник.

П о л к о в н и к. И зачем тебе трава, боец?

Б а ш к а. Ноги грею, товарищ полковник. Голова болит. Мама говорит, что помогает.

После этого Башку сажают на стул перед строем. Ноги опущены в таз с водой.

Полковник и прапорщик стоят рядом.

Башка берет коноплю. Смотрит на бойцов. Мы уставшие после похода, но нам смешно.

Башка отщипывает немного травки и бросает в таз.

Бойцы начинают смеяться еще громче.

Полковник вздыхает и уходит. Прапорщик забирает траву и тоже уходит.

Днем на импровизированном стадионе, за пределом части играем в футбол с саперами. Рядом стоят БТРы. Под ними болеют механики. Рядом привязаны собаки. Джек смотрит на своего хозяина.

Я на воротах. Один бьет и попадает мне в голову. Падаю. Почти потерял сознание. Бойцы ржут.

За ноги Буря меня оттаскивает за ворота.

Лежу. Смотрю в синее небо.

Смуглый хозяин Джека сильно бьет по мячу, и тот улетает в поле. Джек это принимает за команду. Сильно дергается и отвязывается. И сразу бежит за мячом.

Смуглый тоже бежит за мячом... Раздается взрыв.

К у з н е ц. Стоять! Стоять!.. Всем стоять.

Смуглый подорвался на мине. Ему оторвало левую ногу. Лежит, истекая кровью. До раненого десять-пятнадцать метров, но никто не идет.

Джек подходит к хозяину и садится возле него. Смуглый его обнимает. Плачет.

Я начинаю тихо свистеть и подзывать Джека.

Джек смотрит на меня. Потом на хозяина. Подбегает ко мне. Беру его за поводок. Осторожно иду за ним к раненому. Прапорщик за мной. Нога в ногу. Доходим. Прапорщик берет его на руки.

Выходим. Падаю на землю.

Кузнец перетягивает раненому ногу ремнем. Раненого кладут на броню, и БТР уезжает в часть.

Мы тоже уходим в часть. Я встать не могу. Только сейчас испугался. Ноги отнялись. Ползаю среди бойцов, но встать не могу. Пытаюсь что-то сказать, но не могу. Все на меня смотрят. Плачу и смеюсь одновременно.

Башка берет меня на руки и несет в часть.

Руся поднимает мою каску. Буря берет мою винтовку. Уходим.

А мяч так и остается лежать на минном поле.

После такого геройства лежу на койке. Рядом Башка и Буря.

Руся приносит из столовой кашу.

Ем с удовольствием.

Руся запрыгивает на Бурю. Тот его катает по казарме.

Глядя на пацанов, смеюсь. Нам весело.

Ночью лежим.

Б у р я. Свисток, у тебя было такое? Вот ты хочешь куда-нибудь попасть, а тебя не пускают. Вот в очередь хочешь вписаться, а тебя не пускают?

В ответ я тихо свищу.

Б у р я. Башка, чё мы здесь торчим?

Р у с я. Воюем! Русские воюют, как умеют!

Б а ш к а. Картошку копаем!

Б у р я. Как бы нас самих на удобрение ни пустили.

А в окне опять луна.

Днем покупал пирожки на рынке. Завернул за угол и лицом к лицу встретился с Ахмедом. Удар сзади по голове. Теряю сознание. Падаю.

Втаскивают в зеленую «99».

На дороге остаются лежать пирожки.

Меня выгрузили где-то в лесу. Идет дождь. Вокруг боевики. Заросшие, бородатые мужики в камуфляже. Меня тащат в землянку. Бросают в угол. Темно. Слышу разговоры. Засыпаю. Вытаскивают. Сажают на стул. Включают видеокамеру. В руки дают свежую газету.

Б о е в и к. Номер части. Фамилия, имя.

Мычу. Пытаюсь жестами показать, что не могу говорить. Поднялся. Тут же получил прикладом в лицо. Вырубился.

Пожилой чеченец отдал боевику два мешка муки. Взамен получил меня.

Боевик посадил меня к нему в машину. Меня опять увозят.

Во дворе своего дома новый хозяин стреляет из автомата мне по ногам. Я прыгаю.

Он смеется.

Я падаю. Бьет меня плеткой. Я лежу на земле.

Ночь. Сижу в яме. Луны не видно. Тихо-тихо свищу в свисток.

Днем собрались зрители. В основном мальчишки и старики.

Хозяин на коне бьет меня кнутом. Я убегаю. Он меня догоняет.

Зрители одобрительно свистят и хлопают.

Мальчишки кидают в меня камни. Падаю.

Зрители недовольны.

Хозяин спрыгивает с лошади. Кнут. Опять удары. Теряю сознание.

Другой старик моему хозяину дает новый автомат. Опять обмен. Я опять в другой машине. Опять еду. Вырубаюсь.

Сижу во дворе у старика. Входит его внучка. Со злостью ставит передо мной таз с водой. Что-то говорит по-своему и уходит. Я умываюсь.

Дед фотографирует меня. В руках у меня свежая газета.

Опять ночь. Яма. Луны не видно, хотя немного светло. Достаю свисток. Тихо. Тихо свищу. Прячу его в землю, чтобы не отобрали.

Днем пилим дрова со стариком.

Ношу воду из родника. Старик рядом. В руках старенькая винтовка. А вокруг опять горы.

Вечером сижу, ем какую-то похлебку из фасоли. Кусок свежего хлеба. Левая нога пристегнута цепью к забору. Бежит дед.

Отстегивает. Толкает меня опять в яму.

Сижу в яме. Слышу, дед с кем-то ругается. Гляжу наверх, через решетку. Там появляется Нурди — сын главы. Потом сам Масуд. Опять ругаются. Слышу голос русского паренька. Он плачет.

Р у с с к и й. Дяденька, дяденька, не надо. Я никого не убивал. Дя... Аааа...

Тихо. Ночь, яма. Идет мелкий дождь. Откопал свисток. Тихо свищу. Капли дождя по лицу, а не слезы. Их уже нет. Да и сил плакать тоже. Я уже слишком «белый», чтобы переживать.

Утром копаю могилу для убитого солдата. Закапываю.

Днем со стариком куда-то уходим. Старик с винтовкой. Боюсь, что идут убивать. Иду медленно. Постоянно озираюсь на старика. Везу пустую телегу. Смотрю по сторонам. Подходим к сгоревшему дому. Грузим на телегу печку-буржуйку. Здесь немного расслабился.

Везем обратно.

В гору еле тащу. Старик смотрит, смотрит... Потом все-таки решает помочь. Затаскиваем. Залезаю на печку. С ветерком слетаю с горки. Еду, мычу, руками машу. Свобода.

Свобода кончается, когда ломается колесо. Падаю в овраг. Тащу печку на себе. Еле иду.

Дед идет рядом, улыбается.

Вечером нагрел воды. Дед разрешил мне помыться. Моюсь в большом тазу во дворе.

Дед приносит мне гражданскую одежду. Переодеваюсь.

Сижу в комнате на стуле. Дед крутит в руках видеокамеру. Не может разобраться. Я показываю руками, что могу помочь. Он смотрит на меня. Отдает камеру. Берет в руки винтовку. Я включаю камеру. Снимаю деда. Показываю ему запись. Он улыбается. Убирает винтовку.

Снимает меня. Я весь чистый, в новой одежде сижу перед камерой. В руках свежий номер «Коммерсанта».

Ночью сплю на соломе в хлеву. Дверь дед закрыл на замок.

Утром через щель вижу деда. Он вынес коврик. Сел на него и начал молиться.

А позже ставим печку в комнате.

Дед на секунду вышел. Я оглядел комнату. На столе семейное фото. Семья очень большая. Здесь дед и внучка. Она обнимает какого-то молодого чеченца. Догадываюсь — они муж и жена. Рядом мое фото и фото этого молодого человека. Тут же на столе лежит карта местности. Отмечена наша часть. Еще несколько блокпостов.

В дверной проем вижу внучку. Она вся в черном. Крутится перед зеркалом, примеряя на себя пояс шахида. Увидела меня. Открыла дверь. Бросила в меня тарелку. Я нагнулся. Тарелка разбилась. Прибежал дед.

Она тут же закрыла дверь.

Устанавливаем ТВ-тарелку на крышу дома. Я на крыше. Смотрю вокруг. Ни людей, ни домов. Осенние поля начинают желтеть. И горы, горы, горы...

Вечером вместе с дедом смотрим новости. Ведущая говорит о спецоперации федеральных войск. Показывают убитых боевиков.

За это дед опять посадил меня в яму.

Днем укладываю дрова в поленницу. Приезжает зеленая «99». Вылезают Масуд, Нурди и тот самый молодой человек — внук старика.

Девушка с криком бросается обниматься.

Выбегает старик. Внук садится перед стариком на колени. Потом встает. Они крепко обнимаются.

С заднего сиденья вытаскивают связанного солдата. Я узнаю Плафона. Весь избит. Стоять не может. Падает. Глаза оплыли от побоев. Он ничего не видит. Лежит и харкает кровью.

Из багажника выгружают второго. Это Черт.

Старик тащит меня в яму. Я иду медленно. Не могу выпустить из рук полено. Прохожу мимо Черта. Сильно избит, но на ногах стоит. Меня узнал и улыбнулся.

Сижу в яме. Чеченцы опять ругаются. Кто-то включил музыку. Началась дискотека. Какая-то дура на русском поет о несчастной любви. Криков не слышу. Только возню и какое-то рычание. Потом выстрел и тишина.

В яму бросают лестницу. Вылезаю. Первое, что вижу, — это лицо Черта. Его голова лежит рядом с ямой. Черт мне улыбается. В другой бы раз испугался и свалился бы в яму. Сейчас вылезаю. Рядом лежит Плафон.

Машины нет. Во дворе только дед. Сидит на ступенях. Расстроенный и сильно постаревший.

Опять копаю могилу.

Ночью в яму бросают лестницу. Вылезаю. Рядом никого нет. Полная луна и дом как на ладони.

Дед сидит в комнате. Целится в меня из винтовки. Я его почти не вижу. Но чувствую.

Поднимаю руки и иду от дома. Дед целится и видит, как я запнулся и упал.

Опускает винтовку. В комнате горит только свеча. Языки пламени выхватывают семейное фото. Свеча догорает, и фото погружается во тьму.

Поднимаюсь. Делаю еще несколько шагов. Нутром ощущаю ствол. Медленно захожу за сарай и бегу. Бегу. Падаю. Опять бегу. Опять падаю. Поднимаюсь и снова бегу.

Днем сплю в какой-то канаве. Осматриваюсь. Пытаюсь сориентироваться. Мои где-то внизу на предгорье. Где-то вдалеке мелькнула зеленая «99». Исчезла. Может, показалось. Может, нет.

Укрываюсь соломой.

Вечером выхожу и опять иду. Ночь. Опять дождь. Я иду. Мне плевать.

Под утро выхожу на какую-то дорогу. Стоит «Нива». В машине никого нет. Ключи в замке зажигания. Рядом вышел поссать «чех» с автоматом.

Свисток в рот. Бегу к нему и свищу что есть мочи. Так сильно, что самому заложило уши. Психическая атака сработала. Тот испугался. Автомат уронил. Толкаю его в овраг. Тот падает.

Запрыгиваю в машину и по газам. Вдруг кто-то вцепился мне в лицо. Женщина пытается выцарапать мне глаза. Чеченка, но ругается по-русски: «Сука. Блят...» Мне почему-то смешно.

Останавливаюсь. Открываю дверь и выкидываю ее на землю. Еду по дороге, как пьяный или как псих. Нет — как пьяный псих. Виляю вправо, влево. Насвистываю. Свобода. Мне хорошо.

Остановился. Вылезаю. Пытаюсь найти хоть какой-то ориентир. А вокруг сырые и грязные поля. Величественные горы. Вдруг из-за поворота выскакивает зеленая «99». Прыгаю в машину и по газам. Они за мной. Догнали. Толкаемся. Не стреляют. Хотят взять живым. Пытаются столкнуть с дороги. Я не уступаю. Умру, но не сдамся. Здорово столкнулись. Нурди не справился с управлением, и машина улетела в яму. Меня тоже вынесло с дороги и перевернуло.

Вылезаю и бегу. Поднимаюсь на пригорок. А внизу село и наша часть. Бегу.

Нурди, Масуд и еще три человека бегут за мной.

Руся и Буря стоят на краю села.

Из дома выходит наш врач с двумя бутылками вина.

Руся видит меня. Ловит в оптику. Но не узнает.

Я бегу. Машу им руками. Начинаю свистеть.

Р у с я. Бля... Это же Свисток!

Буря в прицел ловит меня. Я машу руками и свищу. За мной бегут вооруженные люди. Он их тоже видит.

Б у р я. Надо в часть за Кузнецом. Их много.

Буря испугался, хочет убежать. Руся смотрит на него. Потом на меня.

Увидев вооруженных людей, врач бежит по дороге в сторону части.

Б у р я. Придурок. Кузнеца позовем, пацанов и сразу назад.

Руся смотрит на убегающего капитана. Потом на Бурю. Потом на меня. Я падаю. Поднимаюсь. Меня догоняют. Буря хватает Русю и тащит в сторону части. Руся вырывается. Еще раз ловит меня в прицел.

Потом дергает затвор. Ловит в прицел боевика и стреляет. Боевик падает. По боевикам начинают стрелять. Руся и Буря прыгают в овраг. Руся начинет отстреливаться. Буря сидит в овраге и орет, закрыв голову руками.

Я добегаю до пацанов и прыгаю к ним.

Б у р я. Придурок, сука тупорылая. Нам всем из-за тебя...

Я вижу, как он боится. Отстреливается в воздух, даже не вылезая из оврага.

Русю подстрелили. Пуля оцарапала щеку. Он выронил винтовку и схватился за лицо.

Здесь я не выдерживаю. Выскакиваю из оврага. Ко мне возвращается голос. Начинаю кричать в сторону врагов. Пытаюсь криком убить их всех. Начинается истерика.

Вдруг кто-то хватает меня за плечо и бросает назад в канаву. Над нами проходит очередь. Меня спасли. Это Кузнец. Мы лежим в овраге. Он прижимает меня по-отечески к себе. Я царапаю руками землю и ору. Ору, как проклятый. Как человек, который побывал в аду.

Прибегает Башка. Из пулемета покрывает всю поляну. Смотрит на меня и не выдерживает. С криком выскакивает из оврага. На плече пулемет. И он бежит в атаку. Бежит, стреляет и орет. Орет, орет...

За ним, с криком, выскакивает Руся. Пацаны идут в атаку. Орут, как полные психи.

Буря достает ленточки. Засовывает их в рот и тоже бежит.

К у з н е ц. Стоять, суки. Стоять.

Башка укладывает двух боевиков.

Буря орет «ура» и роняет изо рта

ленточки. Спотыкается и падает. Это его и спасает.

Боевик лежа выстрелил, но очередь проходит выше. Буря прицеливается и стреляет в ответ. Попадает в голову.

Четвертый боевик, лежа в овраге, отстреливается. Хочет выстрелить в Русю, но патроны кончились. Боевик бросает автомат и бежит.

Руся бросает винтовку. На ходу достает нож. Прыгает. Сбивает с ног врага. И больше по инерции вгоняет ему нож в спину. Переворачивает боевика и смотрит на него.

Это Нурди. Молодой, лет восемнадцати. Черные кудри и очень красивое лицо. Руся смотрит ему в глаза и понимает, что сейчас убить его бы не смог.

Кузнец медленно подходит к зеленой «99». Там сидит раненый Масуд. Пытается завести машину. Их глаза встречаются. Бойцы окружают машину.

В какой-то момент Кузнецу становится жаль врага. Но в этот момент подхожу я. Уставший, поседевший, избитый.

Кузнец достает гранату, выдергивает чеку и бросает на заднее сиденье автомобиля.

Бойцы отбегают от машины.

Я не вижу и не слышу, что говорит Масуд. Я вижу только взрыв.

Я смотрю на Кузнеца. Он отводит глаза.

Убитых скинули в яму и подожгли. Возвращались в часть пешком. Шли молча. Грязные, похожие на шахтеров. Оружие на плече.

Башка врезал подзатыльник Буре. Тот забежал вперед и начал передразнивать Башку. Стал орать, как орал Башка, когда шел в атаку.

Бойцы засмеялись. А Буря продолжал паясничать. Водил руками из стороны в стороны, имитируя пулемет, и продолжал кричать.

Кузнец засмеялся.

Я тоже.

Сижу в штабе. Урывками глотаю горячий чай. Никак не могу напиться. На столе карты. Отмечаю места, где был, где видел боевиков. Рядом полковник. Еще два каких-то военных.

Прапорщик приносит мне новую форму.

Беру в руки гимнастерку. Там наша нашивка «сфинкс». Бухаюсь в нее лицом и начинаю плакать.

П о л к о в н и к. Уточняем детали. Утром уходим. Он пускай отсыпается.

К о л я. Я пойду с вами.

Прапорщик мне улыбается.

Утром окружили яму в лесу, где когда-то был я. Кому-то надо идти внутрь.

К у з н е ц. Буря, Руся. Проверить.

Б у р я. Я не пойду.

Р у с я. Может, рванем? Чё зазря пацанов гробить.

Я хватаю автомат и вбегаю в землянку. Стреляю во всё. Темно. Выстрелы высвечивают земляные стены. Тени. Тени. Тени. В яме никого.

Выхожу наверх.

К о л я. Чисто.

Сел возле дерева. Руся протягивает сигарету. Затягиваюсь. Бойцы довольно переглядываются.

Кузнец и Буря уходят внутрь.

Уходим. Оборачиваюсь на лес. Оттуда гремит взрыв. Взорвали яму.

Тем же утром окружаем два дома. Мы слева. Танки справа. Ждем. Начинают бить танки. Подключаются минометчики с соседней высотки. Начинается бой. Внизу забегали боевики. Стреляет каждый куст возле дома.

Мы стреляем в ответ. Руся ловит в прицел боевика. Выстрел. Тот падает.

Руся делает очередную, шестую насечку на прикладе.

Боевики выбрасывают белый флаг. Бой прекращается...

Перед нами на коленях стоят боевики. Руки за головой. Узнаю того, кто бил меня плеткой. Подхожу. Смотрю ему в глаза. Он меня узнает.

Б о е в и к. Хорошо бегал русский. Жаль, не забил тебя, собаку.

Дергаю затвор. Руки не дрожат. Чувствую только тупую злость. Стреляю прямо в лицо. Тот заваливается на бок.

На выстрел прибегает Кузнец.

Смотрит на меня. Кивает Буре.

Руся и Буря оттаскивают боевика к остальным убитым.

Из окружения вышли только три боевика. Раненому Ахмеду помогли добраться до машины. У него не было левой руки. Грязная повязка перетянула рану.

Погрузили в машину и увезли.

Подъезжаем на БТРах к дому, где жил дед. ТВ-тарелки на крыше нет. Тихо.

Входим в дом. Убитый дед лежит в своей комнате. В руках семейное фото.

В спальне, на белых простынях лежат обнаженные молодожены.

Выкапываем тела Плафона, Черта и еще одного русского солдата. Грузим на УАЗы.

К у з н е ц. По коням.

Приказ не слушаю. Иду в дом. Вытаскиваю тело деда. Тащу в яму, где только что были Черт и Плафон. Спускаю.

Бойцы на меня смотрят.

Возвращаюсь за молодыми. Руся мне помогает. Вдвоем закапываем. Устаем. Башка нас меняет.

Сижу на земле возле дома. В руках цепь, на которой я когда-то сидел.

Буря поливает дом бензином. Выходит на улицу. Поджигает факел и отдает мне.

Бросаю последний взгляд на дом и бросаю факел.

Садимся на БТР. И вот здесь я опять вбегаю в уже горящий дом.

К у з н е ц. Стоять.

Выбегаю из дома. В руках коврик, на котором молился дед. Бросаю его на броню и сажусь. Кайф. Башка одобрительно бьет меня по плечу. Я прикладом долблю по броне. Можно ехать. БТР ревет и увозит нас отсюда.

Последний взгляд на горящий дом.

Днем Кузнеца вызвали в штаб. За столом сидел полковник. Перед ним лежало личное дело прапорщика. Прапорщик улыбался, но, увидев дело, сделал серьезное лицо.

П о л к о в н и к. Рыбалку любишь?

Прапорщик стоял по стойке смирно.

К у з н е ц. Никак нет, товарищ полковник.

П о л к о в н и к. Я тоже. Я охоту люблю. Рань, самая первая. Ягодами пахнет, земляникой. Сидишь, ждешь. Чувствуешь, кабан на тебя идет. Ждать до последнего, когда он выйдет на лужаечку. Выдержка, как у снайперов. Курить нельзя. Пить тоже. Не сдержишься, тебя на охоту больше никто не возьмет. И...

К у з н е ц. Я двадцать лет уже на охоте.

Полковник закрыл личное дело и встал.

П о л к о в н и к. Советую заняться рыбалкой. Пока на тебя охоту не открыли.

К у з н е ц. Спасибо за совет. Привык кабана брать в одиночку, а не расстреливать его на лужаечке из двадцати сраных стволов.

П о л к о в н и к. Свободен, товарищ старший прапорщик.

Ночью шел снег. Накинул бушлат и пошел в туалет. Чувствую, в соседней кабинке кто-то есть. Поворачиваюсь — это Кузнец. Сидит, курит.

К у з н е ц. Матери не сказали, что ты у них.

Хотел сказать спасибо, но сказал: «Так точно, товарищ старший прапорщик».

Он затянулся. Свет от сигареты на секунду озарил его лицо. Прапорщик выбросил сигарету.

А я стоял и смотрел, как он удалялся.

Рано утром прапорщик прошел по палатке. Все спали. Кузнец шел вдоль коек, поправлял бойцам одеяла.

Немного посидел у моей кровати. Улыбнулся. Потрепал меня нежно по голове и вышел.

Бросил мешок на броню БТРа.

Еще раз осмотрел часть.

Запрыгнул на броню. БТР заревел и, меся первый снег с грязью, выехал за пределы части. Солдат опустил за ним шлагбаум.

Кузнец спал на вокзале. Кругом были люди. Спали. Ели. Разговаривали.

Открыв глаза, прапорщик увидел,

как у спящей женщины какой-то мужик вытащил чемодан и пошел.

Прапорщик подбежал к ней. Разбудил. Женщина закричала.

Он побежал за вором, ему мешала шедшая навстречу толпа. Вор завернул за угол.

Он за ним. Догнал у гаражей. Тут же ударил. Тот упал. Прапорщик схватил его за горло и начал душить. Тот захрипел.

В о р. Дяденька, не убивай... Я же свой.

После этих слов прапорщик непроизвольно ослабил хватку. Сзади подбежал еще один. Ткнул прапорщика ножом в спину и убежал.

Вор вырвался и тоже скрылся.

Прапорщик провел ладонью по спине. Посмотрел — на ладони кровь. Улыбнулся. Понюхал ее. Лизнул.

Прибежала женщина. Схватила чемодан. Хотела что-то сказать, но увидела кровь на руках прапорщика. Испугалась и тоже убежала.

Прапорщик добрался до перрона. Здесь упал. Кто-то бросил ему бумажную купюру, приняв за бомжа. Кто-то мелочь.

Это задело его, и он поднялся.

По перрону шла рота суворовцев. Мальчики лет пятнадцати. Он козырнул. Они тоже.

Суворовцы шли строем мимо него.

А прапорщик смотрел, как они заходят в вагон. В этот момент ему слышались смех его бойцов, разговоры, выстрелы, взрывы, мат и опять перестрелка. Когда зашел последний суворовец, звуки прекратились. Кузнец опустил руку. Достал свисток. Тихо свистел и спускался в подземный переход. Спустился вниз и завернул за угол. А через несколько секунд, откуда-то снизу из перехода послышался женский крик.

Сидел на койке, крутил в руках свой жетон. Влетел Буря. Он орал.

Б у р я. Баста, пацаны! Домой. Домой!

Руся и Буря качали меня на руках.

Обнимались и кричали. К нам прибежали саперы, механики. Стреляли в воздух и радовались. К нам вышел пьяный врач и опять читал стихи.

В р а ч.

Мы будем помнить холод гор,
Горячность наших командиров,
Солдатской юности задор
И смелость вражеских бойцов,
И смерть друзей и братанов,
Мы будем помнить!

Летели в брюхе вертолета. С нами опять летел тот самый священник.

Когда выходили, подошел к нему.

С в я щ е н н и к. За кого помолиться, сынок?

К о л я. Кузнец... Старший прапорщик.

Я уже дома. Бросаю мешок на пол. В квартире никого. Открываю дверь в свою комнату и не узнаю ее. Кругом разбросаны женские вещи. Сюда переехала сестра. На столе мое фото. Я в военной форме. Пририсованы рожки и усы. Не раздеваясь, ложусь на мягкий диван. Засыпаю.

Сестра Света и подруга стоят в коридоре. Смотрят на меня. Я сплю на полу. Диван слишком мягкий.

П о д р у г а. Говорят, они с войны придурками приходят. У Таньки пришел. Как напьется, ну придурок придурком.

С в е т а. Да заткнись ты.

Вскакиваю и начинаю орать. Девчонки испугались, завопили и убежали на кухню. Иду на кухню.

К о л я. Привет, молодежь. Мамка где?

С в е т а. Дурак.

Подхожу, целую сестру. Обнимаемся.

К о л я. А вы куда, на панель собрались?

П о д р у г а. На панели так уже не одеваются.

С в е т а. Там вообще не одеваются. У них денег на это нет.

К о л я. А чё, деньги нужны?

Достаю свои «пенсионные» за службу и протягиваю сестре. Денег очень мало, но Светка все равно обрадовалась. Обняла меня и опять поцеловала.

П о д р у г а. За такие деньги я бы к тебе близко бы не подошла.

С в е т а. Как оно, в армии-то?

Вопрос больно ударил в сердце. Опять стал серьезным.

Девчонки это почувствовали.

С в е т а. Ну, мы в магазин. Я маме позвоню.

Киваю головой.

Вечером сидим за столом. Мама, Светка и я. Молчим. Мама читает газету. Налил им вина. Себе сок. Мама отложила газету и закурила.

М а м а. С возвращением. (*Чокнулись.*) Почему не писал, что ты в Чечне?

К о л я. А где Платон?

Мама и Светка переглянулись.

М а м а. Пришлось выбирать, с кем гулять, с мальчиками или с Платоном.

С в е т а. Мама. Я не виновата. Он сам убежал.

Мама встала. Принесла пачку повесток из службы судебных исполнителей.

М а м а. На... Заплати, пока деньги есть. (*Она посмотрела на дочь.*) Ладно, я устала. Пойду лягу.

Я подошел. Обнял ее. Хотел поцеловать, но она не дала.

М а м а. Восстанавливаться будешь?

К о л я. Не знаю.

Мама ушла в комнату.

Светка оделась. Еще один поцелуй, и за ней хлопнула дверь. Стоял у окна и видел, как она выскочила из подъезда. Накрапывал летний дождик. Она схватила под руку подругу, и они куда-то побежали.

На столе лежала газета. Большой заголовок гласил: «Вторая Чеченская — абсурд или реальность?!»

В коридоре военкомата не протолкнуться. Молодежь проходит приписную комиссию. Толкаются. Дурачатся. Смеются.

Сижу в кабинете. За столом капитан. Что-то пишет. На меня даже не смотрит.

К а п и т а н. По контракту пойдешь?

К о л я. Никак нет.

К а п и т а н. В милицию?

К о л я. Никак нет.

Капитан откладывает ручку и смотрит на меня. Я встаю.

К а п и т а н. А кто пойдет? Я? Или эти обезьяны? (*Кивает в сторону коридора.*) Воевал, в плену не был. В чем проблема-то? Крепкий, здоровый...

К о л я. Никак нет.

К а п и т а н. Свободен, обезьяна.

Сижу в кабинете судебных исполнителей. Молоденькая девушка ищет в папке мое дело. Нашла. Читает.

Д е в у ш к а. По вашей вине произошло ДТП. Сумма ущерба составила...

Она показывает мне исполнительный лист. В кабинете сидят еще три женщины.

Д е в у ш к а. До сих пор не погасили долг.

К о л я. Я служил.

Д е в у ш к а. Ну и что. Мы тоже служим, и у нас долгов нет.

Ж е н щ и н а. Я вообще не понимаю, зачем за руль садиться, если водить не умеешь?!

К о л я. Я на права сдавал.

Ж е н щ и н а. Вот такие потом их покупают, и нам страшно ездить.

В т о р а я ж е н щ и н а. Да ладно вы, девчонки. Ведь вы готовы долг вернуть? Правда?

На глазах почти слезы, но держусь. Улыбаюсь этой женщине и киваю головой.

Прохожу мимо музыкальной школы. Слышу звуки, которые слышал в Чечне. Кто-то играет на дудуке. Захожу в школу.

В аудитории сидят люди. Идет концерт. Присаживаюсь.

Мальчик лет пятнадцати сидит на стуле, «терзает» дудук. Он закончил, и ему похлопали.

Потом сел другой мальчик. Лет двенадцати. Перед ним контрабас. Он заиграл, а я заслушался.

Ему тоже похлопали. Концерт закончился, и все разошлись. Я сижу один. Кто-то забыл трость. Выбегаю на улицу, но там уже никого нет.

Сижу в парке на лавочке. В руках трость. На соседней лавочке сидят два парня. Пьют пиво. Рядом играет трехлетний малыш. Один из парней,

отец, сделал глоток и достал свисток.

О т е ц. Смотри.

Он свистнул, и сын побежал к нему. Два раза свистнул. Сын прибежал к нему.

О т е ц. На счет два стоять. (*Сыну.*) Понял?

Отец опять свистнул.

Я лег.

Он опять свистнул.

Я встал.

Его друг заметил, что я под их команду ложусь и встаю. Показал другу на меня. Они подошли ко мне.

Свистит.

Ложусь.

Свистит.

Встаю.

О т е ц. Ты чё, сука... Обурел.

Он попытался меня ударить. Я увернулся и просто его оттолкнул. Сын заплакал.

А друг встал между нами.

Д р у г. Вали отсюда. Пока инвалидом не сделали!..

Стою в толпе призывников в военкомате. Они в трусах и майках. Я в форме, а в руках трость.

Рыжий вертлявый паренек бьет щелбан впереди стоящему тощему мальчишке. Тот отбивается.

Выходит капитан. Видит меня. На его лице появляется чертовски довольная улыбка. Заходит в кабинет. Сбрасывает со стола какие-то бумаги. Достает чистый лист. Кричит: «Скворцов!»

Молодежь передо мной расступается. Иду к кабинету. Капитан улыбается и пишет.

Не хромой, но опираюсь на трость. Иду и понимаю: я весь его... Капитан потирает руки и опять улыбается. Что-то пишет. Машет мне рукой, предлагая зайти в кабинет.

Иду медленно. Прохожу мимо молодых пацанов.

Они смотрят на меня.

Я смотрю только на капитана. Тот улыбается и пишет. Я весь его с потрохами...

Захожу в кабинет.

Поворачиваюсь. В приоткрытую дверь смотрю на пацанов. Рыжий все-таки допрыгался. Получил в ухо от здорового паренька. Сидит на полу. Ухо чешет.

Последний взгляд на парней. Закрываю дверь.

Я контрабас.

24
k/c

ИСКУССТВО
КИНО

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

Дорогие друзья!

Никогда не поздно подписаться на
единственный в России ежемесячный
журнал по искусству. Нас знают потому,
что «Искусство кино» — это профессия
и досуг, это новости кино и телевидения,
статьи о новинках репертуара и интервью
с мастерами современной культуры,
увлекательные мемуары и сценарии,
новейшая отечественная
и зарубежная проза.

НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 70402

Электронная версия журнала в Internet по адресу www.kinoart.ru

Тел. (499) 248-2822. Факс (499) 241-0852. E-mail: filmart@yandex.ru 119002, Москва, ул. Арбат, 35

S U M M A R Y

Zara Abdullayeva — Kristina Matvienko — Alexei Medvedev
There will be no catharsis
Scripts' Competition «Private Matter»-2010. Results. Moderated by Daniil Dondurei.

Anna Yablonskaya
The Pagans
A play.

Sergei Medvedev
It's all common here around

Vladimir Mirzoyev
Old senses nesting anew

IK enquette
Scripwriters' answers,

Tatyana Bogatyryova
I know how to knit
A script.

Sergei Anashkin
Tales true and untrue

Denis Osokin
In fact let's throw away all that jazz
Conversed by Sergei Anashkin.

Denis Osokin
A duck on a drum
A book.

Natalya Repina
Mal'aria
A script.

IK enquette
Directors' answers.

Leonid Korin
Contrebasse
A script.

Журнал издается при поддержке

Министерства культуры РФ

Агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

Научный Совет журнала:

З.Абдуллаева, *к.иск.*, Ю.Богомолов, *к.иск.*, А.Голубовский, *к.иск.*, И.Гращенкова, *д.иск.*, Л.Гудков, *д.филос.н.*, Д.Дондурей, *к.филос.н. — председатель Совета*, Н.Дымшиц, *к.иск.*, В.Зверева, *к.ист.н.*, А.Качкаева, *к.филол.н.*, С.Медведев, *к.ист.н.*, С.Муратов, *д.филол.н.*, А.Плахов, *к.иск.*, И.Полуэхтова, *д.соц.н.*, О.Рейзен, *д.иск.*, И.Рубанова, *к.иск.*, М.Теракопян, *к.иск.*, М.Туровская, *д.иск.*, Н.Цыркун, *к.филос.н.*, *А.Шатских, д.иск., М.Швыдкой, д.иск.*, С.Экштут, *д.ист.н.*

Журнал издается при поддержке:

компании «СТС Медиа» (телеканал «Домашний»)

телеканала ТНТ

телеканала РЕН

телеканала «Петербург — 5 канал»

Фонда «ФИНАНСЫ И РАЗВИТИЕ»

Фонда ЕЛЬЦИНА

ISSN 0130-6405

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1931 года

Издатель Некоммерческое партнерство «Редакция журнала «Искусство кино»

Главный редактор Даниил Дондурей
Исполнительный директор Елена Карташова
Заместитель главного редактора Нина Зархи
Ответственный секретарь Лариса Калгатина
Редакторы: Евгений Гусятинский, Елена Паисова, Елена Стишова, Нина Цыркун
Специальные корреспонденты Зара Абдуллаева, Лев Карахан
Редакторы сайта www.kinoart.ru Анастасия Дементьева, Инна Кушнарева
Арт-директор Людмила Мишунина
Фоторедактор Елена Плоткина
Корректор Галина Элькина
Маркетинг: Леонид Гурьян, Дина Назарова
Секретарь редакции Арина Лисицына
Дизайн обложки — Евгений Добровинский

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, 35, офис 341
Телефон для справок: (499) 248-28-22. **Факс** (499) 241-08-52
www.kinoart.ru

e-mail: filmart@yandex.ru

Сдано в набор 8.02.11. Подл. к печати 17.02.11
Формат бумаги 70 x 100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная
Печ. л. 11,75.
Заказ 12202. ПО «Периодика»,
Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ № 01632 от 7.10.92

Фото и адреса актеров редакция не высылает

Рукописи, соответствующие тематике журнала, но не принятые к публикации, рецензируются по просьбе авторов

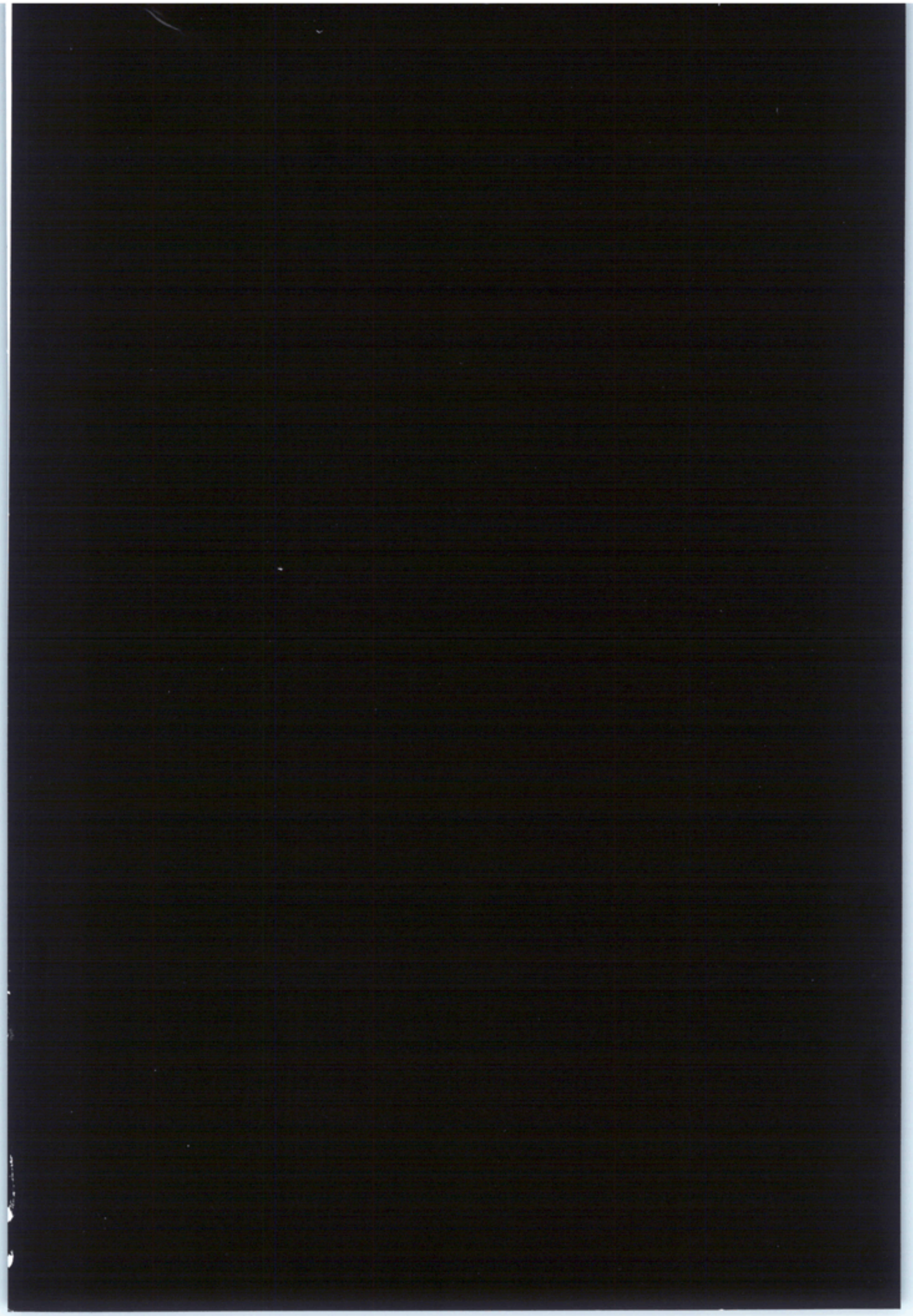
«Искусство кино» распространяется во всех странах СНГ. Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи по каталогам агентства «Роспечать»: СНГ — с. 138, РФ — с. 237, Москва — с. 256. **Индекс** 70402.
В Москве на «Искусство кино» можно подписаться с получением вышедших номеров в редакции по адресу: 119002, Москва, ул. Арбат, 35, офис 341
Телефон для справок: (499) 248-28-22

Our address:
Arbat street, 35, 119002, Moscow, Russia
Tel. (499) 248-28-22
Fax (499) 241-08-52

www.kinoart.ru

e-mail: filmart@yandex.ru

© Журнал «Искусство кино», 2011



Индекс 70402

ИСКУССТВО КИНО

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Материалы И.КУШНАРЕВОЙ, Е.ПАИСОВОЙ, В.СМИРНОВОЙ, Н.ЦЫРКУН

В РУБРИКЕ **«ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ»**

«Почему я не смотрю телевизор?» Круглый стол «ИК»

В РУБРИКЕ **«РЕПЕРТУАР»**

«КОРОЛЬ ГОВОРИТ!» Тома Хупера
«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» Даррена Аронофски
«СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ» Дэвида Финчера
«127 ЧАСОВ» Дэнни Бойла

В РУБРИКЕ **«ИМЕНА»**

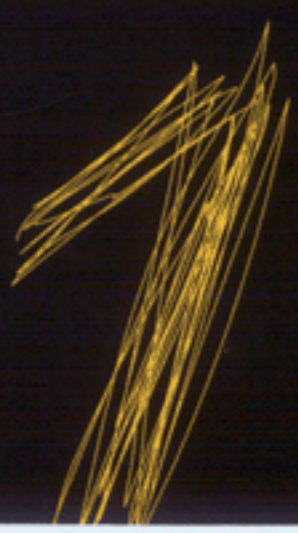
ЖАН-ЛЮК ГОДАР

В РУБРИКЕ **«РАЗБОРЫ»**

Дмитрий Мамулия о Джоне Кассаветесе
Фрик-культура и «Шоу уродов» Дрю Белла

В РУБРИКЕ **«ОПЫТ»**

Роман Гутек. Польский опыт организации артхаусного фестиваля
Когда наступает сейчас. Современные художники об искусстве фотографии

В РУБРИКЕ **«ЧТЕНИЕ»**

Андрей Щербинин. ГУППИИ
Пулат Ахматов. ДЖУГИ
Ярослава Пулинович. ОН ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ